

СОЛДАТЫ В БЕССМЕРТЬЕ ИДУТ...

*Коллективный сборник произведений
тамбовских писателей
о Великой Отечественной войне*

Дорогие читатели!

Десятки лет минули с тех пор, как отгремели последние залпы самой жестокой и кровопролитной войны современности, войны, унесшей миллионы жизни, оставившей тысячи и тысячи сирот, разрушившей множество городов и сел, войны, изменившей политическую карту мира, войны, покрывшей неувядаемой славой историю воинства Российского.

Нет ни одной семьи в нашей стране, в нашем городе, которая не была бы причастна к событиям

беспощадной войны. В каждом доме не понаслышке знают о смертельных ранах, письмах - «треугольниках», наградах за боевую доблесть. Из каждой тамбовской двери выходили на защиту Родины отцы, мужья, сыновья, братья. И не все смогли вернуться назад, к любящим матерям, женам, сестрам.

Свет Великой Победы не меркнет с годами, но и боль утраты не слабеет. Невероятно дорогой ценой жизни многих и многих людей была отвоевана свобода нашей Родины. Потрясающие силу и мужество проявили все без исключения участники военных событий: на фронте и в тылу. Героизм и самоотверженность русских солдат дали право на жизнь будущим поколениям.

Книга, которую вы держите, - уникальная возможность для каждого осмыслить события той войны, вместе с авторами прожить военные будни, прочувствовать боль утраты родных и близких, замереть перед последним боем и со слезами счастья встретить Великую Победу. Составители сборника проделали колоссальную работу, объединив под одной обложкой стихи и прозу тамбовчан – участников Великой Отечественной и наших современников. В этом есть глубокий смысл, ведь каждый писатель и поэт вкладывает в литературные строки свою душу, свое искреннее отношение к военным событиям. И чем дальше уходит в историю победный 1945 год, тем больше мы осознаем величие беспримерного подвига нашего народа. Все произведения двухтомника сливаются в единый искренний и захватывающий

рассказ о стойкости и мужестве русских воинов, о силе и доброте русских женщин, о широте и бескорыстии русской души.

Мне хочется, чтобы к этой книге обратилось как можно больше тамбовчан, чтобы ее читали все вместе – родители и дети, учителя и ученики, ветераны войны и будущие защитники Отечества.

Глава города Тамбова

А.В. Кондратьев

ОНИ ПРИБЛИЖАЛИ НАШУ ПОБЕДУ...

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАМБОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Когда читаешь биографию писателя и встречаешь слова: «участник Великой Отечественной войны», чувствуешь к нему особенное отношение, с волнением открываешь книгу прозы или сборник стихотворений. Есть такое выражение: «Когда говорят пушки, музы молчат...». Да, многие произведения созданы после войны, но сколько горячих строк написано в окопах, в редкие минуты затишья! У Александра Твардовского есть такие стихи:

На войне под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колёс,
В дождь, укывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку,
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

Нет, не молчали музы, когда гремели пушки. В гуле артиллерийской канонады под Москвой, над Волгой, под Берлином – на долгих и трудных фронтовых дорогах – звучали стихи и песни, сочинённые бойцами-поэтами. Так рождалось фронтовое искусство. Незабываемы строки Николая Майорова, Георгия Суворова, Иосифа Уткина, Алексея Лебедева, Вячеслава Афанасьева, Бориса Котова, Валентина Шульчева, Василия Кубанёва и многих-многих других поэтов, не доживших до Дня Победы. Стихи, написанные на фронте, полны веры в спасение Отчизны, в непобедимость советского солдата. И ещё: их авторы верили в то, что не будут забыты.

В самом начале войны, находясь на фронте, поэт Алексей Лебедев писал:

Пройдёт война.
Мы встретимся, быть может.
Как прежде, дым, синяя, будет плыть.
Поговорим о том, что нам всего дороже:
О родине, о славе, о любви...
Но если даже смерть в объятя примет,
И не настанет нашей встречи час,
Друзья-бойцы, вкушая отдых дымный,
Поговорят о славе и о нас.

На войне поэты писали о событиях, в которых сами принимали участие, но нередко и о том, что согревало их сердца: о родном доме, о

любимой, о светлой берёзке или о маленькой речушке, выкупавшись в которой, не успев обсохнуть, был оглушён страшным словом «война». Николай Майоров очень точно описал, как природа реагировала на начало войны, как изменились её краски, как она сразу посуровела: «И как будто намертво застыла в чёрно-синей заводи вода...»:

Бочаги пугали глубиною,
Синей топью угрожала зыбь,
Бурлаками с звонкой бечевою
Шли отлогим берегом вязы.

А навстречу – выжженные дали
В неумолчном грохоте войны...
Серебром рассыпанным упали
Бубенцы серебряной луны.

Дымом потянуло из ложбины,
Ветер дул тревожно-горячо.
Кисти окровавленной рябины
Тяжело свисали на плечо.

Фронтальная поэзия рождалась вопреки всему: вопреки ужасу перед натиском врага, вопреки горю от утраты друзей и от сознания того, что приходится отступать. И даже вопреки ощущению, которое возникало не раз: «И, кажется, что нет искусства, а есть железо, хлеб и кровь». Из боя в бой шли воины, и, вернувшись из очередной схватки с врагом, солдат-поэт, несмотря на смертельную усталость и опасность, записывал в заветную тетрадь строки, обессмертившие тех, кто ценой жизни отстаивал Родину:

Пришёл и рухнул, словно камень,
Без сновидений и без слов,
Пока багряными лучами
Не вспыхнули зубцы лесов.

Покамест новая тревога
Не прогремела надо мной,
Дорога, дымная дорога –
Из боя в бой, из боя в бой.

Это стихи Георгия Суворова, погибшего в бою по прорыву блокады Ленинграда. Но живут его творения, его герои – товарищи по боям и окопам.

Нескончаемым потоком шли с фронта похоронки. И это тоже находило отражение в военной поэзии. Вот как Иосиф Уткин представлял картину горя в семье, куда пришло известие о гибели близкого человека:

Когда я вижу, как убитый
 Сосед мой падает в бою,
 Я помню не его обиды,
 Я помню про его семью.
 Мне представляется невольно
 Его обманчивый уют.
 ...Он мёртв уже. Ему не больно.
 А их ещё письмом убьют.

И всё же основной темой, авторской мыслью является вера в победу. Ежедневно сталкиваясь лицом к лицу со смертью, бойцы верили в жизнь, а значит – в победу. Война не заслоняла собой чистые рассветы и чистые помыслы юношей в солдатских шинелях, пишущих с фронта письма своим любимым:

Если я не вернусь, дорогая,
 Нежным письмам твоим не внемля,
 Не подумай, что это – другая.
 Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
 Надо мною грустят в тишине,
 А такую разлуку с любимой
 Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю,
 Только вами и счастлив я был:
 Лишь тебя и родимую землю
 Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
 Надо мной не склонятся, дремля,
 Только ты мне и будешь любимой,
 Только ты да родная земля.

Эти стихи написаны Иосифом Уткиным в 1942 году. Он из поколения поэтов, не вернувшихся с войны.

...Строка, оборванная пулей... Сколько строк оборвали пули, сразившие молодых поэтов, не реализовавших свой дар! Но всё-таки они успели создать стихи и песни, поднимавшие дух солдата, помогавшие не только военному поколению, но и послевоенному.

Три поэта с Тамбовщины – Вячеслав Афанасьев, Борис Котов, Валентин Шульчев – три бойца, сражавшиеся «штыком и пером», погибли в 1943 году. Но не только эта скорбная дата объединяет их. Много общего в их судьбах. Короткая, но героическая жизнь каждого из них не могла пройти

бесследно. Память о фронтовых поэтах жива в сердцах земляков, жизнь их продолжается в стихах. Недаром же в стихотворении, написанном в 1941 году, Вячеслав Николаевич Афанасьев (1903 – 1943) сказал:

Беспокойное и жгучее –
 Что там, в сердце, в глубине:
 Или молодость кипучая
 Возвращается ко мне?

Что ж, пути ей не заказаны...
 Друг далёкий, приходи!
 Сколько слов ещё не сказано,
 Сколько песен впереди!

Поэт родился в Тамбове. Здесь прошло его детство и отрочество, здесь он вступил в комсомол, окончил школу и педагогический техникум. Природа родного края пробудила желание писать стихи. Любовь к поэзии сочеталась в нём с любовью к людям. И где бы он ни был потом, он всегда с теплотой и благодарностью вспоминал своих земляков, город, где родился и вырос:

Только милого, родного
 Не могли стереть года.
 Я родимого Тамбова
 Не забуду никогда.

Работая на Дальнем Востоке, куда он уехал в 1920 году по комсомольской путёвке, Вячеслав Афанасьев пишет много стихов о Родине, о её сыновьях и дочерях. Лирика поэта отличается глубоким проникновением в окружающую действительность, тонкой наблюдательностью. Где, как не в России, подчёркивал он, встречаются такие молодцы: «Ребята – что надо, где лучше и быть: умеют работать, умеют дружить!».

В 1938 году Вячеслав Афанасьев возвращается в Тамбов, где продолжает большую литературную работу: он много пишет и печатается, его стихи известны в столице. Через два года, по приглашению Александра Фадеева, он переезжает в Москву. Здесь и застало его известие о начале Великой Отечественной войны.

Вступив в ряды народного ополчения, поэт участвует в боях с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к столице, сражается с врагом в составе партизанского отряда на Смоленщине. В бою за освобождение Смоленска Вячеслав Афанасьев погиб в сентябре 1943 года. После его гибели совсем по-иному были восприняты друзьями и близкими стихи, написанные ещё до войны:

Застигнутый последней метой
 И не успев всего допеть,

Благословлю я землю эту,
Когда придётся умереть.

Он благословил родную землю, обогрив её своею кровью, но не отдав на поругание врагу.

Талант Вячеслава Афанасьева только начал набирать высоту, но война оставила многие его песни недопетыми. А то, что успел создать, звучит искренне, вдохновенно. Такой была вся его недолгая жизнь – «жизнь во имя счастья и мечты». В Москве, на мемориальной доске, установленной в Центральном доме литераторов, среди 73 фамилий писателей, не вернувшихся с войны, высечена и фамилия нашего земляка – поэта Вячеслава Афанасьева.

На шесть лет моложе Афанасьева был поэт *Борис Александрович Котов (1909 – 1943)*, родившийся в селе Пахотный Угол нынешнего Бондарского района, в семье учителей. С ранних лет он тянулся к книге, школьником начал пробовать писать стихи. Работа преподавателем на курсах по ликвидации неграмотности, секретарём сельского совета, позже – на шахтах Украины не только не мешала творчеству, а наоборот, помогала: стихи Бориса Котова были живыми, трогаящими душу читателя, в них – сама жизнь, со всеми её сложностями, радостями и тревогами. Боевитость, высокий гражданский пафос делали строки поэта чеканными, заражающими читателя авторским энтузиазмом. В двадцать лет он уже мог сказать:

Теперь иные звуки...
Но коль нагрянет враг,
Возьму винтовку в руки
И выровняю шаг!

Эти строки написаны задолго до начала Великой Отечественной войны, но поэтическое чутьё диктовало одарённому юноше боевые стихи, пронизанные готовностью ценой жизни защищать Отечество.

Судьба наградила Бориса Котова талантом, но обделила здоровьем. По заключению медицинской комиссии, он был освобождён от военной службы. Однако, когда началась война, поэт ушёл на фронт добровольцем, был миномётчиком в стрелковой части. 28 августа 1943 года он написал стихотворение «Последнее письмо»:

В полночь холодно,
В полночь жарко,
Ветер хочет всю пыль смести.
Остаётся рабочий Харьков
Вехой, пройденной на пути.
Войны слева и войны справа,
В центре – смертная карусель.

И задумчивая Полтава
Перед нами лежит, как цель.

Видимо, это было не просто последнее письмо, но и последние стихи, потому что через месяц – 29 сентября 1943 года – в бою на Днепровском плацдарме Борис Котов погиб, совершив героический подвиг. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно.

Поэт-воин погиб, познав «и даль освобождённого пространства, и зрелость, обрётённую в бою...» Он с честью выполнил долг перед Родиной – приказ, который сам себе и отдавал, идя на смертный бой:

Ну, что, поэт? Бери гранаты,
Тяни латунное кольцо!
По фронту хлещут автоматы,
Песок и снег летят в лицо.
Умри, но стой! Назад ни шагу!
Ты эту землю не отдашь...
Здесь ценят стойкость и отвагу,
Здесь штык нужней, чем карандаш...

Младшим братом Вячеслава Афанасьева и Бориса Котова можно назвать поэта *Валентина Ивановича Шульчева (1914 – 1943)*, уроженца села Староюрьева, прожившего неполных тридцать лет. Как большинство одарённых молодых людей, он участвовал в ликвидации неграмотности в тамбовских деревнях, на его глазах происходили события, нашедшие потом отражение в стихах: «Посреди весны, как на ладони, встал колхоз по имени «Рассвет»...

В 1930-е годы Валентин Шульчев работал учителем русского языка и литературы в родном селе и заочно учился в Воронежском педагогическом институте. Он окончил его незадолго до начала войны. Юноша был уже сложившимся поэтом, в чём убеждают многие его стихотворения, в частности, «Погоня»:

В рассветные сумерки синие,
В разлёте и гике погони,
Одетые пеной, как инеем,
Вломились безумные кони...
И, ветра свистящего полные,
Их гривы плясали, как пламя,
И длинные, сизые молнии
Кипели, клубясь, под ногами...

Молодой поэт мечтал об аспирантуре – настолько была велика тяга к знаниям. Но война разрушила все планы. С первых её дней Валентин Шульчев – на фронте: корреспондент газеты «Во славу Родины!», боец

отряда Первой Курской партизанской бригады. В сражении под Харьковом он был ранен, попал в плен, но ему удалось бежать. Оказавшись снова в строю, поэт-воин бился с врагом с удвоенной силой. В минуты затишья он писал стихи, песни, частушки, которые заучивались солдатами наизусть и распространялись по окопам. Поэт и во время боёв не расставался с заветной тетрадью, в которой появлялись всё новые и новые стихи, проникнутые жаждой жизни, верой в победу:

За нашу кровь, за слёзы и за раны
Мы вражьей своре предъявили счёт.
Смелее в бой, лихие партизаны!
За Родину, товарищи, вперёд!
Враг будет бит.
Фашистской банде чёрной
Не жить на нашей радостной земле.
Разведка наша в Курске и Касторной...
Друзья у нас и в Брянске и в Орле.

Такие строки вдохновляли бойцов, поднимали в бой, укрепляли веру в то, что враг не будет хозяйничать на нашей земле.

Валентин Шульчев, как и все, ждал конца войны, мечтал о творческой работе. Но бой 21 февраля 1943 года на окраине Курска стал для него последним: спасая раненого товарища, поэт погиб. На груди у него, под гимнастёркой, друзья нашли ту самую тетрадь, куда он записывал стихи. В ней было начало поэмы «Орловщина», несколько новых стихотворений, в том числе и «Мужество», посвящённое отважному партизану Егору Гайдукову. Строки, выведенные рукой Валентина Шульчева, оказались для него пророческими:

Может быть, и мне придётся круто.
Повстречавший смертную беду,
Как свою последнюю минуту
Я в бою последнем проведу?
Труден будет этот час суровый.
Но, с врагом сойдясь лицом к лицу,
Вспомню я Егора Гайдукова
И умру, как следует бойцу...

Пули, сразившие Вячеслава Афанасьева, Бориса Котова, Валентина Шульчева, не смогли оборвать жизнь их творений. Мы читаем стихи и поэмы, чтим светлую память об их авторах.

На зданиях школ, где учились Борис Котов и Валентин Шульчев, – в Пахотном Углу и в Староюрьеве – благодарными земляками установлены мемориальные доски в честь поэтов-воинов. Памятная доска была когда-то установлена и на доме по улице Московской города Тамбова, где родился и

вырос Вячеслав Афанасьев. К сожалению, дом не сохранился, а с ним утрачена и мемориальная доска. Но память уничтожить нельзя, она вечна.

Заметный след в литературе оставил ещё один наш земляк, погибший в годы Великой Отечественной войны, – писатель *Борис Глебович Песков* (1909 – 1944). Родился он в Тамбове, в семье рабочего. Здесь прошло детство и юность. После окончания средней школы Борис Песков стал студентом Воронежского педагогического института. Первые рассказы молодого писателя были опубликованы в 1931 году в воронежских газетах и в журнале «Подъём», в котором Борис Глебович стал работать после окончания института.

До войны в Воронеже было издано несколько книг рассказов Бориса Пескова. В них нашли отражение и тамбовские мотивы.

Осенью 1941 года Бориса Пескова призвали в действующую армию. Вначале он был солдатом-пехотинцем, затем его направили военным корреспондентом в армейскую газету. Он посылал свои произведения с фронта в Воронеж, где в 1943 году была издана книга «Из фронтового дневника». Военные впечатления легли в основу задуманного романа «Грудь четвёртого человека», который остался незавершённым: 16 сентября 1944 года при выполнении очередного задания редакции Борис Песков погиб. Посмертно был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

После войны воронежские литераторы собрали произведения своего товарища и издали несколько книг: «Годовые кольца», «Избранное» и др. В 1960 году в первом номере журнала «Подъём» были напечатаны фрагменты из неоконченного романа Бориса Пескова «Грудь четвёртого человека».

В одном ряду с названными писателями стоит *Василий Михайлович Кубанёв* (1921 – 1942), проживший короткую даже для военного времени жизнь – 21 год.

Родился Василий Кубанёв в селе Орехово Курской области. Будучи школьником, он начал сочинять стихи, много читал, книги всегда были его лучшими друзьями.

В 1937 году семья Кубанёвых переехала в город Мичуринск Тамбовской области. Здесь будущий поэт учился в старших классах школы и сотрудничал в газете «Мичуринская правда», часто выступал с чтением своих стихов перед молодёжью. Когда началась Великая Отечественная война, молодой поэт ушёл на фронт добровольцем. Дойти до Берлина, как мечтал, ему не было суждено. Но он верил в победу, и эта вера – в каждом стихотворении, написанном в годы войны:

Ходите прямо, дышите легко
Все, сгибавшие спины низко.
Это от Берлина до Москвы далеко,
А от Москвы до Берлина близко!

На фронте поэт заболел, вернулся в Острогожск Воронежской области, где работал до войны, и 6 марта 1942 года его не стало. Но как много он успел создать! Как глубоко мыслил! Это ему, Василию Кубанёву, принадлежат слова: «Умереть не страшно. Страшно не жить». Он, как и многие поэты, продолжает жить в стихах:

Пусть шагом спокойно-широким –
От мощи своей легки –
Идут в наступление строки,
Как праведные полки.

Эти стихи Василия Кубанёва звучат как напутствие поэтам разных поколений. Они нашли отклик у тех, кто вернулся с победой, встал в строй для мирного труда.

Настоящим подвигом можно назвать жизнь поэта-лётчика *Ивана Васильевича Шамова (1918 – 1965)*, имя которого носит одна из библиотек города Тамбова. Место рождения Шамова – село Хлыстово Моршанского уезда. После окончания средней школы поступил в Моршанский библиотечный техникум и, получив диплом с отличием, был принят в Московский библиотечный институт. Любовь к книге с детских лет предопределила его литературную судьбу. Но была у него ещё одна любовь и тайная мечта – авиация. Учась в институте, Иван Шамов занимался в одном из аэроклубов столицы. Войну встретил лётчиком-истребителем, воевал на разных фронтах. На его счету – много боевых вылетов, он внёс большой вклад в победу над врагом.

После Победы Шамов продолжал службу в авиации. Но 1947 год стал для него роковым: во время очередного полёта в воздухе отказал мотор. Самолёт рухнул на землю, лётчик чудом остался жив. Много времени провёл он в госпиталях, но повреждённый при аварии позвоночник так и не позволил теперь уже бывшему пилоту не только подняться в воздух, но и просто встать на ноги. Он оказался до конца дней прикованным к постели. Однако Иван Шамов был не из тех, кто сгибается под ударами судьбы. Он нашёл своё место в жизни, обретя новое призвание. Теперь его оружием стали стихи:

Пусть недуг в моём бушует теле,
Не могу народу быть обузой.
И сейчас, прикованный к постели,
Я служу Советскому Союзу!

Так началась поэтическая судьба фронтовика. В 1953 году вышел в свет его первый стихотворный сборник, где явственно слышались мотивы оптимизма и веры в то, что человек в силах преодолеть себя и найти своё место в жизни при любых ситуациях.

Судьба Ивана Шамова схожа с судьбой Николая Островского, мужество которого помогало не одному человеку совершать подвиги. И в стихах, посвящённых любимому писателю, звучит у Ивана Шамова страстное желание жить, бороться и побеждать:

Когда на душу, как воришка,
 Придёт незваная печаль,
 Я слышу голос:
 «Эй, братишка,
 Ужель сдаёт на сердце сталь?»
 Твои слова, солдат Островский,
 Хлестнут по совести, как плеть,
 И снова хочется чертовски
 Работать, драться, песни петь!

В 1960-е года очень популярной была песня «Костры горят далёкие» (в некоторых сборниках она называется по-другому – «На лавочке»). Её с удовольствием пела молодёжь, и немногие, наверное, знали, что слова этой песни написаны нашим земляком, поэтом Иваном Шамовым. Его стихи всегда пользовались любовью читателей. Интересен тот факт, что космонавт Герман Титов, будучи молодым лётчиком, на вечерах художественной самодеятельности в своей части читал стихи Ивана Шамова. У этого поэта и не могло быть равнодушных читателей. Ведь с самого начала своей литературной деятельности он определил себе боевую программу: «Я опять иду на взлёт, стихом и песней бью по цели!».

Иван Шамов затрагивал в стихах все темы: писал о войне, о её героях, о родной природе, о своей малой родине. И где бы он ни был, он никогда не забывал Тамбовский край:

Воздух тамбовский,
 Светлые реки,
 Край мой отцовский,
 Твой я навеки...

Тамбовский край – родина ещё многих поэтов-фронтовиков. Среди них – Сергей Голованов и Павел Дорошин.

Сергей Иванович Голованов (1917 – 1976) родился в селе Зубриловка Пензенской губернии. Окончив сельскую школу, поступил на филологический факультет Волгоградского педагогического института. Когда началась Великая Отечественная война, ушёл на фронт, сражался с врагом с первого и до последнего дня – Дня Победы. С боями дошёл до Праги, не раз награждался боевыми орденами и медалями. С войны привёз Сергей Голованов фронтовые газеты, в которых печатались его стихи. Известный советский поэт Яков Шведов в одном из номеров газеты «За

победу!» писал: «В редакцию ежедневно приходят конверты со стихами, написанными в окопах. Рядом с бойцами в строю идут поэты-запевалы, чьи стихи и песни помогают громить проклятого врага... Чаше других печатаются стихи старшего сержанта Голованова. У него острый взгляд... У него на первом месте – боец со своими думами и чувствами...».

Кроме названной газеты стихи Сергея Голованова печатались в боевых изданиях «За честь Родины», «На разгром врага», «Суворовский натиск». Здесь же молодой поэт публиковал и очерки о боевых товарищах, о трудных дорогах войны, откуда он вернулся закалённым воином победителем, поэтом, журналистом, равнодушным человеком.

В Тамбове Сергей Голованов жил и работал с 1945 года. Вполне естественно, что он пришёл в газету «Тамбовская правда», в которой проработал много лет. Здесь публиковались его документальные очерки, воспоминания о суровых днях войны, И всегда на первом месте у автора был человек – красивый, добрый, смекалистый русский человек, остававшийся и в мирной жизни бойцом:

Снова дружит с тобою слава,
Путь к победам опять лежит.
Из печи огневая лава
Неудержно в ковши бежит.

После битвы святой, суровой
Рад вдвойне трудовому дню.
Как на фронте, стоишь ты снова
По-солдатски – лицом к огню!

А вот стихотворение «Пехотинец», в нескольких строках которого – и образ бойца, не сломленного врагом, и картины боя, и мечта о мирных днях, ради которых отдано столько прекрасных жизней:

Вдыхая пожарищ копоть,
Гнев проносил в боях,
Лежал, замерзая в окопах,
Чтоб люди жилив домах.

Полз под раскаты орудий
К дотам чужим во мгле,
Чтоб снова ходили люди
В полный рост по земле.

Тема войны была неисчерпаемой в творчестве Сергея Голованова, как, наверное, в творчестве любого поэта, воочию видевшего, испытавшего на себе весь ужас тех роковых сороковых годов. И как непередаваемо радостно было возвращение на родную землю:

И мне, прошедшему пути сражений,
Становится дороже с каждым днём
Птиц щебетанье, шорохи растений,
Былинка вешняя в краю родном.

Первая книга стихов Сергея Голованова «Глубокие корни» вышла в Тамбове в 1951 году. И в этом сборнике, и в последующих – много стихотворений, проникнутых любовью к Тамбовскому краю. Это чувство поэт пронёс через всю свою жизнь.

Поэт земли и её солдат, как назвала Сергея Голованова Майя Румянцева в предисловии к сборнику «Ветер и степь», он умел находить для выражения своих чувств свежие, именно «головановские» слова, наполнял их запахами и красками, отчего стихи становились нежными, проникающими в душу читателя, они затрагивали самые чувствительные струны сердца:

Я дождусь рассвета под сосной,
Посижу на корне узловатом...
Листьями смородины лесной
Чай заварен в котелке помятом.

Я бываю здесь и каждый раз
Вот что первым долгом вспоминаю:
К Родине большой любовь у нас
Началась с любви к родному краю...

Любовью к родному краю проникнуты и стихи *Павла Алексеевича Дорошина (1913 – 1977)* – поэта, журналиста, солдата. Он родился в Тамбове, здесь жил и работал, писал стихи, выпускал сборники, занимался с молодыми поэтами. Но до этого – тяжелейшие дороги войны, потери друзей, и – бои, бои... Боец Дорошин знал, что тот, кто воюет за правое дело и погибает за него, – бессмертен. Вот строки из стихотворения «Уходя на фронт», посвящённого дочери Светлане:

Если я погибну в бою,
Не оплакивай смерть мою:
Потому что в смерти бойца
Есть бессмертье и нет конца.

В сборниках Павла Дорошина рядом со стихами о войне – стихи о Родине, о волнующей природе родного края, о любви. И в каждой строчке – тревога за Отчизну, желание мира и счастья на земле:

Всё стерплю – и горький вкус волны,

И огня последний страшный вал,
 Чтоб, рождённый в первый день войны,
 Сын мой никогда не воевал.

Высоким чувством поэта-гражданина проникнуты стихи фронтовика *Ивана Сергеевича Кучина (1924 – 2000)*. Он родом из деревни Берёзовка Шехманского (ныне Петровского) района. Со школьной скамьи ушёл добровольцем на фронт. Первые стихи Ивана Кучина были опубликованы в 1942 году в армейской газете «Сокол Родины». Уже тогда обозначилась его передовая – и в жизни, и в творчестве (один из своих сборников он позже назовёт именно так: «Моя передовая»):

Дождь шелестит...
 А мы, не уставая, –
 Немые тени – движемся ползком...
 За нас заговорит передовая
 Своим неотразимым языком.

До конца дней главной своей темой Иван Кучин считал тему войны и подвига бойца. «Рифмы мне подсказала шрапнель, а мотив наиграла «Катюша», – писал Иван Сергеевич в 1944 году в стихотворении «Что я видел, о том и пою...». Оно вместе со многими другими произведениями вошло в двухтомное собрание сочинений «Три четверти стремительные века...», изданное посмертно к 80-летию поэта. Здесь читатель найдёт стихи о войне, о любви, о родном крае, о несломленном народе, выстоявшем в трагические 1941 – 1945 годы. Нельзя не заметить жизнеутверждающего мотива всего творчества Ивана Кучина. Много горя пережил народ:

Но этим горестям безмерным
 Жизнь властно руку подаёт.
 Навеки – в подвигах бессмертных
 В беде не сломленный народ.

Поэты-фронтовики, вернувшиеся с войны живыми, составляли огромную литературную силу на Тамбовщине. Почти все они работали в газетах, и их поэтическое и журналистское перо всегда было острым. Одним из них был *Семён Семёнович Милосердов (1921 – 1988)*. Его родина – посёлок Семёновка нынешнего Знаменского района. Позже семья переехала в Тамбов. Здесь будущий поэт окончил школу; поступил в Саратовский государственный университет, но начавшаяся война не дала завершить учёбу. Тяжёлая участь выпала на долю молодого бойца: ранения, плен, побег, партизанский отряд... А после войны – репрессия, которая не миновала, наверное, ни одного человека, побывавшего в плену. Но всё выдержал Семён Милосердов, потому что его никогда не покидала вера в справедливость, надежда на то, что после испытанных им ужасов придёт желанная свобода и

возможность заниматься любимой работой. Творчество придавало ему силы. Всё потом нашло отражение в его стихах и поэмах. Всю жизнь неотступно преследовала память о войне:

Закрываю глаза – на мгновенье
Мне покажется: грохот, война,
Я взрываю кольцо окруженья,
Гимнастёрка обожжена...

Немало стихотворений Милосердова посвящено Родине, образ которой сливается с образом матери, оберегающей своих сыновей в самые тяжкие моменты. Характерно в этом отношении стихотворение «Мать-Россия»:

Я упал в подорожник.
Мне жить – не судьба.
Я лежу, окровавлен, почти бездыханен...
Но Россия перстами касается лба:
– Подымайся, сыночек.
– Я ранен?
– Да, ранен...

И боец поднимался и шёл «всё вперёд, всё на запад, круша окаянную силу», потому что в его сознании «воедино сливались образ Матери и России...». Особое место в творчестве Семёна Милосердова занимают стихи о деревне, её тружениках, уходивших на войну по тем же дорогам, по которым они ходили в поле на работу:

Исхлёстанные ливнями тревоги,
Изрытые, в воронках и в пыли,
Всё помнят деревенские дороги,
Которые к победе нас вели...

Через всю жизнь пронёс боль о погибших товарищах поэт и прозаик *Александр Васильевич Стрыгин (1920 – 1999)*:

Фронтная память побольнее ран,
Оттого не весел старый ветеран.
Часто-часто снятся те, которых нет,
И окоп тот снится вот уж много лет.

Встал живым в окопе только он один,
Страшный бой запомнил до седых седин...
До сих пор окоп тот ездит он искать,
Где хватило б места и ему лежать.

Автор пишет не просто о безымянном солдате (хотя, сколько их, безымянных, погибло на дорогах войны!). В этом стихотворении конкретный, зримо представляемый читателем образ советского бойца. Это, по сути, сам Александр Стрыгин, лежавший в окопах, ходивший в атаки, не один раз смотревший в глаза смерти, но веривший в победу и бессмертие солдатского подвига. «И всё-таки войну выиграла наша пехота», – любил повторять Александр Васильевич. И сколько он посвятил пехоте поэтических строк!

Одежды твои дочерна пропотели,
В пыли и грязи – лишь сверкают глаза.
Тебя узнаю я по серой шинели –
Здравствуй, пехота родная моя!

Образ народного героя не раз встречается на страницах произведений писателя. И всегда он говорит о нём с гордостью, с верой в его доброту, во всегдашнюю готовность прийти на помощь, с верой в его твёрдость и мощь:

Для народа главное –
Дело, а не лесть...
Рядовых Матросовых,
Полководцев Жуковых
У народа нашего,
Сколько надо, есть!

Для поэтов – участников Великой Отечественной войны – эта тема всегда была главной. В подлинность передаваемых ими событий верилось, потому что они были участниками: они писали не о выдуманном, а о реальном фронте – с дымом и гарью, с разрывами гранат, с минными полями, с кровью и смертью... А что могут сказать о войне те, кто всего этого не испытал? Имеют ли они право касаться святой и трагической темы? Созданные поэтами послевоенного поколения произведения дают положительный ответ на этот вопрос.

Разве можно равнодушно читать стихи *Майи Румянцевой (1928 – 1980)* о Зое Космодемьянской, в восемнадцать лет совершившей подвиг?

Шла она неслышно
От школьного порога.
Уходила девочка
В бессмертную дорогу...

В стихотворениях «Почтальону сорок первого года», «Красота», «Любка Шевцова», «Солдатка», «Баллада о крапиве», «Обелиски» военные и первые послевоенные годы описаны как воспоминания девочки-подростка, накопившей далеко не детские впечатления, которые через много лет

В сборнике стихов «Война и дети» *Пётр Герасимов*, обращаясь к погибшим землякам, которых он помнит ещё живыми, довоенными, пишет:

Я помню вас, когда вы были живы.
 В сердцах живущих живы и теперь.
 Не вас ли ожидая, старожилы
 Не запирают старенькую дверь?

Александр Макаров родился после войны, но эта тема – неотъемлемая часть его творчества. Запоминается стихотворение об отце – «Невысок мой отец...»:

Сыновья – мы повыше, светлее лицом.
 Но каким бы высоким и светлым я ни был,
 Не светлей и не выше я этого неба,
 Голубинога неба, что стало отцом...

В одном из стихотворений поэт вспоминает, как он с братом играл в войну, когда она уже давно закончилась: «Нас ещё не было в жизни, когда выдавались награды, / Но каждым атомом тела мы ощущали войну...». В это время:

За окном пролетали мирные самолёты,
 И поезда уходили в долгую даль без конца.
 Пчёлы с цветущего клевера мёд собирали в соты...
 Тихим застенчивым светом светились медали отца.

Переключкой поколений воспринимается и стихотворение *Геннадия Попова* (1940 – 1997) «Послание отцу»:

В неведомые, неземные дали
 Я шлю тебе свой фронтовой привет.
 Да, мой отец, мы вместе воевали,
 Хотя тогда мне было мало лет.

Описывая жизнь в тылу, тяготы, которые переносили семьи, чьи отцы были на фронте, поэт возвращается к современности, к трагическим событиям, происходившим в России 1990-х, – событиям, которые, по мнению автора, не менее трагичны, чем Великая Отечественная война. Распалась огромная, когда-то непобедимая страна, начался «пересмотр» исторических событий, появились клеветнические публикации, оскорбительные для участников войны. «Возможно, были времена труднее, / Но не припомнят времени подлея...», – с горечью говорит Геннадий Попов, осознавая, как тысячи честных граждан, и свою вину в том, что не смог победить зло, обрушившееся на Россию:

Когда я прихожу к твоей могиле,

Всем сердцем чувствую свою вину...
 Да, мой отец, мы вместе победили,
 А без тебя я проиграл войну.

Почти во всех стихотворениях о войне присутствует женщина – вдова, мать, потерявшая сына, идущая к Вечному огню, зажжённому в память о погибших воинах. И слышится, как:

Из глубин, из земли
 Наплывают звуки...
 Мать идёт, тяжело
 Опустив руки.

Это строки из стихотворения *Виктора Герасина*. Трудно сломленной горем женщине преодолеть несколько ступеней к огню, но она чувствует, что в его пламени – сердца дорогих ей людей, и тень-память метнулась к матери, прильнула к лицу, к груди и хоть на мгновение облегчила не проходящую боль:

И опять, и опять
 Бьются, бьются тени...
 Здесь как вверх, так и вниз,
 Тяжелы ступени.

О сиротском детстве пишет и автор этой статьи *Валентина Дорожкина*, пишет о своей маме, оставшейся вдовой и воспитавшей четверых детей, о бабушке, у которой война забрала троих сыновей. Образ отца присутствует во многих её стихотворениях и поэмах, посвящённых Великой Отечественной войне, проникнутых тревогой и болью за неисчислимы потери, понесённые нашей страной: «Я, дочь погибшего солдата, быть равнодушной не могу...». И сколько бы ни прошло лет, День Победы навсегда останется «праздником со слезами на глазах»:

Снова наступает день девятый мая –
 Это день особый для моей страны.
 Но никто не спросит и никто не знает,
 Что творится в душах у сирот войны...

«Покоя нет поныне...» – этим стихотворением *Лидия Перцева* выразила чувства тех, кому не безразлично, как живут сейчас ветераны войны, пережившие столько, что невозможно не удивляться: как мог простой смертный пройти весь этот ад, когда:

Война копала ямы,
 Воронки да могилы,
 Война писала драмы

Нечеловечьей силы.

Окопы да траншеи
Живот земли вспороли,
А смерть косила шеи
Рождавшимся героям...

Стихи о войне, о её участниках не пишутся равнодушным пером и равнодушным сердцем. В радостных мотивах победных дней всё чаще слышатся тревожные ноты: мало остаётся ветеранов войны; как без них будут проходить парады Победы, кто расскажет молодому поколению не выдуманную, а реальную фронтовую историю?

У *Николая Замятина (1928 – 2008)* в цикле стихов о Великой Отечественной войне есть стихотворение «Всё меньше их...», читая которое, мы не можем не испытывать тех же чувств, которые испытывает его автор:

Всё меньше их, всё меньше остаётся:
Уже по пальцам можно посчитать...
И как тогда то время назовётся,
Когда уж некого нам будет поздравлять?

Татьяна Курбатова с не меньшим беспокойством размышляет о том, что может наступить и такое время, когда некому будет вспомнить погибших, ибо среди молодёжи немало тех, кто равнодушен к прошлому своей страны, кто не знает и не хочет знать её героев. «Срок памяти нашей, должно быть, истёк...», – сколько смятения в этих словах поэта!

Старушки в платочках к могилам пришли.
Поклон вам, солдаты, поклон до земли...
А завтра кто к этим могилам придёт?
Кто свечку в ладонях сюда принесёт?

Но будем надеяться, что память о погибших – вечна. В другом стихотворении *Татьяна Курбатова* уверенно говорит, что пламя Вечного огня никогда не погаснет, что сама земля, обильно политая кровью бойцов, не даст забыть об их подвигах:

Солдаты, здесь упавшие когда-то, –
Безусые, зелёные ребята, –
Стоят на страже леса и заката
И тянут к небу ветви, как штыки...

В стихах *Валерия Маркова*, тоже поэта послевоенного поколения, наряду с восхищением героическими подвигами бойцов звучит сожаление о

том, что он «не шёл в атаку в цепочке бойцов» и знает о войне только «через память отцов»:

Я утром весенним травой не пророс,
 Не встал, на века воплощённый в гранит.
 И мучит порой, как осколок, вопрос:
 Кто вместо меня в той атаке убит?

А что же поколение молодых поэтов, только вступающих на трудный путь творчества? И для них тема войны – не на последнем месте. *Мария Знобищева*, проходя мимо сквера, где стоит памятник Зое Космодемьянской, каждый раз останавливается перед вечно юной героиней, и кажется ей, что Зоя улыбается, глядя с высоты постамента на красивый сквер: «Не погибла, смотрите, и даже / Улыбается юная нам...». И совсем по-взрослому задаёт молодая поэтесса вопрос: зачем стоит на одной из улиц Тамбова «огромный танк, как память о войне?» И сама же отвечает:

Затем под гладью неба голубого,
 В вечернем полумраке тишины
 Стоит наш танк, что фронту дан Тамбовом,
 Чтоб вечно помнить:
 мы сильней войны!

Значительное место в литературе о Великой Отечественной войне занимает проза тамбовских писателей. Каждая книга, а книга о войне в особенности, – конечно, если её автор – фронтовик, – связана с его биографией, с историей страны, поэтому художественные произведения носят черты документальности. И причина тут не только в том, что называются точные места сражений, включаются сводки Совинформбюро, но и в самом духе повествования, способствующем тому, что произведение о войне воспринимается как очередная правдивая страница истории нашей Родины, ибо в бессмертии героев заключено бессмертие страны.

«Война, война... Сколько плодишь ты скотского, дикого в людях! И как высоко подымается в твоих испытаниях человеческий дух!». Эти слова из романа *Бориса Константиновича Панова (1923 – 2008) «Посреди степей»* как нельзя лучше выражают социальную и нравственную сущность Великой Отечественной войны: гибли миллионы людей, но в то же время война учила «руду дорогую отличать от породы пустой», она ковала характеры для будущей мирной жизни.

Молодого красноармейца Максима Чусова война сразу сталкивает с труднейшими испытаниями. И оттого, выдержит ли он их или смалодушничает, будет зависеть его дальнейшая судьба – останется он просто в живых или навсегда сохранится в памяти уцелевших...

Отбившись в ночной стычке с немцами от своих, казня себя за минутный страх, заставивший его при первой же автоматной очереди

«шарахнуть вбок, побежать по лесу», красноармеец выходит на дорогу и видит изуродованную полуторку, убитых шофёра и женщину, возле которой возился в тряпье крохотный ребёнок. «В груди красноармейца расплескался палящий жар. Торопливо, трясущимися руками он взял ребёнка, завернул в поднятые с земли простыню и вязаную кофту и быстро пошёл было прочь, но шагов через десять какая-то требовательная сила остановила его, заставила вернуться к женщине».

Советский солдат, подвергаясь ежеминутной опасности, не колеблется в выборе: взять ребёнка или быстрее уйти прочь. Немцы могли появиться в любой момент. Но и в этой ситуации в человеке берёт верх человеческое. Он хоронит погибших и спасает ребёнка. И даже когда его нагоняет грузовик с немцами, он продолжает упрямо идти вперёд, крепко прижимая к себе девочку, «боясь только одного, что не выдержит долго такого шага». Но он выдержал. В поединке между голодным, обессиленным красноармейцем и ехавшими на грузовике сытыми фашистами, хохотавшими над «странным русским солдатом с ребёнком на руках», стрелявшими ему под ноги, чтобы испугать, заставить попросить пощады, – выиграл Человек.

Возможно, именно этот, выигранный поединок, и стал точкой отсчёта во всей дальнейшей жизни Максима Чусова. Работая после войны председателем колхоза, он в любой ситуации остаётся прежде всего честным человеком. «На себя я надеюсь: увилывать от дел не стану», – скажет Чусов в разговоре с секретарём райкома Букавиным. Обычные, простые слова, но в них всё – честь и совесть бывшего фронтовика, уверенность, закалённая в огне войны, и наполнявшее его, «будоражащее всё внутри ощущение своей нужности людям».

Есть в романе Бориса Панова и ещё один запоминающийся образ – Якова Забелина, вернувшегося с войны инвалидом, но нашедшего себе дело в колхозе. Не такой он человек, чтобы жить за чужой счёт, пользоваться старыми заслугами. А в сорок третьем году Яков, сам того не сознавая, совершил подвиг... Прямо на него шёл немецкий танк. Он был уже метрах в десяти. «Они остались один на один – человек и броневая грохочущая громадина. Она могла вот-вот раздавить Якова. Но он теперь знал, что не побежит от неё... Это те, кто в танке, должны бояться его, Якова, потому что он сейчас непременно подорвёт и уничтожит их. Он ничуть не сомневался, что всё именно так и произойдёт, и от этой уверенности в нём поднялось злое, беспощадное, торжествующее ликование...».

Вражеский танк был подорван. А кто знает, сколько жизней унесла бы эта машина, если бы её не остановил один человек, «песчинка» на бескрайнем поле войны! Как и Максим Чусов, Яков Забелин вышел победителем из неравного боя – из поединка между добром и злом. На примере этих двух людей Борис Панов показал, как герои войны, совершавшие подвиги не во имя подвигов, а во имя долга и совести, и в мирной жизни – люди высокого полёта, честно выполнявшие своё предназначение на земле.

Война, уничтожившая миллионы лучших сыновей и дочерей страны, искалечила многие судьбы тех, кто остался жив, но не смог, в силу разных причин, найти своё место в мирном строю. Немало и таких случаев, когда отчаявшегося человека спасало доброе участие окружающих. У прозаика и драматурга *Николая Васильевича Архангельского (1916 – 2005)*, бывшего военного хирурга, есть рассказ «Лейтенант Пётр», в котором описан случай из военной жизни, – случай, может быть, и типичный для видавшего виды военврача. Но тот, кто прочитает этот рассказ, запомнит его на всю жизнь.

«...Ночью на станцию прибыл санитарный поезд. Раненых было много. Все они уже побывали в руках хирургов медсанбатов, полевых и эвакогоспиталей. Такие раненые – сложные люди. За время мытарства по лечебным учреждениям у них порой складывались очень тяжёлые характеры. Это были люди, тяжело переносившие своё моральное и физическое увечье. Люди без угадываемого для них самого ближайшего будущего... Сотрудники госпиталя были подняты по тревоге. Пришла даже Вера, библиотекаряша, жившая с матерью неподалёку от госпиталя. Хрупкая, миловидная девушка лет девятнадцати...».

Особенно тяжёлым оказался молодой лейтенант с забинтованным лицом, который буйствовал, а подошедшую успокоить его Веру даже ударил. С содроганием сердца читатель узнаёт из рассказа, что боец получил чудовищное ранение: «Осколок снаряда лишил его глаз, бровей, щёк, носа, части верхней губы...». Даже хирургу, увидевшему то, что осталось от лица лейтенанта Петра, стало страшно.

Узнав, что он ударил девушку, Пётр приходит в себя, просит прощения у пришедшей к нему, по его настоятельной просьбе, Веры. Постепенно между ними завязываются дружеские отношения. Вера читает ему вслух книги, старается отвлечь его от мрачных мыслей. Но вскоре она сама оказывается на больничной койке: у неё обнаружен туберкулёз, и через несколько дней девушка умирает. Ещё один удар судьбы Пётр переносит тяжело, но мужественно: Вера сумела за короткое время знакомства с ним убедить его в том, что достоинство человека не во внешней красоте, а во внутреннем духовном богатстве, и он должен всегда чувствовать себя нужным людям, стремиться в любой ситуации приносить пользу.

Николаю Архангельскому удалось передать психологически тонко и точно душевное состояние двух молодых людей – красивой девушки Веры и изуродованного войной незрячего лейтенанта Петра. Сначала просто человеческое сострадание к раненому бойцу, а потом и желание помочь ему поверить в людей, а главное – в себя, сделали своё дело: после смерти Веры Пётр ещё долго лечился, ему удачно сделали пластическую операцию, он окончил педагогический институт и начал работать учителем, оставшись жить с приютившей его матерью Веры. Потеряв дочь, она обрела сына. Оставшись без глаз, Пётр обрёл внутреннее зрение. Так среди ужасов войны прорастали побеги новой светлой жизни...

Отрадно сознавать, что читатели, приходя в библиотеки, спрашивают книги о Великой Отечественной войне. Роман *Алексея Емельяновича Шилина (1924 - 2007) «Четвёртый патрон»* зачитан, как говорится, «до дыр». Автор, бывший моряк, прошедший войну, написал книгу, как собственную биографию: здесь всё – правда, суровая, беспощадная правда. Оттого и читается она с неослабевающим интересом.

У героя романа Иванникова было тяжёлое голодное детство, а юность его – краснозвёздная. В годы гражданской войны малограмотный деревенский паренёк, закрутившийся в вихре исторических событий, пытается понять: что же происходит вокруг? Хватит ли у таких, как он, сил отстоять правду? Время ответило на все вопросы... Отгремела гражданская война. Можно было бы облегчённо вздохнуть. Но дальнейшие события исключили отдых и покой. Настоящую школу гражданского мужества прошёл Алексей Иванников в годы коллективизации, в период борьбы с ожесточившимся врагом Советской власти. Только встало родное село на ноги, только окрепли колхозы, как новая беда обрушилась на страну. Война принесла с собой разруху и гибель людей; она испытывала человека на прочность на фронте и в тылу; она сделала несчастной не одну семью: похоронки приходили и на действительно погибших, и на тех, кто остался в живых чудом. Так случилось и с Иванниковым.

...Вблизи рыбацкого посёлка немцы потопили корабль, на котором он воевал. Семьи всех, кто был на корабле, получили похоронки. Тяжело раненный, Алексей Иванников с трудом выбрался на берег, где его подобрала и выходила девушка Инга. Но похоронка уже сделала своё дело: у сына Иванникова появился другой отец – тоже фронтовик, тоже достойный человек, страдавший оттого, что считал себя причиной распада семьи. Но Алексей понимает, что причина трагедии – война, понимает, что надо жить. И жить достойно, так же, как достойно воевал.

Иванникова постоянно точит мысль, что он так и не сказал своему, уже взрослому сыну, что он его отец. И, решившись наконец на встречу с ним, с родным домом, понимая, что эта встреча может стать и прощаньем, Иванников подводит итог своей жизни: так ли он прожил, как надо? Юность промелькнула в звоне клинков и свисте пуль, потом – работа до изнеможения, за ней – годы другой войны. И он всегда был там, где трудно. А разве можно было по-другому? Он делал то, что приказывало время. Он дрался за правду, не щадя ни себя, ни других. И вот теперь ему надо сделать ещё один шаг к правде: рассказать сыну, что это он, Иванников, его настоящий отец. Рассказать... а главное – передать сыну патрон, привезённый с фронта. Передать, как боевую эстафету, чтобы молодые знали, какой подвиг совершили их отцы и деды. И тогда в новых песнях всегда будут звучать отголоски великих дел. «Жизнь течёт правильно, – думает Иванников. – Дети гордятся подвигами отцов. Гордиться есть чем. И так будет всегда. На этом будет стоять жизнь... А дел хватит для каждого поколения...».

Умирает Алексей Иванников, не успев поговорить обо всём с сыном, не успев передать из рук в руки боевой патрон. Но сын уже принял эстафету отца: ему передала её сама жизнь.

Своеобразным продолжением «Четвёртого патрона» является очерк Алексея Шилина «Чайки над фиордом», опубликованный в газете «Правда» 25 августа 1983 года. Автор переносит нас в далёкие военные годы, но как современно звучат антивоенные мотивы, как остро поставлена проблема счастья детей всей земли, независимо от расовой принадлежности. Запоминается такой эпизод из воспоминаний писателя. Военный катер задержался в Киркенесе, чтобы очистить от вражеских мин фиорды, но неожиданно налетел на мину и получил пробоину. Кое-как добравшись до причала, моряки занялись ремонтом. «Я подошёл к шлюпке, – пишет Алексей Емельянович, – но что-то заставило меня обернуться. Женщина и мальчик стояли на берегу, за хлопьями падающего снега. Женщина держала руку на плече мальчика, и я заметил под снегом кончики её тонких, словно из белого мрамора, пальцев. Другую руку она прижала к груди. И эта её рука снежно белела на чёрном лёгком пальтишке. «Кушать», – произнесла женщина на ломаном русском языке. Я метнулся на камбуз. И вот уже, словно выстрелы, захлопали дверцы шкафа: мои товарищи брали с полок пачки сахара, хлеб, банки с мясной тушонкой... Толкаясь, мы поднялись по трапу на причал. Женщина, как в моей деревне... молитвенно сложила на груди руки...».

И через многие годы продолжает видеть писатель глаза норвежской женщины и её сына, и теплом наполняется сердце от воспоминаний о том, как в едином порыве поспешили помочь ей советские моряки. Они и помыслить не могли о том, что женщина не русская, что она и её сын – «чужие», что надо прежде всего заниматься восстановлением катера: ведь шёл только декабрь сорок четвёртого года. С гордостью и восторгом восклицает Алексей Шилин: «Характер у русского человека!».

Процесс становления личности, раннее взросление юношей и девушек в годы войны показаны в произведениях *Валентина Петровича Баранова (1924 – 2004)*. Точность географических названий, описание конкретных фронтовых событий отличают повесть «В дни грозные». Не случайно она названа автором документальной. Это не только не снижает её художественного уровня, но делает более значительной, дополняя правдивыми страницами автора-очевидца летопись Великой Отечественной войны и истории страны в целом.

В герое повести Валентине Баранове легко угадывается автор книги Валентин Баранов, возмужание которого происходит буквально на глазах читателя. Вот он провожает на фронт отца, зная, что скоро наступит и его очередь. Отец на прощанье отдаёт сыну свои часы со словами: «Сверь эти часы с часами добрых людей...».

Нельзя не заметить, какое внимание уделяет автор природе: «Странно, но каждый раз, как только на селе провожали мобилизованных, стоявшая

солнечная и сухая погода преображалась: день становился хмурым и дождливым...». В повести показаны не только страдания людей, но и деревьев, цветов; с сердечной болью говорит автор о небывало богатом в 1941 году урожае, который некому было убирать. Но, мобилизованные собственной совестью, юноши и девушки, подростки, как-то сразу повзрослевшие, взяли на себя часть общих забот и стали работать за своих, ушедших на фронт отцов.

Не оставляет равнодушными читателей и ещё одна книга Валентина Баранова – «Эхо войны». Автор рассказывает в ней о поездках по местам сражений, о неожиданных встречах с людьми, испытавшими на себе тяготы военных лет, о друзьях-однополчанах. Он не скрывает горечи от сознания того, что на дорогах войны потеряны миллионы людей, среди которых были, возможно, будущие учёные, писатели, художники, музыканты. Но страницы книги полны и радостью от сознания величия победы, оттого, что вернувшиеся с фронта встали в строй мирной жизни – созидания и творчества. Валентин Баранов тепло пишет о бывших воинах, ставших впоследствии университетскими профессорами, отдавшими много лет воспитанию студенчества; об известном писателе Юрии Бондареве, воевавшем в составе 2-й Гвардейской армии, формировавшейся на Тамбовской земле. Во многих школах области работают музеи боевой славы. Один из них – в школе № 19. Руководитель музея – заслуженный учитель Российской Федерации Ольга Сергеевна Завадская – до сих пор ведёт переписку с Юрием Бондаревым, который неизменно тепло отзывается о нашем крае. Его роман «Горячий снег» – весомый вклад в литературу о Великой Отечественной войне.

Есть в книге Валентина Баранова «Эхо войны» и горькие раздумья о настоящем дне России, о том, как живут сегодня победители и побеждённые. Несколько очерков посвящены послевоенному поколению – тамбовским поэтам, чьи отцы не вернулись с войны, но светлая память о погибших живёт в сердцах и творчестве детей.

И через десятки лет после Великой Победы военная тема оставалась и остаётся до сих пор одной из ведущих в нашей литературе. И если писатель из поколения, не видевшего сражений, всё же создаёт произведение о войне, значит, он внутренне причастен к этой суровой теме.

Именно об этом – «свидетельские показания» военного детства в произведениях *Александра Михайловича Акулинина (1938 - 2010)*, который не воевал, но великая гроза прошла через его детство, лишив эту часть жизни тепла и света, – в прямом и переносном смысле слова: приходилось голодать и мёрзнуть, сидеть в темноте, вздрагивая от близких взрывов. Поэтому так правдивы характеры мальчишек из повестей «Шурка-поводырь», «Горька идёт за отцом».

Отец Шурки пришёл с войны слепым, и такой безысходностью веет от его фигуры в углу за печкой, что в душе мальчика поднимается протест. Надо было придумывать отцу какое-то дело. И оно вскоре нашлось: сначала

завхоз, а потом и председатель колхоза, отец с помощью сына-поводыря ведёт хозяйство, работает честно и бескорыстно. И в рано повзрослевшем Шурке формируется хозяйское отношение к делу. Жизнь учит его разбираться в людях, различать добро и зло, ценить истинно человеческое.

Перед глазами ребёнка проходит много людей – добрых и озлобленных или сломленных военным лихолетьем. И какие отметины оставляют в его душе события и поступки людей! Вот дед Фанас, «обутый до того чудно, что издали кажется, будто не один человек идёт, а две слепленные половинки». А ведь были у деда прекрасные сапоги. Но слякотной осенью прошлого года принёс дед сапоги в сельсовет, любовно постучал ноготочком по глянцевой подошве, сказал: «Пошлите на фронт. Может, там у кого обувь воду пропускает, а моя – нет, рази через верх».

Поступок деда Фанаса стал примером для сельчан: на следующий день «заскрипела к райцентру телега, гружённая добротной обувью, шерстяными носками, варежками». Не с этого ли момента начинает Шурка сознавать кровную связь своей родной Калиновки со всей огромной страной? С тех пор, как отца выбрали председателем колхоза, сын живёт его заботами, а отец смотрит на мир глазами сына. Потерявший было веру в себя, слепой фронтовик возвращается к активной жизни и даже вселяет уверенность в других, пришедших с войны инвалидами.

В годы войны дети проходили её суровую школу. Но это не озлобляло их, наоборот, трудности, испытываемые каждой семьёй, рождали в неокрепших душах доброту и понимание. Приехав с матерью на базар продавать творог, чтобы на вырученные деньги купить давно желанные новые штаны, Шурка успокаивает мать, раздавшую весь творог раненым: «Мамка, ты не огорчайся. Ну их, эти штаны. Всё равно бы изодрал». Благородный поступок матери вселил в сердце ребёнка неизведанное доселе чувство: как приятно, оказывается, делать добро! И возмущает мальчика жадность Маргариты Молчановой, срочно покинувшей базар при виде подходившего эшелона с ранеными.

Герои Александра Акулинина – мальчишки, детство которых совпало либо с войной, либо с первыми послевоенными годами. Это вполне закономерно, потому что автор – сам из того поколения мальчишек, которых война только коснулась своим чёрным крылом, но отметину оставила на всю жизнь.

Эта отметина – в жизни и творчестве одного из ведущих современных писателей Тамбовского края *Василия Васильевича Кравченко (1937 – 2013)*.

Его рассказы «Эхо» и «Дым Отечества» переносят нас в далёкие сороковые годы прошлого века. Герой первого рассказа Егор Павлович, прошедший с боями множество фронтовых дорог, побывавший в плену, вынужден жить под чужой фамилией из-за сложных перипетий – последствий войны. Честь советского солдата не даёт ему права мстить слепой местью предателю Родины Канищеву. Он получил по заслугам. Но Егор Павлович знал, что у Канищева остался маленький сын. И он после войны едет за ним и становится ему отцом. И воспитывает из него хорошего

человека. Но в конечном итоге настоящего счастья никто из героев не обретает...

С трагическими следами, оставленными войной, встречаемся мы и в рассказе «Дым Отечества».

...В сорок третьем году в селе Верхотурье, занятом немцами, в доме бывшего колхозного бухгалтера Веры Степановны поселился обер-лейтенант барон Курт фон Штаубе. Муж и старший сын хозяйки были на войне, она жила с восемнадцатилетней дочерью. Каково же было ей, когда она узнала, что дочь «спуталась» с немцем и, более того, забеременела от него! Такого позора мать пережить не могла, и она сама выносит приговор и барону, и дочери, и себе:

«Вера Степановна вышла во двор. В ясном небе висела большая яркая луна. К ней тянулись редкие дымы, остро пахло палёным навозом. Где-то тихонько скулила голодная собака. Прислушавшись, женщина уловила глухие удары, тоскливо подумала: «Наши идут». Ещё недавно это вызвало бы в её душе радость, а теперь тревога заставляла сердце учащённо биться.

Посмотрев на село, Вера Степановна перекрестилась и вернулась в дом. Подбросила дровишек в печку, подождала, пока они хорошо разгорятся. А когда от них остались только уголья и по ним забегали зелёные язычки, она широко распахнула дверцу печки, а вьюшку задвинула до упора. Села к столу, положила голову на руки и уснула...».

Таковы итоги «Дыма Отечества». Но не может этот дым заслонить света, скрыть то хорошее и радостное, что – слава Богу! – есть ещё в нашей жизни. Невозможно вытравить из характера русского человека патриотизм, стремление к справедливости, высокое чувство любви, готовность прийти на помощь товарищу.

Давно ушли в историю великие и трагические годы – «сороковые-роковые», как назвал их поэт-фронтовик Давид Самойлов. Но они не ушли из памяти. В сердцах людей будут вечно живы те, чьей кровью обильно полита земля. Именно этот мотив, мотив бессмертия, звучит мажорным аккордом в произведениях, посвящённых Великой Отечественной войне.

Валентина Дорожкина.

СТИХИ ПОЭТОВ, ПОГИБШИХ НА ФРОНТЕ

АФАНАСЬЕВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

(1903 – 1943)

Поэт. Автор стихотворений и поэм.

Родился 11 октября 1903 года в Тамбове, в семье служащего. Здесь прошло его детство и отрочество, здесь он вступил в комсомол, окончил школу и педагогический техникум. Природа родного края пробудила желание писать стихи.

В 1920 году по комсомольской путёвке Вячеслав Афанасьев уехал на Дальний Восток, сменил несколько профессий, учился на факультете восточных языков Дальневосточного университета, был одним из организаторов литературного объединения при газете «Красное знамя».

Первая книга стихов Вячеслава Афанасьева вышла в 1935 году. В 1938 году он возвратился в Тамбов, где продолжал заниматься литературной работой. Его стихи печатались не только в местных изданиях, но и в столичных. В 1940 году, по приглашению Александра Фадеева, Афанасьев уехал в Москву. Здесь и застало его известие о начале Великой Отечественной войны.

Вступив в ряды народного ополчения, поэт участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к столице, сражался с врагом в составе партизанского отряда на Смоленщине. В бою за освобождение Смоленска Вячеслав Афанасьев погиб в сентябре 1943 года.

В Москве, на мемориальной доске, установленной в Центральном доме литераторов, среди 73 фамилий писателей, не вернувшихся с войны, высечена и фамилия нашего земляка – поэта Вячеслава Николаевича Афанасьева.

Сочинения:

Афанасьев В. Стихи. – М., 1938.

Афанасьев В. Приморье: Стихи. – М., 1939.

Афанасьев В. Лирика. – Тамбов, 1963.

Афанасьев В. Стихи // Имена на поверке. – М., 1975. – С. 29 – 31.

Афанасьев В. Во имя счастья и мечты: Стихи // Вячеслав Афанасьев, Борис Котов, Валентин Шульчев. – Тамбов, 2010. – С. 3 – 156.

Литература:

Тамбовские даты-1993: Рекомендательный указатель литературы. – Тамбов, 1993. – С. 90 – 91.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 52 – 53.

Застигнутый последней метой

И, не успев всего допеть,

Благословлю я землю эту,

Когда придётся умереть.

Благословлю её за воздух,

Дыша которым, был я смел,

За светлых рек живую воду,
Где телом и душой свежел,

За поле знойное пшеницы,
За сёла и за города,
За наш достаток, где хранится
Зерно и моего труда.

Благословлю земли просторы
За то, что жил я в светлый век,
Любил её моря и горы,
Как мог свободный человек,

Что здесь учился у народа
Петь песни ясной простоты
И украшать трудом природу
Во имя счастья и мечты.

В час, когда на каменных накатах
Чуть звенел прилив – волна к волне,
Золотые корабли заката
Проплывали в алой вышине.

Бастионы солнечной державы,
Шли они при флагах и огнях,
Паруса вздымались величаво,
И сверкали пушки на бортах.

Кто их вёл, какие капитаны –
Неземные эти чудеса?
Далеко за гладью океана
Постепенно гасли паруса!

И пропали. Пепельною тенью
Покрывалась тихая земля...
О, пускай то было лишь виденье!
То – мечта, то – молодость моя!

За чёрной горой,
за Сучанской долиной,
Где грозно рокочет река,
Могучие крылья недвижно раскинув,
Кружится орёл в облаках.

Он медленно чертит незримые петли,
Гортанно и дико кричит.
И бьётся разрубленный крыльями ветер,
Как будто скрежещут мечи.

А тень его крыл набегаёт на пашни,
На башни высокие шахт.
И красные кедры вершинами машут,
И травы тревожно шуршат.

Мы уголь копаем в глубоких забоях
И славим родную страну.
А в годы лихие шагали тропой,
Сучанской тропой на войну.

Над нами летели падучие звёзды,
Теряли товарищей мы.
За нами под траурный марш непогоды
Во мгле выростали холмы.

Тут разве забыть, как в чугунное пекло
Враги затолкали Лазо,
Как ярость стучала в сердца наши пеплом,
Светящимся пеплом его!..

Чтоб враг не топтал наши вольные сопки,
Мы выйдем к границам на зов.
И станут светить нам сожжённые в топке
Глаза грозовые Лазо.

КОТОВ БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ (1909 – 1943)

Поэт, Герой Советского Союза. Автор стихотворений, записок о работе по ликвидации неграмотности в тамбовских деревнях.

Родился 25 апреля 1909 года в селе Пахотный Угол Бондарского уезда Тамбовской губернии в семье учителей. По окончании усманьской школы работал секретарём сельсовета, активно участвовал в ликвидации неграмотности. Позже уехал на Украину, работал шахтёром, продолжал активно заниматься литературным творчеством.

Судьба наградила Бориса Котова талантом, но обделила здоровьем. По заключению медицинской комиссии, он был освобождён от военной службы. Однако когда началась война, поэт ушёл на фронт добровольцем. Был командиром миномётного расчёта 737-гострелкового полка 47-й армии на Воронежском фронте. Отличился при форсировании Днепра.

28 августа 1943 года он написал стихотворение «Последнее письмо», которое стало и последним его поэтическим произведением: 29 сентября 1943 года, в бою на Днепровском плацдарме, Борис Котов погиб, совершив героический подвиг. Посмертно в 1944 г. он удостоен звания Героя Советского Союза. Награждён орденом Ленина, медалью. Похоронен в селе Пекари Каневского района Киевской области.

Посмертно принят в Союз писателей СССР.

Имя поэта носят улицы в районном центре Бондари и в городе Горловке, на Украине. В Усмани Липецкой области, на аллее Героев Советского Союза, установлен бюст Бориса Котова, а на здании школы, где он учился, – мемориальная доска в честь поэта-героя.

В 1999 году в Усмани в серии «Зов малой родины» была издана книга Бориса Котова «Горячая песня бессмертна». В 2010 году в Тамбове, в коллективном сборнике, вместе с поэтами-фронтовиками Вячеславом Афанасьевым и Валентином Шульчевым, Борис Котов представлен большой подборкой стихов.

Сочинения:

Котов Б. Недопетая песня: Стихи. – Донецк, 1960.

Котов Б. Горячая песня бессмертна...: Стихи, проза, письма с фронта. – Усмань, 1999.

Котов Б. За Победу! // Вячеслав Афанасьев, Борис Котов, Валентин Шульчев: Стихи. (Серия «Литературные родники Тамбовского края»). – Тамбов, 2010. – С. 157 – 279.

Литература:

Тамбовские даты-1989: Рекомендательный библиографический указатель. – Тамбов, 1988. – С. 26 – 27.

Дорожка В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 91.

Когда нагрянет враг

Ползёт лиловый вечер,
Уж запад догорел.
С косматой крышей ветер
Воюет на дворе.

Скрипят, звенят осины,
Гроза – как дальний бой.
Суровые картины
Встают передо мной:

...Землянка давит спину,
И звонок пули взлёт.
За жидкою осиной
Стрекочет пулемёт.

Ночь сыплет жгучим градом,
Ночь сыплет в нас свинцом,
А смерть тяжёлым взглядом
Уставилась в лицо.

И вспышками винтовок
Весь мир кругом цветёт.
И вдруг рванулось слово:
«Вперёд!».

Теперь всё в прошлом это:
Ночь, залпы и шрапнель,
Простреленная шапка,
Солдатская шинель.

Теперь иные звуки...
Но коль нагрянет враг,
Возьму винтовку в руки
И выровняю шаг!

Могила лётчика

Здесь волнующие ели...
В росах буйные кусты.
Настороженный пропеллер
Над могилою застыл.

Мне бы крылья! С грозной силой
Рвать туман и облака...
Над суровой могилой
Грусть нежданно коротка.

Грусть срывается в бессилье,
Гаснет искрой на ветру,
Тает в громе эскадрильи,
Проходящей поутру.

О могиле в буйных травах,
Где спокоен человек,

Сохранится только слава,
Укреплённая навек.

Мне бы крылья! С бурей биться!
Карту льдов пересекать!
Вместо сбитой пулей птицы
Новой птицей замелькать.

Сквозь метельные атаки
Над Донбассом и Читой,
Даже выше Коккинаки
Уходить за высотой.

Жить для радостного права
Открывать просторы дня,
О крылатых людях славу
Над республикой поднять!

Звезда на эстакаде

Осенними суровыми ночами,
Неколебима, жгуча и горда,
Горит непобедимыми лучами
Высокая и тёплая звезда.

Сквозь тучи, проносимые ветрами,
Проходит красный несравнимый свет
Над шахтою, над городом, над нами
До самых дальних и больших планет.

Мы мчались штреком, мы трудились в лавах,
Тяжёлые водили поезда,
Чтоб вестником победы, счастья, славы
Над эстакадой вспыхнула звезда.

И, нашей радостью всегда согрета,
Размножась сотнями больших огней,
Вошла бы в песни и стихи поэтов
Величием простых и честных дней.

Чтоб звёздный свет никем потушен не был
На нашей мирной молодой земле,
Чтоб даже звёзды радостного неба
Завидовали звёздам на Кремле.

За Победу!

Сзади – море, сбоку – горы,
Сверху – полдень голубой.
Ты идёшь. Полей просторы
Отступают пред тобой.

Всходы сбиты и измяты,
Взрыт снарядами пустырь.
Ты идёшь. В руке граната,
Штык цепляет за кусты.

За спиной горят кварталы,
И в растоптанной степи
Войско Ранко-генерала
Отдыхает, отступив.

У туманного яруга,
Где ручей в камнях зажат,
Два твоих весёлых друга
Шашкой срублены лежат.

Руки, тёмные от пота,
Чуть откинута назад,
И на стаю самолётов
Смотрят мёртвые глаза.

Ты идёшь, горя обидой,
Гнев суровый затаив:
У горящих стен Мадрида
Вспыхнут выстрелы твои...

Чтоб среди глухих пожарищ
Победить в большом бою,
Я хочу сейчас, товарищ,
Крепко руку сжать твою.

28. VIII. 43 г.

В полночь холодно, в полночь жарко.
Ветер хочет всю пыль смести.
Остаётся рабочий Харьков
Вехой, пройденной на пути.

Войны слева и войны справа,

В центре – смертная карусель.
И задумчивая Полтава
Перед нами лежит, как цель.

Плач старухи и крик девчурки
На развалинах изб стоит.
Я завидую нынче Шурке,*
Что в Донбассе ведёт бои.

**Шурка – брат поэта*

ШУЛЬЧЕВ ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ (1914 – 1943)

Поэт. Автор стихотворений, неоконченной поэмы.

Родился 20 апреля 1914 года в селе Староюрьёво Тамбовской губернии в семье учителя. Окончив школу, участвовал в ликвидации неграмотности в тамбовских деревнях, работал учителем русского языка и литературы в родном селе и заочно учился в Воронежском педагогическом институте. Печатался в журналах «Красная новь», «Новый мир», «Подъём».

С первых дней войны Валентин Шульчев – на фронте: корреспондент газеты «Во славу Родины!», боец отряда Первой Курской партизанской бригады. В сражении под Харьковом он был ранен, попал в плен, но ему удалось бежать. Оказавшись снова в строю, поэт-воин бился с врагом с удвоенной силой. В минуты затишья он писал стихи, песни, частушки, которые заучивались солдатами наизусть и распространялись по окопам.

21 февраля 1943 года в бою на окраине Курска, спасая раненого товарища, поэт погиб. На груди у него, под гимнастёркой, друзья нашли тетрадь, куда он записывал стихи.

Земляки чтут память о Валентине Шульчеве: в Староюрьёве, на здании школы, где он учился, установлена мемориальная доска, там же действует музей памяти поэта. В 2010 году Тамбове, в серии «Литературные родники Тамбовского края», были изданы стихи Валентина Шульчева под одной обложкой с другими нашими земляками, поэтами-фронтовиками, не вернувшимися с войны, – Вячеславом Афанасьевым и Борисом Котовым.

Сочинения:

Шульчев В. Жить, побеждая!...: Стихи. – Воронеж, 1960.

Шульчев В. Стихи // Имена на поверке: Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. – М., 1975. – С. 289 – 295.

Шульчев В. Мужество // Вячеслав Афанасьев, Борис Котов, Валентин Шульчев: Стихи. (Серия «Литературные родники Тамбовского края»). – Тамбов, 2010. – С. 281 – 351.

Литература:

Гордейчев В. Об авторе: Вступительная статья к сборнику В. Шульчева «Жить, побеждая!.. – Воронеж, 1960. – С. 3 – 9.

Сутормин А. Учитель, поэт, партизан // Подъём. – 1985, « 7. – С. 142 – 143.

Лежнёв А. ...И брызнет заря...: Поэт Валентин Шульчев в документах, письмах, воспоминаниях современников, авторских размышлениях и комментариях. – Черкассы, 1998.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С.135.

Песня курских партизан

В тылу врага мы бьёмся непреклонно,
Повсюду наши зоркие посты.
Взлетают к небу вражьи эшелоны,
Пылают склады, рушатся мосты.

За нашу кровь, за слёзы и за раны
Мы вражьей своре предъявили счёт.
Смелее в бой, лихие партизаны!
За Родину, товарищи, вперёд!

Мы знаем всё, и всюду нам дорога:
В любую полночь, вьюгу и туман.
Нас было мало, а теперь нас много,
Растут отряды курских партизан.

Враг будет бит. Фашистской банде чёрной
Не жить на нашей радостной земле.
Разведка наша в Курске и в Касторной...
Друзья у нас и в Брянске и в Орле.

Партизанская

Немецкими танками смяты посевы.
Свинцовая хлещет пурга.
Но грозное пламя народного гнева
Бушует в тылу у врага.

Мсти врагу беспощадно и смело!
Мать-Отчизна, мы слышим твой зов!
В бой выходят за правое дело
Партизаны орловских лесов.

Враг злобствует в бешеном страхе и дрожи,
Но Родина нам дорога.
Ряды партизанские ширя и множа,
Народ наш встаёт на врага.

На воздух мосты, эшелоны и склады!
Берись за топор и за нож!
Свинцом и гранатой, штыком и прикладом
Фашистских собак уничтожь!

Мсти врагу беспощадно и смело!
Мать-Отчизна, мы слышим твой зов!
В бой выходят за правое дело
Партизаны орловских лесов.

Дорога на Запад

Над просторной рекой пробегала дорога
Мимо зарев и рваной трепещущей мглы.
И над нею маячили хмуρο и строго
Переломанных сосен кривые стволы.

Там валялись разбитые смятые танки,
Пушки немо, как брёвна, лежали вразброс.

И над талой землёй громоздились останки
Обгорелых лафетов, цепей и колёс.

И над сталью, над башен косыми углами,
Над деревьями, сбитыми в тесный привал,
Умирало тяжёлое мутное пламя,
И, чадя, раскалённый металл остывал.

Дым качался и падал в окопы и щели
И по выжженным рощам стелился, космат,
И в далёкое небо сурово глядели
Неподвижные лица немецких солдат.

Так вершится итог и кончаются сроки,
И разбитое судно садится на мель.
И просторной могилой земля на востоке
Обернулась любителям новых земель.

Так приходит расплата за кровь и за слёзы.
Шла пехота вперёд, приминая снега.
И на запад советские шли бомбовозы,
И советские танки теснили врага.

И уже на шоссе, на лесные поляны,
Покидая овраги, болота, кусты,
Выходили из дымных лесов партизаны,
И над ними знамён загорались цветы.

Мужество

*Партизану Гайдукову, пустившему
под откос четыре вражеских эшелона*

Мы стоим торжественно и строго.
Зимний день. Забыть его нельзя.
Вот уходят в дальнюю дорогу
Побратимы наши и друзья.

Им идти безлунными ночами
От дорог проезжих вдалеке,
С карабином, с сумкой за плечами
И военной картою в руке.

Впереди – белёсая равнина,
Мгла, сугробы, рек неверный лёд.
Пусть литое дуло карабина

Их в бою с врагом не подведёт.

Пусть рука не дрогнет на гранате,
След их скроют вьюги и снега...
В каждом доме, в каждой сельской хате
Защитят, укроют от врага.

Соберутся люди, и селянам
Будет мил, и радостен, и нов
Разговор с заправским партизаном
Из больших прославленных лесов.

Может, дед заплачет бородатый:
– Скоро ль наши? Долго ль будем ждать?
Всё на стол, чем живы и богаты,
Для гостей поставят, станут хату
От чужих людей оберегать.

Только, может, хаты не найдётся.
День пройдёт под стрехой шалаша,
Где-то в ржавом, сереньком болотце,
Крытом редкой гривой камыша...

Вновь дорога. Месяц – как подкова.
Дали – цвета мутного свинца.
Трудный путь Егора Гайдукова –
Доведён уже он до конца.

Я опять припомню и увижу
Сталь ружья, зажатую в руке.
И едва поскрипывают лыжи,
И мерцают рельсы вдалеке.

Провода, гудящие при ветре,
Крыши будок – как ребро ножа.
Там стоят на каждом километре
Патрули, посты и сторожа.

Только – что они для партизана!
Скрытый ночью, мутной, словно дым,
Он придёт, негаданный, нежданный,
И опять уйдёт, неуловим.

И они уходят. И за ними
Загремит и рухнет под уклон

В тяжком лязге, в пламени и дыме
Шедший к фронту вражий эшелон...

Слава вам, прямым и непреклонным!
Снова тропы падают в туман.
За каким по счёту эшелонном
Ты идёшь бесстрашный партизан?

Может быть, и мне придётся круто.
Повстречавший смертную беду,
Как свою последнюю минуту
Я в бою последнем проведу?

Труден будет этот час суровый.
Но, с врагом сойдясь лицом к лицу,
Вспомню я Егора Гайдукова
И умру, как следует бойцу.

Только жить и жить нам, побеждая,
Сил и песен звонких не тая.
Сторона родимая лесная!
Партизанские края!

Орловщина

отрывок из поэмы

Дом бревенчатый – настезь ставни –
Синей полночью обнесён.
Там к окну подступает давний,
Дальний-дальний невнятный сон.

Там над сизым ползёт болотом
Вся в багровом дыму луна,
И старуха бормочет что-то
У крутого крыльца одна.

Ночь махнула звездой падучей.
Спишь ли, старая? Где твой сын?
Вдоль воды гремучей,
под луной летучей
Он проходит в ночи один.

Меркнут окна в доме старинном.
Чёрный штык у его плеча.
Белым воском, то ль стеарином,

Оплывает, слезясь, свеча.

Смертной мукою несказанной
Перекошен молчащий рот.
Несравненного партизана
Два бандита ведут вперед.

Свет и тени. И смутный шорох.
Мгла видений и снов полна.
Круглый месяц висит на шторах
Не завешенного окна.

Ночь махнула звездой падучей.
Спишь ли, старая? Где твой сын?
Над водой гремучей,
у сосны шатучей
Он под ветром лежит косым.

Он по пояс в крови багровой,
Оловянной росой одет.
Тихо всходит над ним лиловый
И нездешний сырой рассвет.

Месяц прячется. Тени, тени...
Сумрак смотрит из всех углов,
Мгла невнятных полна видений,
Дальних шорохов, смутных снов.

Пролетела звезда сквозная
Над водой, над сосновым пнём.
Спишь ли? – «Сплю. Ничего не знаю.
Ничего не скажу о нём».

Но ползёт он по мокрым травам,
Осторожен и нелюдим.
Перекошенный и кровавый,
След идёт, как тропа, за ним.

Предрассветной росой омытый,
Возвращается он домой,
Недостреленный, недобитый,
Окровавленный, но прямой.

Он негладным и нежданым,

Верен правой, большой войне,
С красным знаменем и наганом
Подымается на коне.

И кончаются злые беды.
Мгла уходит, как птица в лёт...
Над селеньем его «Победа»
Золотая заря встаёт.

СТИХИ ПОЭТОВ, ВЕРНУВШИХСЯ С ВОЙНЫ, НО В РАЗНЫЕ ГОДЫ УШЕДШИХ ИЗ ЖИЗНИ

ГОЛОВАНОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (1917 – 1976)

Поэт, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор стихотворений и поэм, публицистических статей и очерков.

Родился 4 декабря 1917 года в селе Зубриловке Пензенской губернии. Окончив сельскую школу, поступил на филологический факультет Волгоградского педагогического института. Когда началась Великая Отечественная война, ушёл на фронт, сражался с врагом с первого и до последнего дня – Дня Победы. С боями дошёл до Праги, не раз награждался боевыми орденами и медалями. С войны Сергей Голованов привёз фронтовые газеты, в которых печатались его стихи: «За честь Родины», «На разгром врага», «Суворовский натиск».

После войны Сергей Голованов жил в Тамбове, много лет проработал в газете «Тамбовская правда». Здесь публиковались его стихи, документальные очерки, воспоминания о суровых днях войны. Печатался он и в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия».

Первая книга стихов Сергея Голованова «Глубокие корни» вышла в Тамбове в 1951 году, а в 1963-м был опубликован сборник его очерков «Они рядом с нами» – о судьбах тамбовцев, ставших героями книг Николая Вирты, Фёдора Панфёрова. Поэт земли и её солдат, как назвала Сергея Голованова Майя Румянцева в предисловии к сборнику «Ветер и степь», он умел находить для выражения своих чувств свежие слова, наполнял их запахами и красками, отчего стихи становились нежными, проникающими в душу читателя, они затрагивали самые чувствительные струны сердца.

Сергей Голованов скончался 31 января 1976 года в Тамбове.

Сочинения:

Голованов С. Глубокие корни: Стихи. – Тамбов, 1951.

Голованов С. Родное: Стихи. – Воронеж, 1957.

Голованов С. Равнина неоглядная: Стихи. – Тамбов, 1961.

Голованов С. Они рядом с нами: Очерки. – Тамбов, 1963.

Голованов С. Урёма: Стихи. – Воронеж, 1963.

Голованов С. Ветер и степь: Стихи. – Воронеж, 1980.

Голованов С. Ливни прошумели: Стихи. – Тамбов, 2008.

Литература:

Тамбовские даты-1992: Рекомендательный указатель литературы. – Тамбов, 1991. – С. 37 – 38.

Дорожкина В. Литературная жизнь. Прошлое и настоящее: Фрагменты истории Тамбовской областной писательской организации. – Тамбов, 2000. – С. 7 – 8.

Овсянников И. Поэт земли и её солдат // Рассказ-газета, 2002, № 1 – 4.

Баранов В. «Никак не наляжусь на эти чащи...» // Наедине, 2003, 15 – 21 января.

Наступает пехота

В сверканье орудийных гроз

Идёт пехота напрямик...

Вот парень (в прошлом он матрос)
Несёт калёный, острый штык –

Несёт он мщение врагу.
В бою опасность он презрел.
И, сбросив каску набегу,
Он бескозырку вдруг надел.

Шагнул в грозу – в огонь и дым,
Туда, к бушующей реке.
Мальчишка ревностно за ним
Бежит с гранатой в руке.

Полком он был усыновлён
(Погибла мать, солдат-отец).
Когда обоз покинул он
Не видел ни один боец.

Здесь всех сражение зовёт.
И каждый знает: смерти нет!
Пехота русская идёт.
Пехоте очень много лет...
Пехоте очень мало лет...

В одном ряду

Помню: из горящего села.
Где тянулся дым со всех сторон,
Ты не по летам седой пришла
В наш стрелковый первый батальон.

Падали снаряды, степь долбя,
Ветер гнал позёмку целиной...
Кто-то вдруг из нас назвал тебя
По-солдатски ласково: сестрой.

Позабыв про стужу и метель,
Отомстить врагу ты поклялась.
Каска и походная шинель,
Девушка, тебе к лицу пришлась.

Над тобою пролетал свинец,
С нами ты была в любом бою,
Видел каждый раненый боец
Сумку санитарную твою.

Сколько жизней спасено тобой,
Девушка, у смерти на виду!
Ты к победе шла из боя в бой
С пехотинцами в одном ряду.

Ещё в селе струится чад,
Ещё дымится снег вокруг...
Перед пожарищем солдат
Остановился вдруг.

Солдат немного удивлён,
Увидев куклу под золой.
У куклы волос опалён
И порван фартук голубой.

Не в силах отвести свой взгляд,
На куклу молча он глядит.
– Где дочь моя? – спросил солдат.
Зола молчит.

– Где дочь моя? – он вновь спросил
Нема бездомная труба...
Он куклу молча положил
У придорожного столба.

Она здесь на виду сейчас.
Пусть куклу дети приютят.
И, не закрыв пытливых глаз,
Представил дочь свою солдат.

Она за вражеской чертой,
Где ждут давно желанных нас,
Слезу ручонкою худой
Стирает с материнских глаз.

И верит с матерью: придёт
Отец в село назад...
– Туда, на запад, лишь вперёд
Мой путь! – сказал солдат.

Вьюга, набиваясь в буераки,
Гонит снег к чужому рубежу.
В ожиданье штыковой атаки

Я у пыльного бугра лежу.

Мама, ты, наверно, не забыла.
Как со мной сидела у огня,
Молоком парным меня поила,
В одеяло кутала меня.

А урёма вьюгою продута,
Мы с тобой дрова рубили в ней.
Ты мне чёрный хлеб солила круто.
Наливала в чашку жирных щей.

Вижу, мама, глаз не закрывая:
В золотой вечерней тишине
Лампа светится, и ты, родная,
Сказки Пушкина читаешь мне...

Мама! Сын идёт огню навстречу,
По плечу ему солдатский труд.
Вещевой мешок не давит плечи.
И в походах сапоги не трут.

Вьюга, набиваясь в буераки,
Гонит снег к чужому рубежу.
В ожиданье штыковой атаки
Я у пыльного бугра лежу.

Мать

В широких отблесках заката,
В краю задымленном, степном,
Обнявши землю, три солдата
Лежали к западу лицом.

В сраженье месть вела святая,
И смерть к бессмертью привела.
Я помню: женщина седая
На поле бранное пришла.

Ни шороха, ни песен птичьих...
Сначала в тишине степной
Она по русскому обычью
Поклон отвесила земной.

Потом богатырям смежила,

Как повелось давно, глаза...
И, затихая, уходила
Всё дальше к западу гроза.

В степи цвели бессмертник, донник,
И ковылей белел разлив.
Стояла женщина, ладонью
Лицо от ветра заслонив.

И, забывая про усталость,
Вперёд, вперёд пехота шла!..
И каждому из них казалось,
Что это мать его была...

Пехотинец

Вдыхая пожарищ копоть,
Гнев проносил в боях,
Лежал, замерзая в окопах,
Чтоб люди жили в домах

Полз под раскаты орудий
К дотам чужим во мгле,
Чтоб снова ходили люди
В полный рост по земле.

ДОРОШИН ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ (1913 – 1977)

Поэт, журналист. Автор стихотворений и поэм, публицистических статей и очерков.

Родился 19 января 1913 года в Тамбове. После школы работал на одном из заводов, пробовал писать стихи, печатался в местных газетах. Его незаурядные литературные способности не остались незамеченными, и вскоре он был направлен на учёбу в Литературный институт имени А.М. Горького, который окончить не удалось по семейным обстоятельствам. Павел Дорошин вынужден был вернуться в Тамбов. Он стал работать в областной газете. Его стихи, очерки о людях родного края часто появлялись на страницах «Тамбовской правды», воронежской газеты «Коммуна».

В октябре 1941 года Павел Дорошин ушёл на фронт. Служил в сапёрных войсках, продолжал писать стихи, которые печатались в «боевых листках».

Вернувшись с войны, Павел Дорошин вновь пришёл в «Тамбовскую правду». В 1947 году при газете было создано литературное объединение, в которое входили поэты и прозаики, вернувшиеся с фронта: Александр Стрыгин, Иван Кучин, Сергей Голованов, Борис Черемисин. Вместе с Павлом Дорошиным литобъединение стало ядром областной писательской организации.

В 1949 году издательство «Тамбовская правда» выпустило первый номер альманаха «Литературный Тамбов». В числе его авторов – Павел Дорошин. А первый сборник его стихотворений «Это – Родина моя» увидел свет в 1950 году.

Когда в 1958 году было создано Тамбовское книжное издательство, в нём наряду с другими авторами печатался и Павел Дорошин.

Поэта не стало 5 апреля 1977 года. Но он оставался в строю до последних своих дней.

Сочинения:

Дорошин П. Это – Родина моя: Стихи. – Тамбов, 1950.

Дорошин П. Стихи. – Тамбов, 1958.

Дорошин П. Новая встреча: Стихи. – Тамбов, 2008.

Литература:

Тамбовские даты-2003: Библиографический календарь-справочник. – Тамбов, 2002. – С. 10 – 11.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 75.

Баранов В. «...И снова жизнь прекрасна!» // Павел Дорошин. Новая встреча: Стихи. – Тамбов, 2008.- С. 187 – 192.

Уходя на фронт

Дочери Светлане

Если я погибну в бою,
Не оплакивай смерть мою,
Потому что в смерти бойца
Есть бессмертье и нет конца.

Верь – врагу отомстят за всё:
И за прерванный детский сон,

И за детства потоптанный сад,
И за слёзы твои отомстят.

Ты тогда, начиная жить,
Новой жизнью умей дорожить.
И, смахнувши слезу с лица,
Не оплакивай смерть отца.

Чтобы боль не повторилась...

Говорят, что время лечит раны.
Я не спорю. Правда в этом есть.
Взять хотя бы землю – на экране
Лишь осталась боль сожжённых мест.

В жизни всё иначе – повзрослела,
Возмужала юность: не один,
Облаков почти касаясь, смело
Встал красавец-город из руин.

Даже старый дуб, грозой погубленный.
По весне берёт своё назад.
И на месте яблони подрубленной,
Дайте время – разрастётся сад.

Только вот в одном оно бессильно,
Время, мчащееся вперёд:
Кто с войны единственного сына
Поседевшей матери вернёт?

Им, как видно, ничего не значит:
Где-то там, за тридевять земель,
Старенькая мать ночами плачет,
Ждёт, надеется, глядит смелей –

Может, скрипнет дверь и, как бывало,
В комнату войдёт, как прежде, тих...
Но чудес на свете нынче мало –
Надо верить в силу рук своих...

Мы клянёмся, все народы вместе,
Русской матери, что столько лет
Сына ждёт, пропавшего без вести:
– Боль войны не повторится, нет!

Сердце

Нёс пехотинец полковое знамя,
Святыню нашу, сквозь огонь и дым.
И нам казалось: правды нашей пламя
Пылало солнцем огненным над ним.

Священна сладость первых битв суровых!
Металась в страхе смерть по сторонам.
Он падал окровавленный и снова
Вставал и шёл, путь освещая нам.

Над ним в смятенье вороны кружили,
А воин шёл, сметая смерть с пути.
Был дерзок он. Тогда враги решили
Живое сердце вырвать из груди.

И знаменосца окружили танки,
Но пехотинец словно в землю врос...
Должно быть, в сказке легендарный Данко
Так окровавленное сердце нёс.

Чтобы сын не воевал

Всё стерплю: и ночи на снегу,
И палящий горн жары степной,
Тишину перед атакой, гул,
Долгую разлуку, друг, с тобой;
В хатах невиденные сны,
Стон в бреду, когда в приход весны

Раненый свалился наповал;
Всё стерплю: и горький вкус волны,
И огня последний страшный вал,
Чтоб, рождённый в первый день войны,
Сын мой никогда не воевал.

Баллада о земляках

И так вот всегда: мы идём отчаянней
В огонь, в рукопашную схватку, в штыки.
Я видел, как мстили врагу тамбовчане –
По крови солдатской мои земляки.

Их трое на танке горящем в бой
Шли, высоту заслонив собой.
Как знамя, пылающая броня
Вела пехотинцев на приступ огня.

Их трое, а немцам – и счёта нет.
В шинелях мышинового цвета чуть свет
С яростью смертников лезли на ту,
Как сталь, неприступную высоту.

Пять метров земли... Но за ними она,
Россия, стояла – родная страна.
Сурова, как месть, как печаль, строга.
И танк, полыхая, пошёл на врага.

С высоты пополз он, гремя и горя,
А в танке – три русских богатыря.
Три парня, совсем ещё молодых.
Мать русская благословила их

На подвиг, на дерзкую встречу с врагом...
Сто двадцать минут – только пули кругом.
Сто двадцать минут – по фашистским костям,
По свастике чёрной, по чёрным крестам.

Сто двадцать минут – это два часа.
А трупам немецким нет ни числа,
Ни почести, ни погребенья – о нём
Лишь ворон прокаркал над вороньём.

И тем, кто в живых ушёл от атак,
Мерещился долго пылающий танк.
Так трое на танке горящем в бой
Шли, высоту заслонив собой...

Мы именем их окрестили ту,
Как сталь, неприступную высоту.

Из писем к тебе

Ты писала: «Приходи домой,
Сыну посмотри в глаза хоть раз...».
Милая! Быть может, это мой
Сын лежит, и кровь течёт из глаз.

Он над ним склонился и в живот

Тычет, ирод, кованой пятой.
Как приду я, если он живёт,
Этот, с перекошенной губой!

Ты писала: приходи, теплом
Встретит отчий дом тебя в тот миг.
Милая! Быть может, это дом
Мой пылает на глазах моих.

Он в ночи, злодейство совершив,
Мечется, непоиманный злодей.
Как же я приду, когда он жив,
Этот – зверя лютого лютей!

Я его преследую в степи,
Я его топлю в речной волне.
Если долго нет меня – стерпи,
Не приду совсем – стерпи вдвойне.

И пока в атаке и в пальбе
Насмерть я злодея не добыю,
Я не смею говорить тебе
Слова сокровенного: «Люблю».

Двое

Душегубка остановилась за поворотом.
Немцы работали, спеша.
Сваливали трупы. Но кто-то
Ещё дышал.

Женщина в вырытой бомбой воронке
Так и лежала – лицом в полумрак:
Одна рука прижимала к груди ребёнка,
Другая сжата в кулак.

Двое лежали неразрывно, вместе.
Мёртвые, они зывали о мести.

Сейчас бы подснежникам цвести
И жаворонкам звенеть,
Да песней бы хоровод вести,
Но только этого нет.
Пока ещё степь, чернея, молчит,

В проталинах – пушек след.
Танки со свастикой – как грачи,
Цветам заслонили свет.

Стекает вода по кривым крестам,
Их пули настигли, прожгли.
Сейчас мы атакой по этим местам
В грязи по колено прошли.

И боя тут уже не вести –
Нам надо вперёд поспеть.
Значит, подснежникам цвести,
И жаворонкам петь!

ЖУРАВЛЁВ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ (1914 – 1996)

Поэт. Член московской организации Союза писателей СССР. Автор стихотворений, поэм, статей по вопросам литературы XX века.

Родился 26 февраля 1914 года в селе Тулиновка Тамбовской губернии. Ещё в школе пробовал писать стихи. Печататься начал с 1934 года. В 1940 году окончил Литературный институт имени А.М. Горького. В самом начале войны ушёл на фронт добровольцем, пройдя путь от Москвы до Берлина и Праги; был пехотинцем, военным корреспондентом, политработником.

Вернувшись с фронта, Василий Журавлёв полностью посвятил себя литературной работе. Жил в Москве, работал в альманахе «Молодая гвардия», в журнале «Москва». В 1951 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник его стихов «Первая беседа».

Став известным поэтом, Василий Журавлёв часто бывал на Тамбовщине. При его активном участии в 1960 году в Тамбове была создана областная писательская организация. Он стал инициатором проведения Недель поэзии, первая из которых прошла в 1962 году именно в Тамбове.

Василий Журавлёв – автор многих сборников: «Вторая встреча», «Дорога к другу», «Скупая щедрость», «Полдень» и других. Большинство из них издавались в Москве. Там не один десяток лет наш земляк руководил творческим семинаром в Литературном институте имени А.М. Горького.

Поэт скончался в 1996 году в Москве.

Сочинения:

Журавлёв В. Первая беседа: Книга стихов. – Тамбов, 1951.

Журавлёв В. Вторая встреча: Книга стихов. – М., 1954.

Журавлёв В. Целина: Стихи. – М., 1957.

Журавлёв В. Любовь и время: Стихи. – М., 1960.

Журавлёв В. Притамбовье: Стихи. – Тамбов. – 1962.

Журавлёв В. Дорога к другу: Книга стихов. – М., 1964.

Журавлёв В. Полдень: Избранные стихи. – М., 1964.

Журавлёв В. Книжка полевая: Лирика. – М., 1976.

Журавлёв В. Скупая щедрость: Стихи. – М., 1984.

Журавлёв В. Косынка моей матери: Стихотворения и поэма. – М., 1986.

Литература:

Тамбовские даты-1989: Рекомендательный библиографический указатель. – Тамбов, 1988. – С. 17 – 18.

Дорожкина В. Литературная жизнь: прошлое и настоящее. – Тамбов, 2000. – С. 9 – 10.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 80.

Во время боя

Осины охнули, и замерли дубы.
Как кони, танки встали на дыбы,
И самолётов вымахнул костяк,
Крестами небо чёрное крестя.

Долина вздрогнула – над головой
Снаряды подняли истошный вой.

И прах взметнулся к небу. И огонь
Ревёт, как зверь. И я совсем оглох.

Сижу в окопе, как в норе сурок.
У бронбойки плавно взвёл курок.
Смешной, смешной... Что сделать я могу,
Когда «пантеры» воют на лугу?..

Что сделать я могу? А вот могу!
Пускай она – «пантера» – вся в броне,
Но пусть попробует,
Пусть подойдёт ко мне!..

Ранен я, и поседела
Голова. И кружит зной.
И берёзка, как сиделка,
Наклонилась надо мной.

Знать, глухую боль почуяв
Сердцем девичьим своим,
Наклонилась и врачует
Раны чёрные мои...

Я один. Но не в пустыне.
И несёт к моим глазам
Колокольчик в рюмке синей
Исцеляющий бальзам.

И ромашки из-за леса,
Улыбаясь и звеня,
Из цветов своих белесых
Бинт сплетают для меня.

Ранен я. Какое дело!
За три года не впервой...
И берёзка, как сиделка,
Наклонилась надо мной.

Мать

В который раз сегодня опять
Приснилась мне умершая мать.

Она вошла в мой снежный окоп,

Она мне ладонь положила на лоб
И глазами, полными теплоты,
Тихо спросила:
– Сын, это ты?

– Да, моя родная, да, моя мать!
Разве меня уже не узнать?
Разве я уже не такой –
Неугомонный и молодой?..

И мать посмотрела в мои глаза
(В них не одна запеклась слеза),
И мать поглядела на мой висок
(На нём не один седой волосок),
Погладила лоб морщинистый мой
И покачала родной головой.

Потом заглянула в сердце ко мне,
Которое билось в крови и в огне,
Которое в битву меня вело,
Которое к отмщенью звало...

И мать сказала:
– Да, ты всё такой –
Неугомонный и молодой!

Боюсь не смертного удела,
Не пустоты небытия –
Боюсь я умереть, не сделав
Того, что мог бы сделать я.

Законы бытия капризны:
Война... Глядишь – тебя и нет...
И всё ж в истории Отчизны
Хочу, чтоб мой остался след.

Хочу, чтоб мысль моя живая
Не умирала никогда,
И, чтоб потомок, вспоминая
Кровопролитные года,

Среди героев именитых –
Людей из стали и огня –

Среди сограждан знаменитых
По имени б назвал меня.

КУБАНЁВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1921 – 1942)

Поэт-воин Василий Кубанёв прожил всего 21 год.

Он родился 13 января 1921 года в селе Орехово Курской области. В 1937 году семья переехала в город Мичуринск Тамбовской области, где юноша учился в школе, где начиналась его творческая деятельность. Как только он узнал, что началась война, то, по воспоминаниям родных, «сразу повзрослел, и муза его посуровела»:

Ходите прямо, дышите легко
Все сгибавшие спины низко.
Это от Берлина до Москвы далеко,
А от Москвы до Берлина – близко!

Ни тени сомнения в грядущей победе у Василия Кубанёва не было. На фронт он ушёл добровольцем, но воевать с врагом, как мечтал, ему не пришлось: он заболел и в январе 1942 года вернулся в город Острогожск, где работал до войны. 6 марта этого же года поэта не стало.

Читая стихи этого молодого человека, удивляешься: как много он успел создать! Как глубоко мыслил! Это ему принадлежат слова: «Умереть не страшно. Страшно не жить...». Напутствием поэтам разных поколений звучат сейчас строки его стихов:

Пусть шагом спокойно-широким –
От мощи своей легки –
Идут в наступление строки,
Как праведные полки.

В послевоенное время были опубликованы сборники его стихов: «Идут в наступление строки» (1969), «Человек-солнце» (1972), «Если за плечами только восемнадцать...» (1973); дневниковые записи: «Кто знает, что значит любить...» (1987), «Монологи большого мальчика» (2001) и др. издания. В 1968 г. он посмертно награждён мемориальной медалью конкурса им. Н. Островского, проводившегося Союзом писателей СССР и издательством «Молодая гвардия».

Память о Василии Кубанёве свято хранят в местах, где он родился, жил и работал: в Острогожске установлен памятник поэту, его стихи издавались массовыми тиражами в Москве, Тамбове, Воронеже.

Сочинения:

Кубанёв В. Идут в наступление строки: Стихи, фельетоны, дневники, письма. – Воронеж, 1967.

Кубанёв В. «Если за плечами только восемнадцать...»: Стихи, миниатюры, афоризмы. – М., 1973.

Кубанёв В. Монологи большого мальчика: Стихотворения, письма, дневники. – Тамбов, 2001.

Литература:

Стукалин Б. Широкое сердце поэта / Кубанёв В. «Если за плечами только восемнадцать...». – М., 1973. – С. 5 – 18.

Акулинин А. Прикосновение к юности / Кубанёв В. Монологи большого мальчика. – Тамбов, 2001. – С. 3 – 4.

К ногтю!

На каждой улице, в каждом доме:

«Севастополь», «Каунас»,
«Киев», «Житомир»...

Земля немало видала злодеев,
Злодеям привычно сидеть за кустом.
Но эти, на нас нападение затеяв,
Перед нами умильно виляли хвостом.

И вот продажных клятв цена:
Бокалы банкетов посольских оттренькали,
Над нами сброшена война
С хищных крыльев германских «хейнкелей».

Ещё от Франции рук не вытерев,
Европу в тюрьму заперев на замок,
Осатанелые, дикие гитлеры
Над нами свой заносят сапог.

Но мы под чужую чёрную силу
Не склоним гордой своей головы.
Вы ищите места себе под могилу?
Ну, что ж, это место получите вы.

Сперва картёжник всегда божится,
А если станет явной ложь,
И не удаётся добром поджиться,
Он в дело пускает разбойничий нож.

У берлинских игроков
Стиль игры точь-в-точь таков.
Но, выбив нож из звериной руки
Зарвавшегося бандита,
Мы скажем:
«Довольно играть, игроки!
Ваша карта бита!».

Мы не одни

Берлинских бандитов берёт зудёж:
«В России просторы –
богаче не сыщешь!
Сразу – только на землю взойдёшь –
В карманы сами полезут тыщи...».

Мы двинули силы к вражьему стану.
Мы стали стеной,
да не мы одни!

В забитых, закрытых фашистами странах
У нас легионы рабочей родни.

На чёрных, дымных развалинах зданий,
Душой ненавидящей не хитря,
Люди виселицу поставили
и надпись:
«Для Гитлера эта петля».

За нас голоса поднимают народы
Во всех краях, на всех языках.
Мы к ним придём и знамя свободы
Принесём им в своих руках.

Когда мы бились, вы были с нами,
Одними словами горели уста.
Живите счастливо,
под красное знамя
Вместе с нами встав.

Ходите прямо, дышите легко
Все, сгибавшие спины низко!
Это от Берлина до Москвы далеко,
А от Москвы до Берлина – близко!

КУЧИН ИВАН СЕРГЕЕВИЧ (1924 – 2000)

Поэт, журналист, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, лауреат областной премии имени Зои Космодемьянской, премии имени первого редактора газеты «Тамбовская правда» И.А. Гаврилова. Автор стихотворений и поэм, в том числе и для детей.

Родился 21 января 1924 года в деревне Берёзовка Шехманского (ныне Петровского) района Тамбовской области в бедной крестьянской семье, учился в сельской школе, трудился на колхозных полях, работал учётчиком. В 1938 году вступил в комсомол, по комсомольской путёвке из 9-го класса ушёл на строительство оборонительных сооружений, а в 1942-м – в действующую армию. В этом же году во фронтовой печати появились его первые стихотворные публикации. Рядовым пулемётчиком он сражался на Юго-Западном фронте, под Сталинградом. Был ранен и контужен.

Иван Кучин награждён орденами Отечественной войны I-й степени, Красной Звезды, «Знак Почёта», медалями. Он – почётный гражданин посёлка Чертково Ростовской области, где воевал в юности.

На фронте Иван Кучин сформировался как поэт-газетчик. После войны он окончил факультет русского языка и литературы Тамбовского педагогического института (ныне ТГУ имени Г.Р. Державина), несколько лет был на газетной работе. В 1950-е годы возглавлял литературное объединение при областной газете «Тамбовская правда», неоднократно обращался в Правление СП РСФСР с просьбой о создании в Тамбове писательской организации. В 1960 году просьба была удовлетворена. Тогда ещё молодой поэт, Кучин стал одним из первых членов Союза писателей в составе областной организации, а с 1980 по 1988 год был её ответственным секретарём.

Поэта-фронтовика не стало 10 октября 2000 года. Он оставил богатое литературное наследие. В 2007 году в Тамбове вышел сборник «Прими таким». Предисловие к нему написала вдова поэта – Юлия Фёдоровна. Её усилиями ещё ранее, в 2004 году, был издан двухтомник «Три четверти стремительные века». В сборник «Прими таким» вошли стихотворения о Великой Отечественной войне, написанные Кучиным на фронте и опубликованные в газете «Соколы Родины» в 1942 году.

Сочинения:

Кучин И. Цветы и порох: Стихи. – Воронеж, 1968.

Кучин И. На том стою: Стихи и поэма. – М., 1971.

Кучин И. Поэма Победы: Стихи и поэма. – Воронеж, 1972.

Кучин И. Именем жизни: Стихи и поэма. – Воронеж, 1974.

Кучин И. Моя передовая: Стихи и поэмы. – Воронеж, 1980.

Кучин И. Линия жизни: Стихи, поэмы. – Воронеж, 1984.

Кучин И. Чтобы жить: Стихи. – Тамбов, 2000.

Кучин И. Три четверти стремительные века: Стихи, поэмы. В 2-х ч. - Тамбов, 2004.

Кучин И. Прими таким...: Стихотворения. – Тамбов, 2007.

Литература:

Полякова Л. Поэзии красноармеец // Подъём. – 1984. - № 1. – С. 124 – 126.

Рачков Д. От имени павших // Подъём. – 1985. - № 6. – С. 138 – 139.

Тамбовские даты-1994: Рекомендательный указатель литературы. – Тамбов, 1994. – С. 15 – 16.

Полякова Л. Передовая Ивана Кучина // Выбор: Страницы литературно-краеведческой критики. – Тамбов, 1996. – С. 19 – 24.

Дорожкина В. Литературная жизнь: прошлое и настоящее. – Тамбов, 2000. – С. 40 – 41.

Дорожкина В. Слово о факультете. – Тамбов, 2000. – С. 125 – 127.

Тамбовские даты-2004: Календарь знаменательных и памятных дат по Тамбовской области. – Тамбов, 2003. – С. 6 – 7.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 96.

Перед боем

Здесь тишина. Едва колышет ветви
Запутавшийся в кронах ветерок.
Спокоен лес. Безлюдно выются петли
Заброшенных, нехоженых дорог.

Разведчик вражий кружит над полянкой,
Ещё заход – и повернул назад.
Ему не видны в камуфляже танки,
Молчит в них затаённая гроза...

Пускай врага спокойная картина
Обманет непробудной тишиной:
Мы до поры горячие машины
Укрыли в этой зелени лесной.

Мы ждём приказа. Зной день взорвётся,
Моторной дрожью задрожит земля.
И охнет лес. И гулом отзовется
Железный гром в распахнутых полях.

В победное сегодня наступленье
Моторы и сердца устремлены.
И месть святая поведёт в сраженье
Во имя нашей мирной тишины.

Уходим в разведку

Июльский дождь накрапывает редко.
Тепло и сыро. Ни луны, ни звёзд.
Нас семь бойцов отправились в разведку,
Восьмой – на вражий берег перевёз.

Дождь шелестит, и всплески вёсел гаснут,
И щиплет нос от запахов густых.
Во тьме тягучей, липкой, словно масло,
Надвинулись прибрежные кусты.

Дождь шелестит... А мы, не уставая, —
 Немые тени, движемся ползком...
 За нас заговорит передовая
 Своим неотразимым языком.

Незабываемое

Меня везли с передовой в санях,
 Запряженных ленивыми волами,
 И девушка, совсем ещё девчонка,
 Махала палкой:
 – Цо-об! Цобе! Цобе-е!..
 Быки, скользя, переставляли ноги.
 На мёрзлой колее вчерашний снег
 Разматывался длинными бинтами...

От станции Чертково, где меня
 Пронзила разрывная – в грудь навывлет,
 До госпиталя в хуторе Кутейников,
 Каких-нибудь пятнадцать километров,
 Тащились мы до вечера, весь день...

Как холодно под толстою дерюгой,
 Которою тогда меня укрыли
 Казачки сердобольные в станице!
 Как мало оставалось мне тепла!
 И только кровь, стекая меж лопаток,
 Мне грела спину, сердце леденя...

Ухабы выворачивали душу,
 И на каком-то диком повороте
 Тряхнуло так, что почернело небо
 И показалось: всё плывёт куда-то...
 Наверно, я безумно закричал!
 И девушка волов остановила
 И наклонилась надо мною низко,
 Смешная, маленькая, в шубе не по росту,
 В каком-то вытертом, нелепом малахае.

Она меня своим дыханьем грела,
 Мне варежками руки растирала.
 – Ну, дядько... миленький... Не умирай!..
 Не умирай... Не надо! Дядько, милый!.. –

И на лицо мне из огромных глаз
Горячие срывались капли...

Не помню, сколько раз она меня
Отогревала.
И откуда сила
Во мне взялась, чтоб выполнить её
Наивную, упрямую, святую
И горькую мольбу – не умирать...

Она меня с рук на руки сдала
Врачам, чтоб целый год за жизнь мою
По лазаретам шёл упорный бой.
И долго мне мерещился её –
В степи израненной – молящий голос:
– Ну, дядько... миленький... Не умирай!..

А я тогда не мог себя увидеть,
Не понимал, что за одно мгновенье
Седеют люди, что страданья – старят.
И трепетало сердце: милый... милый...
Но почему же – дядька? Почему?
Меня такое званье обижало...
Тогда мне было
Восемнадцать лет.

Далека моя река...

Далека моя река,
Тихая такая...
Далека ты, далека,
Сторона родная!

Здесь и неба цвет иной,
Солнце скупо светит,
И звенит морозный зной,
И неласков ветер...

Мрачных скал гудит тоска,
Кружит выюга злая...
Далека ты, далека,
Сторона родная!

Но к тебе одна тропа
Через эти дали,

Чтобы враг проклятый пал
И чтоб люди встали.

Сквозь бурана круговерть –
Знаем, солнце брызнет.
Мы от жизни шли на смерть,
И от смерти – к жизни.

И вишнёвого садка
Не сгубить ненастью,
Наше небо не заткать
Пауками свастик.

Я вернусь к тебе, река,
Тихая такая...
Далека ты и близка,
Сторона родная!

Соловьи сорок пятого года

Соловьи сорок пятого года,
Как вы пели в тех майских садах!
Соловьиное тонкое горло
Замирает на верхних ладах.

А потом обрывается круто
Звездопадом в тугих небесах.
И ликующий отблеск салюта
В повлажневших сияет глазах...

В этот вечер в сердечных глубинах
Столько трепетных чувств проросло.
Обнимала Победа любимых,
И отвергнутых не было слов.

Переливчатый щёкот, раскаты,
Брызги солнца в ракетных венках,
Слёзы радости, слёзы утраты
И нетающий снег на висках...

В день Победы

Вспоминается год сорок первый,
Вспоминается год сорок пятый –

И победные наши ракеты,
И несметные наши утраты.

...А природа ликует по-вешнему:
Залпы солнца, вспышки листвы.
Молодые сады подвешены
На лучах, как на нитях живых.

Обелиски застыли в молчанье.
К ним идём – за двоих, за троих.
Запевают седые однополчане
О ровесниках юных своих...

Бугорками стали высоты,
Неустанен полёт высоты!
Амбразуры поверженных дотов,
Как сердцами, закрыли цветы...

Победа

Всё дальше памятная дата,
Уходят дни, летят года.
Но в сердце каждого солдата
Ты остаёшься навсегда.

Мы надышались гарью вдоволь,
Из рук не выпустив ружья.
И в снах к седым приходят вдовам
Их вечно юные мужья...

Но этим горестям безмерным
Жизнь властно руку подаёт.
Навеки – в подвигах бессмертных
В беде не сломленный народ.

Навеки – пламенно и люто –
Свинцом и кровью скреплены
Гроза военного салюта
И зори мирной тишины.

Мамаев Курган

Я на ступеньки памяти присяду,
Что жгучие позёмки замели,
И снова повторю я, как присягу,
Весь гнев огня и доброту земли.

Здесь шли в атаку даже камни голые,
Дома бросались, как бойцы, в бой.
Здесь положили молодые головы
Товарищи и сверстники мои...

Бетонные страницы оглушили
Безмолвным рёвом чёрного огня,
Глаза прикрыли, языка лишили
И неприметным сделали меня.

И, маленький, стою, как пред святыней,
Пред Вечной Книгой Славы Боевой.
И сердце захолонувшее стынет,
Пронзённое пронзительной строкой...

Склонилась Мать к изголовью сына,
Кричат героев каменные рты,
И вознесла свой грозный меч Россия
В просторы волжской гулкой высоты.

И каменные ниспадают флаги –
Смахни с виска фуражку и замри! –
И полыхает нашей кровью факел
В руке, проросшей прямо из земли.

И снова бьёт в лицо железный ветер,
И режет горло криком ножевым...
Друзья мои, не верьте вы, не верьте:
Здесь памятник не мёртвым, а живым.

А кулаки сжимаются до хруста,
И холод пробегает по спине.
...Высокая трагедия искусства
Здесь встала с правдой жизни наравне.

Зоя

Утро спросонья что-то хмурится,
За Цну уносится ветер-горюн.
К бронзовой девушке на Советской улице
Подхожу. Останавливаюсь. Говорю.

– Ты только на год меня постарше...

Одно нам солнце, и ветер, и дождь.
Друзья в те дни отправлялись в маршевых.
А мне военком: «Пока подождёшь...».

Проходили толпы беженцев
Со своим нехитрым скарбом.
– Как Москва?
– Столица держится! –
И шли строить доты и рыть эскарпы.

А когда, наконец, попал в эшелон –
Москва устояла, идём на запад.
Небо раскалывалось тяжело,
Дрожала земля от залпов.

Бывало, солдат упадёт в крови,
Но, стиснув зубы, снова встанет.
Горел перед ним примером живым
Бессмертный подвиг безвестной Тани.

Ты только на год меня постарше...
Но мчатся горячей ракетой года.
И вот – постаревший, немного уставший,
А ты – по-прежнему молода.

Без тебя мы отпраздновали Победу
И мужество новое обрели,
Без тебя полетели легендой по свету
Удивительные корабли.

Без тебя целина поклонилась под колосом,
Без тебя Ангара стихла, горя.
И сестра твоя Валя к земным околицам
Возвратилась, зазвёздную даль покоря...

Ты только на год меня постарше...
Красивая, смелая – в полный рост.
Ровесница юности огненной нашей,
Предвестница новых грядущих геройств.

МИЛОСЕРДОВ СЕМЁН СЕМЁНОВИЧ (1921 – 1988)

Поэт, журналист. Член Союза писателей и член Союза журналистов России. Автор стихотворений, поэм, рецензий, критических статей о творчестве молодых.

Родился 16 февраля 1921 года в посёлке Семёновка Тамбовской губернии в крестьянской семье, которая вскоре переехала в Тамбов. Здесь будущий поэт окончил среднюю школу №5, поступил в Саратовский университет имени Н. Г. Чернышевского, но окончить его не удалось из-за начавшейся войны. Много фронтовых дорог прошёл молодой боец. На белорусской земле, под Гомелем, он получил тяжёлое ранение и в 23 года стал инвалидом. Награждён орденом Отечественной войны I степени и медалями.

После демобилизации Семён Милосердов поступил в Литературный институт имени А.М. Горького, но в 1949 году его незаконно репрессировали, и несколько лет он провёл в сталинских лагерях.

После реабилитации Семён Милосердов вернулся в Тамбов, работал в районной газете, писал стихи. Первый сборник «Зори степные» увидел свет в 1960 году. В 1963-м его приняли в Союз писателей. Много сил и времени отдавал Семён Семёнович работе с молодыми литераторами. Он создал в Тамбове литературно-творческое объединение «Радуга», которым руководил до конца своих дней.

После кончины Семёна Милосердова – 4 декабря 1988 года – вышли четыре сборника стихов и поэм, составленные вдовой поэта Любовью Михайловной Гориной. Она же подготовила его стихи для публикации в журналах «Наш современник», «Подъём».

Сочинения:

Милосердов С. Люби меня, люби: Лирика. – Тамбов, 1991.

Милосердов С. России чистая душа: Избранная лирика. – Тамбов, 1993.

Милосердов С. Ньюансы: Эпиграммы, пародии, подражания. – Тамбов, 2001.

Милосердов С. Халцедон: Стихи (серия «Литературные родники Тамбовского края»). – Тамбов, 2007.

Литература:

Тамбовские даты-1991: Рекомендательный библиографический указатель. – Тамбов, 1990. – С. 9 – 10.

Горина Л. М. «Звёзды, вечность и миг моего бытия...». Вступительная статья к сборнику: Милосердов С. России чистая душа. – Тамбов, 1993. – С. 5 – 16.

Овсянников И. Поэт русской послевоенной голгофы. В кн.: Овсянников И. Судьба и память. – Тамбов, 2009. – С. 85 – 95.

Мы уходим на северо-запад...

Мы уходим на северо-запад,
И рыдает, и пляшет перрон.
Но гармонь, задохнувшись внезапно,
Замерла, и притих батальон.

Санитарного поезда скрежет,
Весь в бинтах командир у окна...
Кровью, пеплом, горелым железом
Вдруг в лицо нам дохнула война.

Мы не знали ни ран, ни санбата,
Смерть гуляла пока в стороне,
И сурово глядели солдаты,
Не бывавшие там, на войне.

– Разгружаемся! Быстро! Не мешкай!
На носилках героев несли,
Их укладывали на тележки,
Подавали им костыли.

У танкиста поблёскивал орден,
Был танкист молодой обожжён...
И застыл караулом почётным
Необстрелянный наш батальон.

И белело не поле ромашек –
Под созвездьями красных крестов
Поле гипсовых белых рубашек,
Поле белых халатов, бинтов.

Заглушая сиреневый запах,
Госпитальный знобил холодок... ..
Нам пора. Нам на северо-запад.
Раздаётся прощальный гудок.

Мать-Россия

Ночь. В размытом сиянии звёзд,
Взвихрив лунную паутину,
На куски разорвал бомбовоз
Неба светлую круговину.

Я упал в подорожник.
Мне жить не судьба.
Я лежу окровавлен, почти бездыханен...
Но Россия перстами касается лба:
– Подымайся, сыночек.
– Я ранен?
– Да, ранен...

И опять, забинтован, с пехотой иду
Всё вперёд, всё на запад, круша окаянную силу...
Воедино сливались в предсмертном бреду
Образ Матери и России.

Зёрна

Я помню: был смертельным грузом
Взрыт косогор, как близ реки.
Дымясь на поле кукурузном
Светились зёрен угольки.

Бой отгремел. Пожар потушен.
И мы ушли за косогор...
А эти зёрна жгли нам души
И обжигают до сих пор.

У подножья высоты

Мы лежим у подножья высоты,
Но – сигнал! И на вражеский дот,
Не жалея охрипшие глотки,
Вновь бросаемся с криком: «Вперёд!».

Мы ползём, обдирая колени,
Под огнём ураганным во мгле,
Чтобы новое поколение,
В полный рост поднялось на земле.

Свищут пули, сбивая пилотки.
Мы всю ночь выбиваем врага,
Чтоб на той поселились высоте
Тишина и покой на века.

Всё помнят дороги

Всё помнят деревенские дороги:
Как шли по ним солдаты на войну,
И стон колёс, и вдов босые ноги,
И сена полусгнившую копну.

И то, как отощавшую корову –
Кто за ноги, кто за рога – подняв,
Везли на дровнях те же вдовы
На первые проталинки, в луга...

Исхлестанные ливнями тревоги,
Изрытые, в воронках и в пыли,
Всё помнят деревенские дороги,
Которые к Победе нас вели.

Огненные сны

Сны опять со мной на марше:
 Как тогда, в России, в старину,
 Вслед, перекрестив, рукою машет
 Женщина, проклявшая войну.

Отзвук раскалённого набата,
 Стоны, грохот, пепел, дым и прах...
 Я бегу... Мне слышится комбата
 Голос, огрубевший на ветрах.

Проплывают выжженные лица.
 И разверзты огненные рты...
 Сколько ж будут сны такие длиться?
 До моей последней, знать, черты.

Память о войне

Разнотравья медвяный запах.
 Безмятежность, покой, забытьё...
 Отчего же опять внезапно
 Жалит памяти остриё?

Закрываю глаза – на мгновенье
 Мне покажется: грохот, война,
 Я взрываю кольцо окруженья,
 Гимнастёрка обожжена...

То ль пробитая дзенькает каска,
 То ль звенят на ветру тальники...
 А открою глаза, вижу – ряска,
 Влажный берег, желтеют пески...

Благодатного лета стихия,
 Небо тронута голубизной...
 Окружает меня Россия
 Разнотравьем и тишиной.

Памятник павшим

Эти мосты и ангары,
 Эти дворцы, телебашни,
 Эти сады и бульвары –
 Памятник павшим.

Неузнаваемо светел
Город боёв рукопашных.
Школы его и дети –
Памятник павшим.

Был он бомбёжкой вздыблен,
Некогда гарью пропахший,
Пахнет сиреневым дымом –
Памятник павшим.

Полк, погибая гордо,
Смерть и забвенье поправший,
Лёг под фундамент города –
Памятник павшим.

Яблони этих усадеб,
Эти за городом пашни,
Мир новоселий и свадеб –
Памятник павшим.

СТРЫГИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1920 – 1999)

Прозаик, поэт, драматург. Член Союза писателей РСФСР. Автор романов, повестей, рассказов, стихотворений, поэм, очерков.

Родился 14 августа 1920 года в деревне Беломестная Криуша Тамбовского района. Окончив после средней школы Тамбовское артиллерийское училище, двадцатилетний лейтенант попал на фронт. Награждён орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

Вернувшись после войны на родную Тамбовщину, Александр Стрыгин работал в Тамбовском художественном фонде, одновременно занимался литературой. Был сельским учителем, воспитателем в детском доме. Его многочисленные «Записки воспитателя», рассказы и очерки о земляках стали появляться в местных и центральных газетах и журналах.

Первая книга рассказов вышла в Тамбове в 1950 году. Вскоре молодой прозаик стал участником зонального совещания молодых писателей Центрального Черноземья, проходившего в середине 1950 годов в Воронеже. Наш земляк попал в семинар Петра Чагина – друга и соратника Сергея Есенина. Чагин, одобрительно отозвавшись о произведениях тамбовского писателя, отметив его несомненное дарование, рекомендовал Александра Стрыгина в Литературный институт имени А.М. Горького.

Будучи студентом, молодой писатель пережил ещё несколько значительных, волнующих встреч, на всю жизнь оставшихся в памяти и в сердце, – с Львом Кассилем, Всеволодом Ивановым, Михаилом Шолоховым, который и благословил провинциального автора повестей и рассказов на роман «Расплата». Это произведение переиздавалось несколько раз.

Александр Стрыгин стоял у истоков создания Тамбовской областной писательской организации, был её первым ответственным секретарём.

В начале 1970 годов писатель переехал на постоянное жительство в Краснодар. Там он редактировал альманах «Кубань», издал несколько книг. Почти каждый год посещал малую родину, увековеченную в его произведениях. В 1998 году в Тамбове был издан однотомник произведений Стрыгина, куда вошли романы, повести, очерки, рассказы, стихи.

Александр Васильевич Стрыгин скончался 16 апреля 1999 года в Краснодаре. За заслуги в литературной и общественной деятельности он был награждён «Знаком Почета», удостоен Краснодарской краевой журналистской премии им. В. Ставского.

Сочинения:

Стрыгин А. Расплата: Роман. Любое издание.

Стрыгин А. Мои земляки: Очерки. – М., 1977.

Стрыгин А. Избранное: Романы, поэма. – Тамбов, 1999.

Литература:

Тамбовские даты-1995: Рекомендательный указатель литературы. - Тамбов, 1995. – С. 50 – 52.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 126 – 127.

Фронтная память

Фронтная память побольнее ран,
Оттого невесел старый ветеран.
Часто-часто снятся те, которых нет.
И окоп тот снится вот уж много лет.

Встал живым в окопе только он один,
 Страшный бой запомнил до седых седин...
 До сих пор окоп тот ездит он искать,
 Где хватило б места и ему лежать

В гимнастёрке рваной,
 кровь взамен наград,
 Где плечом холодным жмётся к брату брат...
 Оттого невесел старый ветеран, –
 Фронтная память побольнее ран...

Завещали братцы подвиг не забыть,
 До Победы драться, до Победы жить...
 Дрался до Победы, раны не считал,
 К полюшку вернулся – сразу за штурвал.

Прожито со славой столько мирных лет,
 А ему, солдату, всё покоя нет.
 А ему, солдату, всё покоя нет:
 Всё окоп тот снится вот уж много лет.

Рассказ солдата

Зловещий танк в дыму ныряет,
 Он медлит повернуть на нас,
 Как будто нервы проверяет...
 Тут командир мне дал приказ.

Ползу... А страх в ушах скрежещет,
 Звенит, рокочет, дребезжит...
 Тот танк давил детей и женщин, –
 Ужель возмездья избежит?

Я стал тогда сильнее страха,
 Встал в рост и бросил, что есть сил,
 Гранаты со всего размаха!
 И грозный танк остановил!

В дыму, под небом полудённым
 Стояли – не забыть вовек! –
 Железный страх,
 мной побеждённый,
 И я, я – слабый человек!

Поэту-фронтовику Ивану Кучину

В жизни мы себя не берегли,
 На войну пошли – ещё подростки.
 Там на сердце нашем залегли
 Грубые отметины-бороздки...

А теперь мы – деды и отцы,
 И уже трудней даются строчки,
 И болят зажившие рубцы
 Тех военных, памятных годочков...

Только ветеранский порох сух.
 Как бы ни болели наши раны,
 Жив ещё в душе бойцовский дух –
 Не сдадутся русские Иваны!

Письмо-треугольник

На войне прибавлял он мне силы.
 И сейчас, когда я постарел,
 Фронтной треугольничек милый
 Снова душу солдата согрел...

Сразу вспомнил, как шли мы в атаку.
 А потом – столько встреч и разлук!
 Как забыть ту великую драку,
 Мой окопник, заботливый друг!

Далеко уж не те наши силы.
 Как и ты, я, мой друг, постарел.
 Только твой треугольничек милый
 Снова душу солдата согрел.

В Музее обороны Ленинграда

Юноша!
 Видишь ли хлеба кусочек –
 Тот, что лежит на музейных весах?
 Он памятен многим: голодные ночи
 И слёзы в потухших глазах.

Не было хлеба. Враг к городу рвался...
 Вон тот ленинградец, что крутит усы,
 Голодный и слабый, стрелял, не сдавался,
 Чтоб ты был свободен и сыт...

За детские слёзы, за страшные муки
Несли, как могли только несть,
Уставшие руки, но крепкие руки,
Врагу справедливую месть!

...Эти блокадные, страшные ночи
Будто застыли в глазах...
Вот почему этот хлеба кусочек
Лежит на музейных весах.

ШАМОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ (1918 – 1965)

Поэт, военный лётчик. Автор стихотворений, текстов песен на музыку известных советских композиторов.

Родился 19 февраля 1918 года в селе Хлыстово Моршанского уезда Тамбовской губернии. Окончив школу-семилетку, поступил в Моршанский библиотечный техникум. Как лучший выпускник был направлен в Московский библиотечный институт. В 1940 году ушёл с последнего курса института и стал курсантом Батайской авиашколы. Весть о войне застала его в палаточном городке, и летом 1942 года он принял боевое крещение.

После войны Иван Шамов остался в авиации. В 1947 году, во время очередного полёта, в воздухе отказал мотор, самолёт рухнул на землю. Лётчик был без сознания десять суток. Врачи вернули его к жизни, но он оказался навсегда прикованным к постели. Несмотря на трагизм положения, этот человек сумел преодолеть непреодолимый, казалось бы, барьер. Шамов начал сочинять стихи. Бывший лётчик и будущий поэт возвысился над недугом.

Первые стихи Ивана Шамова были опубликованы в 1949 году. О них одобрительно отозвались профессиональные поэты: Сергей Смирнов, Александр Жаров, Михаил Исаковский. С 1953 года в Москве начали выходить сборники стихов и песен Ивана Шамова: «Дежурное звено», «На заданной волне», «Служу Советскому Союзу!» и другие.

Иван Шамов мечтал выпустить книгу «Костры горят далёкие...» – по названию стихотворения, ставшего известной песней. Она вышла в Тамбове только в 2007 году, когда поэта уже не было в живых: он скончался 20 декабря 1965 года в Москве.

Именем Ивана Васильевича Шамова названа библиотека в Тамбове. На здании Моршанского муниципального гуманитарного колледжа, где размещался библиотечный техникум, установлена мемориальная доска.

Сочинения:

Шамов И. Дежурное звено: Стихи. – М., 1953.

Шамов И. За рекою Цной: Стихи. – Тамбов, 1958.

Шамов И. Солдатское сердце: Стихи. – Тамбов, 1960.

Шамов И. На заданной волне: Стихи. – М., 1962.

Шамов И. Тополёк: Стихи. – Воронеж, 1964.

Шамов И. Как дорога ты мне, Россия!: Стихи. – М., 1986.

Шамов И. Костры горят далёкие...: Стихи / Вступ. статья В. Дорожкиной. – Тамбов, 2007.

Литература:

Бармин А. Был прерван в небе мой полёт... // И бытия возвратное движение... – Воронеж, 1990. – С. 121 – 147.

Тамбовские даты-1993: Рекомендательный указатель литературы. – Тамбов, 1993. – С. 35 – 37.

Гибель сокола

Воспоминания пехотинца

Куковала в рощице кукушка.

Серебрились росы на листве.

Поутру забила глухо пушка

Над землянкой нашей в синеве.

Озарённый первыми лучами,
 Небосвод был ясен и глубок.
 Там один с насевшими врагами
 Начал бой советский ястребок.

Всё смешалось в быстрой карусели,
 Всё слилось в один гудящий круг.
 Два врага поспешно улетели,
 Два упали в пламени на луг.

И пропал вдруг голос у кукушки,
 Всё притихло в роще фронтовой.
 Дотянул наш лётчик до опушки
 И поник в кабине головой.

Мы всем взводом к парню подбежали —
 И откуда только эта прыть!
 Он сказал:
 «Четвёркою зажали...
 Но и я дал «мессам» прикурить!..».

Он лежал на шёлке парашюта,
 И алел от крови белый шёлк.
 Вот прошла ещё одна минута,
 И навеки сокол наш умолк.

Только горя не было кукушке —
 Вновь вещала годы без конца.
 Мы клялись в молчанье на опушке
 Отомстить за сокола-бойца.

Подвиг техника Коникова

*По сообщению Совинформбюро
 от 27 июля 1941 г.*

Враг сыпал с неба бомбы градом,
 Горел разъезд среди берёз,
 И, развороченный снарядом,
 Шипел бессильно паровоз.

Пылали рядом эшелоны.
 В кусты бы технику уйти...
 Но он не мог: его вагоны
 Стояли с грузом на пути.
 В душе кипели боль и мщенье.

Но что поделатъ может он?
Какое здѣсь принять рѣшенье,
И как спасти свой эшелон?

... Вот на платформе, зачехлённый,
Стоит бескрылый ястребок.
И техник, мыслью озарѣнный,
Бежит к нему: «Спасай, браток!».

Он знает сердце самолѣта –
Мотор – до самого шпинта.
Не хуже всякого пилота
Ему известна мощь винта...

Чехол отброшен. И в кабине
Привычно действует рука.
Вот что-то дѣрнулось в машине,
Забилось сердце ястребка!

Газок! И ярый рѣв мотора
Все звуки разом перекрыл.
Казалось, в светлые просторы
Рвалась машина и без крыл.

Блестящим серебристым диском
Крутился винт перед лицом.
И техник на сиденье низком
Себя почувствовал бойцом.

Ещё газок! И вот удача:
Состав поплыл среди берѣз.
А сзади где-то, словно плача,
Шипел подбитый паровоз.

Мелькали тени вдоль откоса,
Назад бежали деревца...
И поезд шѣл без паровоза,
Спасѣнный волей храбреца.

А он не думал об отваге,
В страну советскую влюблѣн,
Он просто верен был присяге
И на воздушной мощной тяге
Вѣл к фронту срочный эшелон.

Ночной таран

*Памяти Героя Советского Союза
Виктора Талалихина*

Потушив огни на чёрных крыльях,
Шли враги к Москве за валом вал.
Им навстречу первым в эскадрилье
Талалихин Виктор стартовал.

Горизонт окидывая взглядом,
Он смотрел в ночную синеву:
«Пусть умру под вражеским снарядом,
Но врагу не дам бомбить Москву!».

Вот он, враг! Загружен, видно, слишком!
Сколько бомб сегодня ты привёз?
По огням – моторным синим вспышкам –
Изо всех стволов удар нанёс.

«Угодить бы гостю в бензобаки», –
На гашетку снова лётчик жмёт.
Но затих в решающей атаке
Докрасна нагретый пулемёт.

«Всё равно достану, не промажу,
Твой визит не кончится на том...».
И, догнав врага, по фюзеляжу
Полоснул сверкающим винтом.

Развалился «хейнкель» в небе с треском,
Но и свой изранен самолёт.
И тогда над тёмным перелеском
Из машины выпрыгнул пилот.

«Вот теперь как будто вышло дело!» –
И опять звенела тишина,
Да с немым волнением глядела
На героя-лётчика луна.

Полёт Девятаева

Падал на остров и дождик, и снег.
В лагере смерти задуман побег.
– Миша, – сказал Кривоногов Иван, –
Надо сегодня исполнить наш план...

Возле бараков, вонючим двором,
Вёл часовой их на аэродром.
«Лётное поле в воронках у нас.
Пусть разровняют!» – был отдан приказ.

Вот Кривоногов, ровняя песок,
Стукнул солдата лопатой в висок.
Немец упал, повалился, как сноп...
– Тише, ребята! Без паники. Стоп!..

Вот он с крестами стоит самолёт
Все к самолёту! Наш Миша – пилот...
Мигом одним расчехлён бомбовоз.
«Но улетим ли?» – терзает вопрос.

Девять товарищей с верой в груди
Сели и ждут, не дыша, позади.
Газ! Девятаев отжал тормоза –
И побежала назад полоса...

Крепко вцепившись руками в штурвал,
Всю свою волю на помощь призвал,
Но почему, почему – не понять,
Хвост самолёта ему не поднять?!

Море в упор! И напрасны труды.
Он задержался у самой воды.
Быстро машину назад развернул.
А к самолёту бежит караул.

Лётчик рулит у врагов на виду:
«Врёшь! Самолёт всё равно уведу!».
Вот развернулся – и снова на взлёт.
Сердце ликует, и небо зовёт!

В каторжной куртке советский пилот
«Хейнкель» с крестами в Россию ведёт.
Море в барашках неслышно шумит.
Следом в погоню взлетел «мессершмитт».

Злобится коршун. К гашетке рука.
Но Девятаев ушёл в облака.
Линию фронта, на бреющем, днём,
Он пересёк под зенитным огнём.
И лишь когда разглядели своих,

Сел Девятаев, и «хейнкель» затих...
Родина! Ты ли орлам не награда?!
Глянь на сынов, прилетевших из ада!

Надпись к картине «Письмо с фронта»

Явился вдруг солдатушка,
Костыль к руке прирос:
– Из госпиталя, матушка,
Вам весточку принёс.

Лежал с Иваном длительно.
Хоть мне не по пути,
Но муж ваш убедительно
Просил к семье зайти...

Был ранен на Смоленщине,
Но ожил вновь солдат! –
Светлеет лик у женщины,
Огонь в глазах ребят.

– Сама-то ли здоровая?
Как дочка? Как сыны?..
Далёкая, суровая
Поэзия войны.

СТИХИ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

АКУЛОВ ИВАН ИВАНОВИЧ

(род. в 1942 году)

Поэт. Член Союза писателей России.

Родился 15 января 1942 года в селе Салтыки Ряжского района Рязанской области. Окончил Салтыковскую семилетнюю Ряжскую среднюю школу № 2 Рязанской области, Мичуринский педагогический институт.

Иван Акулов работал организатором внеклассной и внешкольной работы Ново-Гаритовской школы, директором Больше-Алексеевской, Новоситовской школ Петровского района, заведующим общим отделом Петровского райкома КПСС, заведующим отделом народного образования Петровского района, заместителем главы администрации Петровского района.

Первая публикация стихов Ивана Акулова появилась в 1969 г. Произведения писателя печатались в газетах Петровского района (ныне «Сельские зори»), «Народный учитель», «Наедине», «Притамбовье».

Сочинения:

Акулов И. Азбука души: Стихи. – Тамбов, 1999.

Акулов И. Кукушкины слёзки...: Стихи. – Тамбов, 2000.

Акулов И. Прапамять: Стихи. – Тамбов, 2000.

Акулов И. Протомир: Стихи. – Тамбов, 2004.

Акулов И. Прапамять: Стихи. – Тамбов, 2000.

Акулов И. С той стороны: Стихи. – Тамбов, 2006.

Акулов И. Судный час: Стихи. – Тамбов, 2008

Акулов И. Осенний крик: Стихи. – Тамбов, 2012.

Литература:

Алёшин, О. Два сборника Ивана Акулова / Олег Алёшин // Наедине. – 2001. – 5 июня.

Дорожкина, В. Поэзия – со всех сторон... / Валентина Дорожкина // Тамб. жизнь. – 2012. – 18 янв.

Начас, Е.С Божьего языка на русский / Е. Начас // Сел. зори [Петров. р-н]. – 2004. – 19 нояб.

Петрова, Л. Хорошо в залесье!... / Л. Петрова // Тамб. жизнь. – 2000. – 11 нояб.

Полякова, Л.В. [Об И.И. Акулове] // Полякова, Л.В. Современная поэзия Тамбовского края / Л.В. Полякова. – Тамбов, 2010. – С. 47–50.

Тарасова, Т. «С Божьего языка на русский...» / Т. Тарасова // Тамб. жизнь. – 2005. – 14 янв.

Щёкотов, Ю. Правда – в стебелёчке ржи // Ю. Щёкотов // Соборная площадь [газ. Мичур. р-на]. – № 1. – С. 33–34.

Герой Советского Союза

1

–Капитан, сдайте Ваше оружие...

И... без глупостей: с НКВДе,

Если можно дружить, то служат,

А иначе явиться беде.

–Но...

–Без «но», капитан, и без зыби...
 Молодец, а теперь ордена...
 И Звезду. На покаянной дыбе
 Она будет тебе не нужна.
 Старшина, капитана под стражу...
 В одиночку... Что? Нет таковой?
 Тогда – к танковому экипажу
 И...усильте ещё конвой.

И «следак», потирая ладони,
 Как-никак, а вспотел, отслужив
 За четвёртые в жизни погоны
 День из взятого им рубежа,
 Еле сдерживал радость.
 И всё же
 Пробивалась она сквозь броню
 Без морщинок, по оспенной роже,
 Пострадавшей, как рожь, на корню.
 Он её загонял под рубашку,
 Прятал в китель уловкой раба,
 А она задирала фуражку
 Выше носа и медного лба.
 «Я тебе покажу!» – выпирало
 Из рта, из глазёнок, ноздрей
 Лютой злобы отвратное жало,
 Будто пламя из жерл батарей.
 – Ничего, посидишь, дозревая...
 Утром встретимся – и тогда
 Не поможет тебе боевая
 Слава и «Золотая Звезда», –
 Мозг буравили всполохи-искры...
 Между тем строевой капитан
 Шаг за шагом вымеривал быстро
 Метры камерных болей и тайн.
 «Кто?
 Зачем?
 Почему?
 Что случилось?»
 Завтра правда откроется – и ...», –
 Сердце с ритма привычного сбилось
 И сигнальные всплыли огни.
 Человек так устроен: сначала
 Сердце примет беду, а потом

Всё, что билось, стонало, кричало

Постигать начинает умом.

– Капитан, что с тобой? – у танкиста
Дрогнул голос. – Ты сядь-посиди,
Отдохни от «добра» особиста:
У тебя всё ещё впереди.

Особист, капитан, хоть и молод,
Но в руках у него нам на страх
Острый меч и безжалостный молот,
Не расплавленный горем в слезах.
В чём тебя обвиняют?

– Не знаю.

Я пред Родиной не виноват.
Для меня свято Красное Знамя,
Как и для недиванных солдат.
«Всё понятно! – танкист улыбнулся. –
Боевой офицер и к тому ж
Перед крысой штабной не прогнулся,
Не свернулся, как на зиму уж».
–Капитан, ты ложись поудобней.

Утро правду расскажет: оно
Мудренее, сметливей, подробней,
Чем по жизни природой дано.
Здесь кричат по ночам, но не слышно,
Чтоб стреляли, а это уже
Чуть похоже на ночи под крышей –
Не в окопе и не в блиндаже.
Не ложусь почему? Мне бы в танке:
В нём теплее и проще, а тут,
Словно килька солёная в банке –
Не сегодня, так завтра сожрут
Иль дадут по «десятке» на брата...

2

Утром в шесть разразилось: «Подъём!», –
И в «глазке» появился солдата
Устрашающий зрак и объём:
– Не ложиться! Сидеть, лежебоки!
Приготовьтесь облегчить нутро:
Чтоб принять в себя новые соки,
Отдавайте природе «добро».
–Вертухай-то – философ, – заметил-
Обронил ненароком танкист,
Проступая едва в тусклом свете,
Как в потёмках берёзовый лист.

– Разрешите представиться: Смагин
 Анатолий, ещё лейтенант,
 Не лишён был в боях я отваги,
 Слышал в звании «Лей, лейте нам!»
 И дослушался... Что – полегчало?
 – Да, спасибо... Орлов... Капитан...
 Сердце? Боль и вину прокачало,
 Но последняя – тайна из тайн.
 Мне она не известна покамест.
 Подожду...
 – Подожди до поры...
 Здесь умеют любое из таинств
 Раскрывать, словно масть для игры.

Так они и общались, покуда
 Не открылась железная дверь,
 Полоснув обречённостью гуда
 Напряжённый незнанием нерв.
 Как паденье, арест, но страшнее
 Неизвестность: повисла она
 Тьмой безмерною, камнем на шее
 На оставшиеся времена.
 Тяжело ожидать – неизбежно
 Возникает всечасный вопрос:
 Как же дух неподкупный, мятежный?
 До допроса ещё не дорос?
 Ты готовишься, перепроверив
 Память совестью, но всё равно
 Червь сомнения веткой с деревьев
 Сердце гложет – стучится в окно.
 «Тук-тук-тук, тук...», – сейчас разорвётся.
 Каждый такт ожиданьем налит,
 Как холодной водой из колодца,
 А, настывнув, нещадно болит.
 –Капитан, на допрос! – ухмыльнулся
 Конвоир, и возник коридор
 В ощущениях чёрного пульса,
 Не известных ему до сих пор.
 –Стой! К стене! – из набора конвоя...
 Боже правый, какой же ты есть:
 У солдата войны – у Героя
 Хочешь вытравить совесть и честь.
 –Руки за спину...
 Плакали стены,
 Проступали из их старины

Генералов и маршалов тени –
Верных пасынков лучшей страны.

3

–Имя? Отчество? Место рожденья?
 Год? Родители? Из докторов?..
 Не скрывая служебного рвенья,
 По-вчерашнему важен, суров,
 Он сидел за столом изваяньем,
 Властью слепленный из директив,
 Сверху спущенных вниз со стараньем,
 Не скрывающим императив.
 Весь с игопочки, выглажен, выбрит,
 Упакован по форме и сыт,
 Был судьбою обласкан и выбран
 И от чёрной спасён полосы
 Особист из особого теста.
 Этот знал о войне, что и все,
 Но не ползал в болотах под Брестом
 И не прятался в ржевском овсе.
 –Что ж Вы, Виктор Петрович, о долге
 О сыновнем забыли? В боях
 Под Москвой, на Кубани, на Волге
 Растеряли естественный страх?
 Позволяете думать особо...
 Власть поругивать стали порой...
 Офицерскую форму на робу
 Поменять захотелось? Герой...
 –Но позвольте...
 –Да, нет, не позволю:
 Сын не может на мать клеветать,
 Если мать и заставила в поле
 За советскую власть умирать.
 Что молчишь?
 –Так Вы слова не дали
 Мне ответить с вчерашнего дня.
 Я свои ордена и медали
 Заработал не возле огня,
 А в огне.
 –Позабудь про медали.
 –Вы их можете взять-отобрать,
 Но не Вы к ним меня представляли,
 А великая Родина-мать.
 Перед нею я чист, как пред Богом.
 Власть – не Родина.

–О, как ты смел!
 Роешь землю под отчим порогом,
 На котором недавно сидел.
 Ничего, мы тебе обкорнаем
 Крылья, чтоб высоко не летал.
 –Слово – это небесное знамя,
 Не убитый в боях капитал.
 Не осилить его ни арестом,
 Ни шарашкой, ни зоной в тайге,
 Ни командою зычною: «Место!»
 Или более страшной: «К ноге!».
 –Значит, всё, что писал, подтверждаешь?
 –Подтверждаю, но то, что писал,
 А не то, что сейчас намараешь,
 Душу чёрту продавший, вассал.
 –Как же ты, офицер, мог злословить
 На Отца, называть Паханом?
 Позабыли в окопах про совесть?
 –Это Ваша... лежит под сукном.
 Вы хотели ложиться под танки
 За него, мы горели в боях.
 Наши правнуки долго останки
 Сбирать будут в русских полях
 И не только...
 –Смирил бы гордыню...
 Внешне этот допрос походил
 На беседу друзей.
 Сквозь гардины
 Из последних оставшихся сил
 Пробивался луч солнца, но шторы,
 Повинуясь хозяйской руке,
 Приглушали огонь разговора
 На допросном эрзац-языке.
 Впрочем, было понятно обоим,
 Чем закончится «жалкий бормот»:
 На этапе под строгим конвоем
 Жизнь Героя возьмёт в оборот.

4

Десять лет лагерей от июля
 Сорок пятого года: в ОСО¹
 Зачитала бумажку «зозуля» –
 Покатилось судьбы колесо
 В вагон-заке к таёжным вагулам
 Через тысячи вёрст в дикий край

Под зрачком автоматного дула
 И собачий торжественный лай.
 Вот когда узнаёшь, как огромна
 Русь исконная, как велика,
 Уходящая в стужу, как в домну,
 Человечья немая река.
 Застучали вагоны по рельсам,
 Как по рёбрам невольников зон.
 На морозе за сорок по Цельсию
 Звон похож был на гибельный стон.
 В арестантском вагоне без окон
 (Зарешечен поверху слепыш)
 Замерзал человеческий кокон,
 Словно в поле голодная мышь.
 В жалком месиве тел и обличий
 Трудно было найти и сберечь
 Двух людей без этапных отличий,
 Сохранивших лицо, взгляд и речь.

Зек Орлов был подхвачен потоком,
 Но не смят, не раздавлен, хотя
 Истекал не единожды соком,
 Как того и хотела статья.
 Прошагав без дороги и брода
 До конца от начала войну,
 Он теперь, будто с чёрного хода,
 Постигал и народ, и страну.
 То, что раньше мелькало в догадке,
 В озаренье, в наитье, взросло
 Голой правдой в разодранной шапке,
 Множа бед и несчастий число.
 «Не ошиблась военная юность», –
 Думал он, но не радость его
 Заполняла, а подлая снулость,
 Разрушающая естество.
 Не увидеть из «зака» народа,
 Но и в «заке» не призрак – народ
 Настоящего русского рода,
 А не властью придуманный сброд.
 Он бедней был, народ, и бесправней,
 Чем казалось Орлову.
 Чудак
 Захотел обновить и подправить
 Обветшалый фасад и чердак.
 Он теперь исходил из посыла:

Невозможно никак сохранить
 Власть, что любит себя, а не сына,
 Не давая наследнику жить.
 «Но для этого надо сначала
 Выжить, выжить», – Орлов понимал,
 Что его не родня повстречала,
 У которой давно не бывал.
 Люд, вошедший под своды ГУЛАГа,
 Не робел, не показывал страх –
 И Орлову былая отвага
 Пригодилась на первых порах.

5

В лагерях умирает надежда
 Не последней, а первой.
 По швам
 Расползается воли одежда –
 Наступает нещадный кошмар.
 Даже летом холодные воды
 У Оби.
 Не теплее снега.
 В бесконечном пространстве свободы
 Скрылись признаки и берега.
 Всё и все под опекою «кума»²,
 Стражным оком конвоя, судьбы
 Вдалеке от победного шума
 На таёжных болотах Оби.
 Человек в океанском просторе
 Безопаснее чувствовал, чем
 При строжайшем контроле-надзоре
 Позабывших про стыд палачей.

Словно тварей по паре в ковчеге,
 Собрала власть татар, ингушей,
 Не погибших в кровавом набеге
 Злых чеченцев, грузин, латышей,
 Немцев, греков, карелов, афганцев,
 Гагаузов, болгар, молдаван,
 Украинцев, евреев, иранцев,
 Белорусов, китайцев, армян.
 И повсюду, повсюду, повсюду
 В чёрных шмотках тюремных обнов
 Было множество русского люду –
 Строгой матери верных сынов.

Отгремели победные марши
Без Орлова. Подобно кроту
Он врубался всё дальше и дальше
В рудниковую глубь-темноту.
Не простили Герою Орлову
Дерзких слов о Великом Отце:
Если гнуть не способен подкову,
То подумай о близком конце.
Во главе человеческого стада
Шёл Орлов в рудниковую клеть –
Опуститься на уровень ада,
Где судьба выдаст шанс умереть.
Через десять часов тень Орлова
Поднималась наверх, на-гора,
Вынося умерщвлённое слово
Из несказанного словаря.
Становился похожим на жмурки
Мир, который был светел и чист,
Но смеялись похабные урки
И кричали Герою: «Фашист!...».³
Загребали развёрстые гнутки⁴
Грязь со снегом, как будто беду.
Слава Богу, прошли ещё сутки,
Он стране поломаёт руду.
Вот и лагерь.
Дошёл, заплетаясь...
Скоро жрачки нальёт баландёр⁵...
И – на нары...
Отринутый аист...
Испугавший Грузина фрондёр...
Бился в кашле сосед Одинок –
Доктор права, на фене – Укроп
Помидорович⁶, не из пророков,
Но известный отечеству столп.
Слева тихо молился «церковник
По окраске»⁷, чуть дальше троцкист,
Выселенец и белопогонник,
Фабрикант и несчастный баптист.
Каждый думал о доме и чести,
О судьбе, о великой стране,
Позволяющей подленькой мести
Возрасти, как огню по стерне.
Было холодно.
В грязном окошке
Трепыхалась рыбёшкой луна –

И казалось, что мёртвая мошка
 Пробудилась от вечного сна.
 Становилось всё тише в бараке,
 словно шапкой прикрыли струну –
 Только лаяли злые собаки
 На себя и беглянку луну.
 Ночь для зэка – страна без обмана
 И без страха: могучий Морфей
 Пустит доброй рукой из кармана
 Рыжеватых, как солнышко, фей.
 Сладко спится Орлову на шконке:
 Он – в раю, а вокруг соловьи
 Признаются открыто ребёнку
 В неизбывности вечной любви.
 Рядом мама – земная отрада –
 Тянет руки призывно обнять,
 Но внезапно возникла преграда,
 Разделила ребёнка и мать.
 Соловьи улетели из рая,
 Предпочтя полутени простор –
 И взорвал тишину вертухая,
 Разрывая сознание, ор.
 –Всем подъём, фитили-доходяги! –
 Надрывался ядрёный сынок,
 Сняв с плеча ППШ для отваги
 И держа нервным пальцем курок.
 Заскрипели барачные шконки,
 На осколки дробя тишину
 Неприветливой зоны-сторонки,
 Отрезая тропинку ко сну...

6

Тук-тук-тук, тук-тук-тук...
 В спецвагоне
 Окрещённых статьёй⁸ бедолаг
 Из одной умирающей зоны
 Повезли умирать в Особлаг.
 И привыкшего к аду Орлова
 Обрекли на далёкий этап:
 Это молвил кремлёвское слово
 Не напившийся крови сатрап.
 Ах, как сердце схватило-заныло,
 Окатило горячей волной –
 Это было же, было же, было
 Со странною моей и со мной.

Я – в купе, вместо двери решётка.
 Воздух спёрт и горяч, как в ночи.
 Оплывает наждачная глотка,
 Словно воск с поминальной свечи.
 Упираются в бок чьи-то руки,
 Ноги стиснуты рядом других:
 Тяжелы арестантские муки,
 Тяжелее эпических лих.
 Сквозь «слепыш» видно в клеточку небо –
 Голубой лоскуток бытия
 Без воды, кислорода, без хлеба,
 Как того возжелала статья.

В новой зоне втокнули Орлова
 В «конуру», соблюдая норматив –
 По два метра пространства жилого,
 Чтобы не был в движеньях ретив.
 Я прибавил полметра, поскольку
 Испугался за правду – она
 Шевелить продолжала осколки,
 Что оставила в теле война,
 И сознание: спячка начала
 Отступала, рождая взамен
 Неприятие яви.
 Крепчала
 Жажда выстраданных перемен.
 Удивительно, но и другие,
 Испытав человеческий шок,
 Не ушли с головой в ностальгию,
 Затянув поясок-ремешок,
 А нашли в себе силу и волю
 Сообща воспротивиться злу –
 Не молчать в созерцании доли,
 Обращённой насильно в золу,
 А кричать осязаемым криком
 О распятии духа, добра,
 О словах, заменяемых мыком,
 Когда смята упругость ребра.

И взорвался Степлаг⁹ бунтом братства,
 Как весенний огонь травных меж:
 Коль нельзя докричаться-дозваться,
 Остаётся, как выход, мятеж.
 Словно птицы, взлетели в Степлаге
 И застыли в роптанье густом

Ослепительно белые флаги
 С чёрным краем и красным крестом¹⁰.
 И Орлова втянуло в воронку
 Мятежа, словно щепку вода:
 Невозможно остаться в сторонке,
 Если общею стала беда.
 –Капитан, – обратился к Орлову
 Белояров – окопный комбат
 Из полковников честного слова,
 Понапрасну лишённый наград.
 – Мы хотим не войны, а участия...
 Встанешь рядом, доверься звезде?..
 –Оставался с друзьями я в счастье,
 Грех оставить несчастных в беде.
 –Что ж – другого не ждал!
 Будем вместе.
 Наши «просьбы» просты, как курок:
 Не лишайте насильственно чести,
 Надевая жетон-номерок!
 Нет – решёткам, замкам, стенам плача!
 Всех виновных в убийствах – под суд!
 Труд тогда привлекательно значим,
 Когда нас пастухи не пасут!
 Знай, Орлов, что остаться живыми
 Шансов нет, но дороже стократ
 Моё честное русское имя...
 –И моё: я – вчерашний солдат.

7

Через месяц противостоянья
 В зону танки вошли...
 Ждал рассвет
 От властителей слов покаянья
 За лишения проклятых лет,
 Но, увы...

¹ ОСО – Особое СОВещание при НКВД.

² кум – оперуполномоченный в местах лишения свободы

³ фашист – политзаключённый

⁴ гнутки – сапоги

⁵ баландёр – разносчик еды

⁶ Укроп Помидорович – интеллигент

⁷ окраска – содержащихся в лагерях различали по национальности, по характеру преступлений и «по окраскам»: социальной принадлежности

⁸ имеется в виду 58 статья: в 1948 году осуждённых по 58 статье стали собирать в 10 специально созданных особых лагерях

⁹ Степлаг – «Степной лагерь МВД» № 4 в Карагандинской области, в 1954 году в нём содержалось 20698 человек, в т. ч. 2186 каторжан.

¹⁰ цвета флага обозначали мирность намерений, наличие жертв произвола и нуждаемость в международной помощи

Три песни об отце – плотнике и бойце

1

Плотник был весёлый,
Лес, как смех, любил,
По окрестным сёлам
Избы всем рубил.
В такт топорiku посвистывал,
Легко ахивал,
Щепу белую, смолистую
Наземь смахивал.

Ах, щепа, щепа,
Щепа, щепочка...
Вихры русого чуба
Держат кепочку.

Мастер брёвнышки обхаживал
И поглаживал бока.
Каждый угол «в лапу» саживал
Так, чтоб было на века.
Дом искал большими окнами,
Как подсолнух солнце, юг,
Чтоб зимою в нём не ойкали,
Прячась в мех, от стужи вьюг.

Ах, вьюга, вьюга,
Карга старая,
Не пугай, карга,
Дом со ставнями.

Словно шуткою уместною,
Словно свадебным кольцом,
Женихом перед невестою
Красовался дом крыльцом.
Плыл над домом осязаемый
Домового добрый дух,

Издалёка узнаваемый
Расписной, как шёлк, петух.

Петушок, петушок,
Ку-ка-ре-ку! – прокричи:
Мастер в дом пришёл –
Всё на стол мечи!

2

Из окопной крови
Просветлённым днём
Встал убитый воин
В прахе земляном:
Пахнет степь полынью,
Хлебом и ещё
Памятью былинной,
Как изба борщом.

С четырёх ветров,
С четырёх сторон
Окружён его
Мёртвый батальон.

– Рано быть поминам,
Соколы Руси!
Подождут с повинной
Нас на небеси.
Дух сильнее плоти,
Если русский нрав!
Как же вы умрёте,
Высоты не взяв?

И из пор земли,
Толщ могил взорвав,
Руки проросли,
Точно стебли трав.
Вознеслась пехота,
Как в пургу снега,
И за ротой рота –
На огонь врага.

Точен был и плотен
Огневой застил,
Но пред мёртвой плотью

Тот огонь застыл.
 Рдела над врагом,
 Правый суд верша,
 В отблеске святом
 Русская душа...

3

Тишина...
 Часовыми застыли
 Ели в круге почётных постов.
 Тесно воинам в братской могиле
 Без тесовых гробов и крестов.
 – Здравствуй, батя!
 – ... здравствуй, сыночек!
 Скоро век, как мечтает душа
 Посмотреть на родимый листочек –
 На военной поры малыша.
 Ты стал старше меня чуть не вдвое.
 В седине, как в снегу, голова.
 Видно, видел немерено горя,
 Если высох, как в поле трава.
 Ты прости,
 что с войны не вернулся:
 Я хотел, да судьба подвела –
 Перекрыла энергию пульса,
 Перебила живые крыла.
 – Не казни себя, батя:
 солдату
 Умереть за отчизну в бою
 Одинаково праведно, свято,
 Как избыть за родную семью.

Да, остались одни...
 Бедовали...
 Но какая семья на Руси
 Избежала беды и провала
 Веры в силу добра небеси.
 Это ты нас прости –
 слишком долго
 Повзрослевшие дети твои
 Не спешили с отдаaniem долга
 И признанием в вечной любви.

Смолкли птицы на облаке сини,
 Май заплакал слезами мальчика,

Видя встречу печальную сына
И отлитого в бронзе отца.

Дети войны

В те годы был я просто маленьким,
Цветочком ненаглядным, аленьким
Для матери.
Моя душа,
Любовью матери дыша,
Училась слову и любви,
Уменью проживать с людьми.

Но детство сельское кончается
Ещё быстрее, чем начинается:
Детей войны ждал бригадир –
Их первый взводный командир.

И забывались быстро шалости,
Когда заполнен ты усталостью,
А сон баюкает и ластится,
И шепчет мать: – Уснул, мой *ласанька*¹!
И, чуть помедлив, в тихой горести:
– А мне никак вот не уснуть...

И было бы великой подлостью
Её надежды обмануть.

¹ *ласанька* – сердечный

ГЕРАСИМОВ ПЁТР СЕРГЕЕВИЧ

(род. в 1934 году)

Поэт. Член Союза писателей России.

Родился 08 сентября 1934 года в селе Крюковка Мичуринского района. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Работал в Москве литературным консультантом издательства «Советская Россия», редактором литературного отдела в Центральном Доме народного творчества имени Н.К. Крупской.

Через несколько лет Пётр Герасимов вернулся на Тамбовщину. Работал заведующим сельскохозяйственным отделом в газете Никифоровского района, руководил литературным объединением «Взлёт», преподавал литературу в неполной средней школе села Песчаное Петровского района.

Пётр Сергеевич – лауреат премии им. И.Г. Рахманинова. Награждён медалями к 40-летию Советской Армии и к 200-летию А.С. Пушкина. Заслуженный работник культуры России.

Сочинения:

Автор 28 сборников стихов, изданных в Москве, Воронеже, Тамбове: «Иду с Тамбовщины» (1970), «Деревенский характер» (1976), «С полем говорю» (1982), «Глаза ночей» (1997), «Война и дети» (2005), «Деревенская Русь» (2006), «Утро, иней, снегири...» и других. В 2004 г. в Тамбове вышло «Избранное» Петра Герасимова в двух томах. Его стихи включены в хрестоматию «Литературное краеведение» для 9 класса (2006).

Литература:

Белых, М. Герасимов Пётр Сергеевич / Михаил Белых // Белых, М. Мичуринский биографический словарь / Михаил Белых. Мичуринск, 2000. – С. 20–21: фот.

Бондарев, Ю. Классик о нашем земляке / Юрий Бондарев // Наш голос. – 2002. – 25 июля.

Дорожкина, В.Т. Герасимов Пётр Сергеевич / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 66.

Лобанов, М. «Экспансия» и «воля к духу» / Михаил Лобанов // Наш современник. – 1998. – № 10. – С. 89–99. – Из содерж.: О П.С. Герасимове. – С. 89–91.

Овсянников, И. «Мне судьба подарила Россию...» / Иван Овсянников // Тамб. жизнь. – 2004. – 7 сент.

Полякова, Л.В. [О П.С. Герасимове] // Полякова, Л.В. Современная поэзия Тамбовского края / Л.В. Полякова – Тамбов, 2010. – С. 27–32.

Медицинская сестра

рассказ фронтовика

А было так: приказ: вперёд!
И – ринулись бойцы,
Как будто взяв пурги полёт
На вздыбе под уздцы.

Мороз отскакивал от ног,
Что был в окопах лют,
А впереди фашист залёг,
И он коварством крут.

И надо цепь его траншей
И огневую крепь
Прорвать на важном рубеже
Броском сквозь степь и смерть!

И вот – река. Надёжен лёд
Под коркой снеговой...
И вдруг как грянет пулемёт
Во фланг цепи живой!

И тут же – вспышки из траншей:
Фашисты ждали нас...
Хотели гнать мы их взащей,
Да вот – неровен час...

Сражённый пулей наповал,
Упал наш командир.
И мы легли. Но смертный шквал
Фашист не прекратил.

Свинцовый, снежный ураган.
Мы – на ладони льда...
Сестра ползёт... И ей наган
Вдруг командир отдал:

«Мне не подняться... Не бинтуй...
Тебе важнее – в бой!
Беги скорей на высоту,
Всех подними с собой...

Другому выходу не быть!
Или – покосят всех...».
Сестра рванулась во всю прыть,
Взметнув оружие вверх.

И мы, прижатые ко льду,
Не верим яви глаз:
Девчонка с мезтью не в ладу –
На мезть торопит нас.

И вот она у высоты.
А там и рядом враг...
«Вперёд! Ура!»...

Был непростым
К победе каждый шаг.

Деревенские учителя

Деревенские учителя!
Где вы, грозы мои и добрыни?..
Жутко вспомнить, как будто вчера
«Мессершмитты» над крышами выли...

Антонина Ивановна! Молода!
Чуть подёрнуты щёки оспой...
Учим азбуку. Вдруг – удар! –
С фронта весть в роковой полоске...

Вы ушли. Подменила Вас
В это утро Евгенья Ивановна.
И не плакал, а всхлипывал класс,
Как своей, Вашей горестью раненый...

А на завтра – второй удар:
У Евгеньи Ивановны тоже весть...
И не плакал класс, не рыдал:
Вместе с горем вливалась в нас строжечь.

Всё ж не ведали мы глубоко
Этих зим и бесхлебье, и горе:
Первоклассникам молоко
Иногда выдавали в школе...

Это только сейчас вот щемит
Сердце, полное тех впечатлений...
Жутко вспомнить: как день, так убит
Кто-то с Крюковки – там, на передней...

Мне до школы – пятнадцать дворов.
Ежедневно в каком-то рыданье...
Мать-Родина! Хлебороб,
Лучший сын твой погиб, россиянин...

Жутко вспомнить: не плакались мы,
Хоть во хлебе – мякина да жёлуди.
Да и тот – до середины зимы...
Как мы выжить смогли желторотые?!

Лист газеты тетрадкой был.
 Допотопный обтрёпыш – букварь.
 Но учились мы честно... А ветер выл,
 Лез мороз под обносок старь...

Деревенские учителя!
 Где вы, грозы мои и добрыни?
 Мы вам нравились, даже шаля, –
 Лишь бы горести позабыли...

Жизнь – не сказочная благодать,
 Не всегда с красивым исходом...
 На село за солдатом солдат
 На своих, на казённых приходят.

«Хоть какой – да мужик в дому», –
 Говорили, скорбя, крестьянки...
 Антонина Ивановна! Ваш ли муж?!
 Ах, Евгенья Ивановна! Ваш ли?!

Невредимы пришли с войны –
 Это ж чудо! И так неожиданно...
 Антонина Ивановна, где же Вы?..
 Где ж теперь Вы, Евгенья Ивановна?..

Знаю: пенсия Вам дана...
 Радость – дети: чай, важными стали...
 Деревенские учителя!
 Поклоняться вам не устану!

Землякам, погибшим...

Я помню вас, когда вы были живы
 И ездили в телегах на поля,
 Работали – красивы и двужильны! –
 Нас, пацанов, азартом веселя.

Сбривали рожь клыкастыми крюками,
 Метали в копны русые снопы.
 А над полями жаворонки ткали
 Мелодии рыдающей судьбы.

Мы, пацаны, табун коней колхозных
 Гоняли к лесу, вихрясь на дыбы.

И полыхали бешеные грозы,
И пики молний метились в дубы...

Я помню вас, улыбчивых и добрых,
Дарящих нам гостинцы и тепло.
От ваших слов и мыслей благородных
Бывало нам, как в майский день, светло.

И не было для вас детей не ваших,
Мы были вам все равные. Свои.
И помню я тот день, как день вчерашний,
Когда звенели в полдень соловьи.

Звенели с болью, скорбной и надрывной.
Казалось, сердце лопнет, как струна.
Взлетела весть, село взорвавши миной,
Жестокая, слепая весть: «Война!»...

Я помню вас, когда вы были живы,
На проводах на плечи нас взметнув.
И по сегодня чувствую я жилы
Могучих рук и ваш бойцовский дух.

Вы целовали всех, а нас, чумазых,
Всех больше вразумляли на дела.
И мы клялись отдать сердца и разум
Полям и знаниям, взявши удила...

Сады цвели, и созревали нивы, –
Кормила нас колхозная земля.
И нам казалось, что вы рядом, живы
И ездите в телегах на поля...

Я помню вас, когда вы были живы.
В сердцах живущих живы и теперь.
Не вас ли ожидая, старожилы
Не запирают старенькую дверь?..

В войну

Когда в войну, после войны
Мы голодали, мёрзли, пухли, –
Каким спасеньем основным
Был чёрный хлеб наш из макухи!

Мы собирали колоски
 На поле убранном колхозном:
 Иль горстка малая муки,
 Иль кнут объездчика с нахлёстом.

Ту горстку страха, торжества
 Всыпала мама в дёжку с редькой,
 Что через тёрку мы – жестка! –
 Уже прогнали, малолетки.

Мы ели хлеб! Пусть не всегда,
 Пусть с редькой, жмыхом и с мякиной –
 Но спас нам жизнь он в те года –
 Жизнь, что брала нас всей машиной.

Мы не пахали огород –
 Копали, тяпали и жали...
 И огород голодный рот –
 И не один! – кормил едва ли...

Скотине сена накосить,
 Хотя б нарвать, хотя б на стёжках, –
 Нельзя! Запрет!
 А надо жить!..
 И мы не спали в час полнощный...

Смерть для победы

*Давыдову Александру Васильевичу –
 земляку, участнику сражения.*

Волны бегут, ударяясь в гранит;
 Пену, сметая, уносят ветра.
 Крейсер, готовый к атаке, стоит,
 Жерла орудий взведя – веера...

Крошево льда ударяется в борт;
 Стужа лихая, и холод морской...
 Крик капитана: – В атаку, вперёд! –
 И устремился вдруг с палубы рой.

Чайками чёрными ринулись вмиг
 В злую пучину, в седую купель
 С криком «Ура!» и «птенец», и «старик».
 И – тишина... Бескозырок метель.

Крейсер палил – за ударом удар,
Смерть посылая на доты врага.
Трупы, как льдышки, прибой принимал,
И заметала их буря-пурга...

Враг опрокинут, разгромлен! Покой...
Крейсер отплыл на иную пургу...
Долго звенел, ударяясь, прибой,
Цену двойную отдавши врагу...

Будет победа над миром греметь;
Будут цвести и сады, и поля...
Только не скоро забудется смерть...
Плачь о погибших, родная земля!..

Годы прошли, а семья ещё ждёт –
Ждёт возвращения сына, отца.
Сердце и разум сознание жжёт:
Подвиг ли – смерть для матроса-бойца?

Бабушкина любовь

Рисует внучка бабушку
В затерянном селе,
Вздыхающую тяжко
Со скорбью на челе.

Сидит она, старушка,
Недвижная, как тень.
И тень – её подружка –
При ней и ночь, и день.

Чуть брезжит керосинка,
В углах не тронут мрак.
И прядь из-под косынки
Торчит, как белый флаг.

Как белый флаг пред старостью.
А на стене – портрет:
Муж – молодой и радостный –
Из довоенных лет...

ГЕРАСИН ВИКТОР ИВАНОВИЧ

(род. в 1939 году)

Поэт, прозаик, публицист, журналист. Член Союза писателей СССР с 1986 года, позднее – Союза писателей России.

Родился 24 сентября 1939 года в посёлке Заметчино Заметчинского района Пензенской области. С 1962 г. живёт в Котовске.

В 1968 году Виктор Герасин окончил Котовский индустриальный техникум по специальности «Электрооборудование промышленных предприятий». В 1976 году – Мичуринский педагогический институт по специальности «Русский язык и литература». С 1965 по 1988 годы преподавал основы производства (электротехника), русский язык и литературу в школе № 1 города Котовска.

С 1988 по 1992 годы Виктор Иванович являлся ответственным секретарём Тамбовской областной писательской организации. В 1992 году был избран главным редактором Котовской городской газеты «Наш вестник». 26 марта 1994 года – депутатом Тамбовской областной думы первого созыва. 14 декабря 2005 года – избран депутатом Котовского городского Совета народных депутатов четвёртого созыва.

В начале 1980-х годов произведения Виктора Герасина часто появляются в журналах «Наш современник», «Подъём». В 1986 и 1988 годах рассказы «Алёна большая» и «Чёрный омут» были отмечены литературными премиями журнала «Подъём» как лучшие рассказы года.

В течение 1990–2011-х годов Виктор Герасин являлся руководителем литературной студии города Котовска.

В 1990 году на Свердловской киностудии режиссёром Анатолием Даниловичем Балуевым был снят фильм «Холм» по рассказу Виктора Герасина «Соперники». И в скором времени на этой же студии снят фильм «Побег» по повести «Убит в побеге».

Областная радиоккомпания Тамбовщины с 2011 году транслирует музыкально-литературный цикл передач по рассказам Виктора Герасина: «Газета», «Суть зверя», «Алёна большая», «Местное время», «Здравствуй, это я», «Свидание с Волгой». Эти рассказы, озвученные К.Н. Денисовым, были изданы отдельной аудиокнигой – «Здравствуй, это я».

Обзор творчества Виктора Герасина послужил материалом для подготовки и издания в 2011 году прикладного просветительского пособия для преподавателей русской словесности в русских школах Украины, а также для активистов пушкинских обществ в странах СНГ и Европы под названием «Люди вы мои хорошие». В 2012 году в издательстве «Российский писатель» издана книга о творчестве Виктора Герасина «Бессмертник родства в творчестве Виктора Герасина». Автор этих изданий литературовед, к.ф.н., член Союза писателей России Светлана Андреевна Демченко (Украина, г. Львов).

Виктор Герасин награждён медалью «За заслуги перед городом Котовском», знаком Пушкинского общества, медалью И.А. Ильина «Служить России и только России».

Сочинения:

Герасин В. Истоки. Альманах. – М. : «Молодая гвардия». – 1978.

Герасин В. Один денёк: Стихи. – Воронеж, 1979.

Герасин В. Не помни зла: Повесть, рассказы. – Воронеж, 1981.

Герасин В. Час туда – час обратно: Рассказы. – М. : Современник. – 1986.

Герасин В. Рассказ – 84: [сборник] / сост. А. С. Карлин. – М. : Современник, 1985.

Герасин В. Костёр на снегу: Повесть, рассказы. – Воронеж, 1985.

Герасин В. Рассказы. – М. : «Современник». – 1987.

Герасин В. Убит в побеге: Повести, рассказы. – Тамбов, 1990 г.

- Герасин В. От меня ушла собака: Стихи. – Тамбов, 1996.
 Герасин В. Нравы-норовы: Повести, рассказы в 2 томах. – Тамбов, 1998.
 Герасин В. Помяни моё слово: Стихи. – Тамбов, 2003.
 Герасин В. Избранное: Повести, рассказы, стихи. – Тамбов, 2005.
 Герасин В. Своя сторона: Рассказы. – Тамбов, 2010.
 Герасин В. И стало быть: Повести, очерки. – Тамбов, 2014.

Литература:

- Андреев, В. Литераторы на Тамбовской земле: справочник: [в 2ч.]. Ч.1: А – М / Владимир Андреев. – Мичуринск : [б.и.], 1998. – 143 с. – Из содерж.: [О В.И. Герасине]. – С. 105 – 106, 108.
 Гармаш, В. «Художника придумать невозможно» / Виталий Гармаш // Наш вестн. [газ. г. Котовска]. – 1999. – 19-25 июля. – С. 7 : фот.
 Голошумов, Е. Испытание на человечность / Евгений Голошумов // Тамб. жизнь. – 2004. – 25 сент.
 Демченко, С. Люди вы мои хорошие / Светлана Демченко. – Львов : Цивилизация, 2011. – 108 с.
 Дорожкина, В.Т. Герасин Виктор Иванович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 66.
 Дорожкина, В.Т. Прозаики и критики [Текст] : Герасин Виктор Иванович / Валентина Дорожкина // Дорожкина, В. Дорога жизни / Валентина Дорожкина. – Тамбов, 2009. – С. 408-417.
 Матюшина, М. «Крепкая переплетённость плоскостей» [Текст] // Тамбовский писатель-2009 : в 2 т. – Тамбов, 2009. – Т. 2. – С. 14–17.
 Наседкин, Н. От Державина до...: очерк истории тамб. лит. / Николай Наседкин. – Тамбов: [б.и.], 1993. – 56с. – Из содерж.: [О В.И. Герасине] – С. 41–46.
 Полякова, Л.В. Герасин Виктор Иванович [Текст] / Л.В. Полякова, В.Т. Дорожкина // Полякова, Л.В. Литературное краеведение : пособие для учителя : в 2 ч. / Л.В. Полякова, В.Т. Дорожкина. – Тамбов, 2007. – Ч. 2. – С. 116–122.
 Сорокина, Н. Вечные вопросы бытия // Подъём. – 2002. – № 3. – С. 231–235.

Песнь о полуторке

По праву ты стоишь на пьедестале.
 Чугун и сталь – и те в тебе устали.
 Умолкли говорливые борта,
 Дорогам новым их не разболтать.
 Ты – наше прошлое,
 Ты – наше близкое.
 Не небо дождичком
 В глаза нам брызгало.
 Обрезов лай нас метил под откос,
 Чтоб на колёса не вставал колхоз.
 Обдал нас жар великих первых домн,
 И вознесённый к небу первый дом,
 И сорок первый...
 Самолёт с крестом.
 Колёса посудачили с мостом,
 И по дороге, в сотни жизней, долгой, –
 К понтонной Волге и назад от Волги.

Не счесть дорог, а путь всего один.
 От Волги гаркнули:
 – Даёшь Берлин!
 Пробитая земля, снаряд в снаряд.
 Смерть не брала, не подходил наш ряд.
 Земля чужая дальше, чем своя.
 Опасностью набита колея.
 А за бортом привязан вихрь-буран.
 А по обочинам – могильный в рост бурьян.
 Но верила Европа – к уху руку –
 Моторному чечётистому стуку...
 Теперь встречай века на пьедестале.
 Чугун и сталь – и те в тебе устали.

Горсть земли

Целует Балтика Росток.
 До звона чист зенит над вязом.
 В земле лежит, узлом завязан,
 Дарённый ситцевый платок.

В платке хранится горсть земли –
 Тот чернозём из-под Тамбова,
 Его моряк в бою суровом
 Берёг от родины вдали...

Упал моряк горячей грудью,
 Упал на остриё огня,
 Под рёв волны, под вой орудий,
 Он берег широко обнял...

В платке спало живое семя.
 Зазеленел над кручей вяз.
 На всех ветрах стоит, как кремьень,
 С голубизной матросских глаз...

Века матросу будет сниться
 Бескрайность неба зоревого.
 А почтальон крылатый – птица –
 Носить поклон из-под Тамбова.

Конь

Он в бой пошёл из эшелона,

В постромки цепкие впряжён.
И вздыбилась земля со стоном
Пред ним. И луг дотла сожжён.

А смерть куражилась, плескала
В глаза огонь. Рыдал свинец.
И конь стал воином бывалым,
Не раз слыхавшим: «Всё! Конец!».

Из мёртвых воскресал и снова
Пружинил ноги в вихре дымном.
Брал ездовой в запас подковы –
Съедалась сталь дорогой длинной.

... Салюты полыхнули в небе.
Обнял любимца ездовой.
К ногам припал весенний стебель.
По чистой списан конь. До-мо-о-ой!

Поля родные! Звон весенний!
Стремительный полёт стрижа.
Волнуется под ветром сено...
Вздохнул всей грудью и – заржал.

А ночь тиха. Колхозный конюх
Несёт единственной рукой
Из дому полведёрка корму:
– Однополчане, чай, с тобой...

Всё хорошо. Но на просёлке
Другие кони впереди.
Ему ж мешают два осколка,
Глубоко севшие в груди.

Я помню

Мне в память врезался отчётливо
Тот майский день – Победы день.
Проснулся рано я. За вётрами
В овраг скатилась утра тень.

С Белянкой мирно говорила мама
А струйки дзинькали подойнику в бока.
Со сном ещё не справившись, упрямо
Сижу и жду парного молока.

– Сынок, пойдика проводи Белянку.
Иду. Деревня далеко видна.
Пастух кнутом захлопал на поляне.
И вдруг – гром громом:
– Кончилась война-а-а!

Мне будто кто-то – кипятку под пятки.
Всё выжимая из себя сполна,
Промчался оготело по порядку,
Взахлёб с порога:
– Кончилась война-а-а!

Из рук у мамы прыгнул чугунок,
И заплясала на полу картошка.
– Ты от кого слышал, сынок?
– Пастух... Он... Дядя Прошка!

И помню я: в углу мигала свечка,
Из рамки траурной на нас глядел отец.
И мама шёпотом:
– Промолви хоть словечко...
Как жить-то нам?..
А с улицы:
– Ко-о-нец!
Войне ко-о-нец!..

Вечный огонь

Пять дорог – пять тревог,
И печаль – ступени.
Под бетонным крылом
Бьются, бьются тени.

Тени – это молчком
Догорают хаты.
Тени – это ничком
Падают солдаты.

Из глубин, из земли
Наплывают звуки...
Мать идёт, тяжело
Опустив руки.

Вот и камень-горюн –
Всё опора старой.
А глазам от огня
Вдруг теплее стало.

И от сердца её
Отделилось имя.
Покачнулся огонь,
Тень метнулась мимо

Сильных каменных крыл,
Широко метнулась
И к лицу, и к груди
Матери прильнула.

И опять, и опять
Бьются, бьются тени...
Здесь как вверх, так и вниз,
Тяжелы ступени.

ДОРОЖКИНА ВАЛЕНТИНА ТИХОНОВНА (род. в 1939 году)

Поэт, прозаик, журналист, краевед. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родилась 15 декабря 1939 года в городе Мичуринске Тамбовской области в семье железнодорожника, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Окончила среднюю школу и историко-филологический факультет Тамбовского государственного педагогического института. Работала учителем русского языка и литературы в сельской школе, корректором в областной типографии «Пролетарский светоч», редактором многотиражной газеты «Народный учитель», заместителем ответственного секретаря областной газеты «Тамбовская правда», старшим редактором Тамбовского отделения Центрально-Чернозёмного книжного издательства.

С 1992 года по настоящее время Валентина Дорожкина является заведующей сектором творческой работы с учащимися в Тамбовской областной детской библиотеке, руководит литературным объединением «Тропинка», на базе которого создана областная творческая лаборатория для одарённых детей с филиалами в районах области. «Тропинка» имеет звание Народного коллектива (1994), является лауреатом премии имени Е.А. Баратынского (2002). По итогам работы с одарёнными детьми выпущены методические пособия: «Учиться искусству слова», в двух частях (Тамбов, 2005), «Основы стихосложения – школьникам» (Москва, 2006), которые с успехом применяют учителя школ области для занятий по внеклассной работе. За вклад в развитие литературы для детей и подготовку творческого читателя В. Дорожкина стала дипломантом Национальной премии имени Л.Н. Толстого (2002).

Многие годы Валентина Дорожкина занимается пропагандой лучших образцов отечественной литературы: она – постоянный участник литературных вечеров, праздников поэзии, в том числе и ставших традиционными, – «Памятники заговорили», посвящённых Г.Р. Державину, М.Ю. Лермонтову, С.Н. Сергееву-Ценскому, Е.А. Баратынскому; 15 лет Валентина Тихоновна вела на Тамбовском областном радио рубрику «Забытые и возвращённые имена»; сейчас ведёт рубрику «Тамбовский автограф».

Валентина Дорожкина – лауреат литературных премий: имени Е.А. Баратынского, В.А. Богданова; первого редактора «Тамбовской правды» И.А. Гаврилова, издателя И.Г. Рахманинова, премии имени Зои Космодемьянской; заслуженный работник культуры РФ (1997), награждена орденом Дружбы (2003). Её имя внесено в энциклопедию «Лучшие люди России» (Москва, 2005). В 2008 году Валентина Дорожкина награждена знаком «За заслуги перед городом Тамбовом», в 2009-м – «За заслуги перед Тамбовской областью». В этом же году ей присвоено звание «Почётный профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина», а в 2010-м – звание «Почётный гражданин города Тамбова».

Сочинения:

Дорожкина В. Венок солдату: Стихи. – Воронеж, 1986.

Дорожкина В. Беспокойство: Стихи. – Воронеж, 1990.

Дорожкина В. Только любовь: Сборник сонетов. – Тамбов, 1993.

Дорожкина В. Я счастливой родилась на свет: Стихи. – Тамбов, 1999.

Дорожкина В. Как говорила моя бабушка: Повесть, рассказ, ранние стихи. – Тамбов, 2000.

Дорожкина В. Весь мир проходит сквозь меня: Стихи. – Тамбов, 2001.

Дорожкина В. Избранное: Стихи. – Тамбов, 2004.

Дорожкина В. Благая весть: Стихи. – Тамбов, 2008.

Дорожкина В. Дорога жизни: Проза, статьи, очерки. – Тамбов, 2009.

Дорожкина В. Я – дочь погибшего солдата: Стихи. – Тамбов, 2011.

Литература:

- Баранов В. Поэзия правды и мечты / Баранов В. Эхо войны. – Тамбов, 2001. – С. 31 – 33.
 Полякова Л. Остров спасения поэта / Тамбовский альманах, № 8 , ноябрь, 2009. – 177 – 184.
 Полякова Л. Современная поэзия Тамбовского края / Полякова Л. Тамбовская магистраль русской литературы. – Тамбов, 2011. – С. 270 – 276

Однофамилец

Опять знакомое волнение:
 Свет в зале медленно погас...
 Я кинофильм «Освобождение»
 Смотрю уже в который раз.

...Год сорок третий. На рассвете
 Фашист обрушит шквал огня...
 Вот в этом самом, в сорок третьем,
 Отца не стало у меня.

Да где же там спастись кому-то,
 Когда огонь – сплошной стеной?
 И я встаю, встаю, как будто
 Командуют с экрана мной.

Последний танк в атаку брошен,
 Снарядом ранена броня.
 И рядовой танкист Дорожкин
 С экрана смотрит на меня.

Я на него гляжу, как в детство, –
 В своё, в прошедшее гляжу...
 А может, правда, он – отец мой?
 Я даже сходство нахожу.

И каждый раз до слёз, до дрожи
 Ему вымаливаю жизнь...
 Но крикнул капитан: «Дорожкин!
 Держись, товарищ мой, держись!».

А он, не думая о смерти,
 Фашистам поддавал огня.
 А он в смертельной круговерти
 Спасал Отчизну и меня.

И из фашистского капкана
 Полуживым, но вышел взвод...

Тревожный голос капитана
Опять Дорожкина зовёт.

И гулко эхо раздаётся,
И снова зов летит во тьму.
Я чуда жду: вдруг отзовётся
Дорожкин другу своему?..

Мне всё больней и всё дороже,
Всё памятнее этот миг.
Но не откликнулся Дорожкин
На зов товарищей своих.

Маме

Вдовья доля, как ты нелегка!..
Оставались вдовами – девчонки.
Не надела чёрного платка
После получения похоронки.

Не отгородилась чернотой
От надежды и от ожидания.
К эшелонам, словно на свиданье,
Бегала и верила: живой!

А потом среди людского горя
Не твоя ль душа рвалась на части?
Глубоко своё запрятав горе,
Ты со всеми плакала от счастья...

Ветер гнал на запад облака,
Словно бы по вражескому следу...
Не надела чёрного платка,
Потому что верила в победу.

9 мая 1945 года

Земля уже очистилась от скверны,
Но мы пока не ведали о том,
Какой из дней победным назовём,
Какой из них Великим будет днём.

И он настал – девятый майский день.
До самых дальних сёл и деревень
Весть о Победе птицей долетела.
Всё ликовало, плакало и пело –

Поистине настал Великий день.

И, несмотря на предрассветный час,
Волна победы вынесла и нас,
Детей войны, на улицу со всеми.
Нас опьянил свободный дух весенний...

В то утро к нам опять вернулось детство.
Отцы вот только не вернулись в дом.
Но нам они оставили в наследство
Великую победу над врагом...

А впереди ещё нас ждали беды,
Но знали мы, что нас не побороть:
Ведь слово то прекрасное –
ПОБЕДА! –
Вошло навеки в нашу кровь и плоть.

Милосердные сёстры

Вновь истории ветер
Запах гари донёс...
Сколько б ни жил на свете,
А не выплакать слёз.

О друзьях, о товарищах
Не забыть до сих пор...
Сколько гибло в пожарищах
Милосердных сестёр!

Шли на подвиг так просто
И не ждали награды...
Милосердные сёстры,
Вам бы памятник надо.

Только знаете сами:
Как творцу ни творить,
Всё, что сделано вами,
То в металл не отлить.

Вам дано лишь запомнить
Каждый шаг, каждый миг.
Ваша жизнь – это подвиг.
Он в сердцах у живых...

А свинцовые вёрсты
Всё ложатся к ногам...
Милосердные сёстры,
Низко кланяюсь вам.

У памятника Зое

Последнее застыло слово,
Запечатлён суровый миг
Но тянет к памятнику снова,
Поскольку Зои нет в живых.

Цветы к подножию пристрою,
Протянется меж нами нить
Поговорю с ней, как с сестрою,
И вроде дальше можно жить.

Живу – и радуюсь, и маюсь.
Бывает всё – и зной, и лёд.
С пристрастием в себе копаюсь,
Да так, что ближний не поймёт.

Я не скажу: характер слабый,
Но как спрошу себя опять:
«А ты смогла бы?
Ты смогла бы?» –
И не могу ответа дать?..

Зачем живу? Чего я стою?
Смогла бы? Да!
Смогла бы? Нет...
Лгать бесполезно пред собою:
Ни то, ни это – не ответ.

Всё существо моё в смятенье,
Сама не знаю, почему.
И только памятник – спасенье,
И снова я иду к нему.

Я снизу вверх взгляну на Зою,
Протянется меж нами нить.
Поговорю с ней, как с сестрою,
И вроде дальше можно жить.

Горький июнь

Июнь... И цветы полевые.
И память острее вдвойне...
Я снова смотрю, как впервые,
Кино о великой войне.

Кровавые кадры мелькают...
И пусть это было давно,
Но я, как всегда, забываю,
Что это – всего лишь кино.

Я там и душою, и телом, –
Бегу, не боясь ничего.
О, как бы прикрыть я хотела
От пули отца своего!

Кому-то кричу я: «Не надо
Отца моего убивать!».
Он падает... падает... падает...
А я не могу поддержать.

Я вижу его на экране –
Какой он ещё молодой!
Нет, он не убит – только ранен,
Сейчас он поднимется в бой...

И вновь сердце ужас охватит:
Кто выстоит в этом бою?
Ведь в каждом упавшем солдате
Отца своего узнаю.

Чтоб не забылись имена...

Над Родиной гроза нависла,
Уже земля была в огне.
С войны в Тамбов летели письма,
Что долгой не бывать войне.

Но впереди – страданий вдоволь
Для генералов и солдат...
И похоронки первым вдовам
Уже вручил военкомат.

Казалось, этим чёрным бедам
И не предвидится конца.
Но вера твёрдая в победу
Была у каждого бойца.

Герои не жалели жизни,
Не дрогнули перед врагом,
Чтоб только матери-Отчизне
Не быть под вражьем сапогом...

Ещё бойцам сражённым падать,
Пока не кончится война.
Но только бы осталась память
И не забылись имена.

Обелиски белые, обелиски чёрные...

Снова наступает день девятый мая –
Это день особый для моей страны.
Но никто не спросит, и никто не знает,
Что творится в душах у сирот войны.

Но, где ни бываю я, и что я ни делаю,
Всё перед глазами – взрывы да огонь...
Обелиски чёрные, обелиски белые...
Приложу я к камню тёплую ладонь.

Под каким-то камнем в стороне далёкой
Мой отец убитый столько лет лежит.
И моя ровесница, тоже одинокая,
Камень безымянный в мае посетит...

По земле согретой чьи-то дети бегают,
Но виденья чёткие в памяти моей:
Обелиски чёрные, обелиски белые –
Времени отметины посреди полей.

ЕЛЕГЕЧЕВ ИВАН ЗАХАРОВИЧ (1927 – 2011)

Поэт, прозаик, драматург. Член Союза писателей России.

Родился 24 июля 1927 года в деревне Кожевниково Томской губернии.

Окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии. Работал рабочим геолого-поисковой партии, молотобойцем, служил в армии, был сотрудником молодёжной газеты, редактором Томского книжного издательства. Руководил Томской областной писательской организацией.

С 1976 г. Иван Захарович проживал в Тамбове. Книги Ивана Елегечева выходили в Томске, Москве, Воронеже, Тамбове. Собрание сочинений в двух томах издано в 2002 г. Скончался Иван Елегечев 1 июля 2011 года.

Сочинения:

Иван Елегечев создал исторические произведения «Мангазея» (1982), «Зима» (1984) и другие. Прошлому Тамбовского края посвящены роман о наместнике Г.Р. Державине «Губернатор» (1987) и пьеса «Что есть истина?» (первое название «Губернатор», опубликована в сборнике тамбовских писателей «Вчера и сегодня» (2007), поставлена Тамбовским областным драматическим театром в 1986 г.). Роман «Голгофа» (1997) и пьеса «Антонов» (1993) рассказывают о крестьянском восстании на Тамбовщине («антоновщине»). Пьеса «Пушкин в Тамбове» (1998) посвящена актрисе Тамбовского драматического театра В.С. Поповой.

Литература:

Акулинин, А. По дороге столбовой... / Александр Акулинин // Наедине. – 2002. – 26 июня – 2 июля. – С. 2.

Дорожкина, В. Елегечев Иван Захарович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 76–77.

Иван Захарович Елегечев: (к 70-летию со дня рождения) // Тамбовские даты. 1997 год. – Тамбов, 1997. – С. 60–63.

Михеев, Ю.Э. Трилогия о Державине // Наедине. – 2003. – 10–16 сент. – С. 12.

Полякова, Л.В. Мангазея: (о романе Ивана Елегечева) // Полякова, Л. . Выбор / Л.В. Полякова. – Тамбов, 1996. – С. 62–69.

Руделёв, В.Г. Книги Ивана Елегечева; Такая далёкая Мангазея...; В поисках художественной правды // Руделёв, В.Г. Собр. соч. в 6 т. – Тамбов, 2000. – Т. 3. – С. 27–38.

Штрафбат

Трагедия, фрагмент

Стих пятнадцатый

*О том, как Алексей Закатаев, житель села Пенья,
Московской области, загремел в штрафбат*

1

В двадцати километрах от линии фронта
Полк, в котором служил Алексей Закатаев,
Потерявший в боях три четвёртых состава,
Отведён был на отдых и формирование.
То есть надобно было принять пополнение,
В бане жаркой помыться, прожарить бельё,

Щей горячих хлебнуть; если вдруг пофартит,
 Под гармошку сплясать... Письмецо написать
 О том, в первых строках, что живой и здоровый,
 О том, что, во-вторых, бью врага и желаю
 Всем здоровья и счастья: и маме, и брату,
 Сестре Вольке, и дедушке Серафиму...
 «Эй, дедун, – писал внук, – ты смотри там держись,
 Жди меня! До того, как врага разобьём,
 Не задумай сыграть злую шутку со мной –
 Не дай дуба, пожалуйста! Очень хочу
 Полежать на печи под бочком у тебя
 Да послушать рассказы про Бабу-Ягу,
 О Кощее бессмертном, Илье знаменитом,
 Что громил булавой всех врагов, завещая
 Нам, потомкам своим, быть бесстрашным в бою
 И, себя не жалея, за Родину биться»...

2

Вызов срочный комроты – зовёт к себе в штаб:
 – Вот тебе, Закатаев, приказ боевой:
 Получи под расписку пленённого фрица,
 Знаешь сам, языком мы таких называем,
 Отведи его в штаб к командиру полка.
 Сдай начальству, а сам поскорей возвращайся,
 Чтобы к бане успеть.
 Да смотри, Закатаев,
 С «языком» будь корректен, чтоб без баловства!
 – Есть, – сказал Закатаев, – исполню приказ,
 Но хотелось бы мне получить разъяснение –
 Одному мне идти, или для усиления
 Конвоиров дадите, хотя б одного?
 –Пойдёшь с фрицем один. Должен сам понимать,
 Людей мало, а штаб полковой недалёко.
 Безоружен «язык», при тебе ж автомат,
 Нож у пояса, в сердце отвага солдата.
 –Есть отвага! – сказал Алексей Закатаев. –
 Только ради неё я прошу конвоира,
 С ним вдвоём веселее нам будет шагать.
 – Пусть по-твоему будет, – сказал командир, –
 Назначаю с тобой конвоиром Ванюху.
 Паренёк молодой, ему надобно знать
 Нашу жизнь фронтовую, учиться.
 – Спасибо!
 Не пройдёт двух часов, я с победой вернусь,
 Только вас я прошу, командир, разрешите

Мне свернуть к старшине и слегка причаститься:
 Боевые сто грамм – не помеха в пути.
 – Своего не упустишь, – сказал командир.
 И велит ординарцу пойти к старшине,
 Чтобы тот «посошком» приласкал конвоиров.

3

На совместных паях с конвоиром Ванюшкой
 Фрица пленного вёл под ружьём Закатаев.
 Шли молчком. Фриц шагал безоглядно, сгорбившись,
 Глядя вниз. По заросшим щекам к подбородку,
 Как горошины, круглые слёзы катились.
 «Ждать хорошего нечего, – думал фашист,
 Иль, точнее, солдат подневольный немецкий, –
 Не посмотрят, что пленный... Мам-муттер, прощай!
 Прощай, фатер-отец! Прощай, киндер-ребята!
 Прощай, фрау-жена, никогда не увижу
 Ни твоих синих глаз, ни кудрей белокурых,
 Истлевать мне придётся в холодной России.
 Клацнет русский затвор, и, свободно скользя,
 Без задержки патрон войдёт в гладкий патронник.
 Треснет выстрел... Нет, выстрела я не услышу,
 Повалюсь вниз лицом и навечно сольюсь
 С земным шаром прекрасным, откуда я вышел...».

4

Подконвойно шагая, так думал солдат,
 Посинелый от холода русского, страха.
 Конвоиры его шли молчком, про себя
 Размышляя о том, будто снег на макушку
 Среди лета в июне просыпался вдруг;
 Как татарин незванный, на них навалился
 Этот немец-фашист. Сейчас в бане бы мылись,
 Взвеселясь, под гармошку сплясали бы, может,
 А тут топай вослед длинновязому фрицу.
 Так невесело мысля, солдаты прошли
 По убродной дороге какое-то время.
 Из-за мелкого леса пахнуло дымком
 Дров осиновых, слух обласкали слова
 Русской речи родной: мать-по-матушке матери!
 – Баньку топите, братцы? – спросил Закатай.
 – Что, не видишь?
 – И вижу, и слышу, герои.
 – Коли так, то, быть может, поможете нам:
 Вот пила, вот топор. Как работе конец,

Так завалимся вместе в осиновый рай,
 А напарившись, в душу вольём из баклажки.
 – Мы не против, ребята, да немец у нас,
 В штаб ведём полковой...
 – Дурошлёпы вы, братцы!
 Кто их водит? «Язык» своё слово сказал.
 Неча мучиться, право, по снегу брести,
 Исполнение отдыха время пришло.
 Завтра в бой... Никогда, может быть, не придётся
 В русской баньке помыться нам горькой пахучей.
 – Что нам делать, совет дай толковый, боец!
 Вижу с ходу, солдат ты бывалый и храбрый.
 – Не по адресу, парень, вопрос напрямик,
 Ты у сердца спроси, оно точно укажет,
 Как тебе поступить в этом случае с немцем.
 Село вспомни своё, горемычных вдовиц,
 Сирых деток, их плач, надрывающий душу:
 Попросят есть, а дать неча – кто это устроил?
 Кто в такую трясину народ утопил?
 Я скажу: мы добры, мягкотелые мямли.
 Надо быть посуровей с коварным врагом.
 Ну, понятно?
 – Я понял. Большое спасибо!
 Ты мудрец, твоё слово меня вдохновило.
 Не хочу я быть добреньким русским Иваном.
 Обращаясь к Ванюхе, сказал: – Ординарец,
 Слышал, что нам бывалый боец подсказал?
 – Ничего я не слышал, – ответил Ванюха. –
 Ты старшой, а я твой подчинённый. Решай,
 Что нам делать, как быть, я исполнить готов.
 Командир даст приказ – есть! И точно исполню.

5

Горько, горько? Как на свадьбе...
 Любит Лёха париться.
 Так и эдак веником
 Сам себя охаживать.
 Дерёт горло: эй, Ванюха,
 Ещё ковшичек поддай,
 Чтобы каменка шипела.
 Пар взрывало порохом.
 Веник шваркнул, будто мина
 Перед носом взорвалась,
 Будто с неба пятисотка
 В твердь земли вломила.

Ну, не медли, поспешай,
 Банщик стоеросовый!..
 – Парься, Лёха, мне не жалко,
 Вылить кадку я готов
 В банну домну огненну!
 Пар сгустился, как в аду,
 Не видать окрестностей...
 Ох, ты мати, мати-мама,
 Наддай, Ванька, не замай,
 А я, Лёшка Закатай,
 Дурака, тебя, представлю
 Прямо к «Славе» – ордену...

.....
 Парься, Лёха, а я, Ванька,
 На морозце постою,
 Охлонусь от горести.
 Тяжело мне, заливаает
 Щёки мне рассол солёный,
 А почто, я сам не знаю...
 Я в бою был, воевал,
 В белый свет палил, не целясь.
 Мне, ослабившись, в лицо
 Смерть нахально щерилась.
 Мне не страшно было, правда,
 Я ни разу не заплакал.
 А почто сейчас из глаз
 Льются слёзы, будто ливень?..
 – Ванька, Ванька, ординарец, –
 Закатай кричит с полка. –
 Развяжи мой сидор, Ванька,
 В нём баклажка. Налей в ковшик,
 Я немножко изопью.
 Не дурак я, хоть и пьяный,
 Понял я, что натворил...
 Эх!..
 Он, как боров, взвизгнул,
 Фонтан кверху брызнул...
 Здорово, здорово –
 Завалили борова.
 Эй, Ванюха, не жалей,
 Пили борова скорей!
 Масть щетины пестрая,
 Пилы зубья вострыя,
 Как в кишки вонзилися,
 Будто притупилися...

Боров хрюкнул и обмяк –
На земь рухнулся чурбак.
Здорово, как здорово –
Распилили борова!
Как до шеи добрались,
Голова скользнула вниз,
А язык заостенелый
Дойч-слова пролопотал:
Камрад – братцы, я пропал,
Не видать мне Рейна,
Ауфвидерзейн!
А Алёшка Закатай
Голове: – Браток, прощай!
Не тебя я загубил,
Я себя пустил в распыл.
Я своей душе дорогу
В ад кромешный проложил.
Лучше было б, если б ты
Меня, немец, распилил!..
Я тебе капут устроил, –
Он меня не веселит.
Да и те, кто мылся в бане,
Разбежались кто куда.
Даже верного Ванюху
Я не вижу близ себя.
Эй, Ванюха, где ты есть,
Куда запрещался?
Веселись, Ваней: капут
Фрицу мы устроили.
Что молчишь, дурак, эй, эй,
Отзовися поскорей!..
Голый, выглянул из баньки
Закатай Алёха...
Плохо!
Бросив друга, удирает
Ванька заяц-трус обратно,
Видно, к ротному с докладом
О содеянном спешит,
Дескать, я не виноват,
А во всем повинен гад
Старшой Лёшка Закатаев...
– Вот так штука, так-растак,
Что наделал я, дурак!
Капут немчику устроил,
Мне за это не простят,

Не пришлось бы мне, Алёхе,
 Прогуляться под конвоем
 Вниз под землю прямо в ад,
 Где меня поставят в строй...
 Суд. Конец всему. Штрафбат!..

6

Алексей Закатаев в штрафном батальоне
 Всего несколько дней прослужил. Жарко было...
 Фашист-немец пошёл ополчением на нас.
 О, что тут началось: только с адом сравнить
 Можно было сражение великое это.
 Наши дрогнули. Два батальона изгибли.
 Брешь. Дыра. Враг в неё норовит танки бросить.
 Нет сомненья, они наломают дрова,
 Если мы оплошаем, дыру не заткнём.
 Чем заткнуть? Всем известно: штрафные солдаты!
 Тысяч пять в батальоне том было бойцов.
 За плечами у каждого сидор, а в нём
 Шильце-мыльце, игла, вьюрок ниток и дратва
 Починить при нужде голенища сапог.
 И платочек. В платочке картонка, а в ней
 На бумажке начертан судьбы приговор:
 Раз без спроса стащил поросёнка в колхозе,
 То идти тебе, братка, в штрафной батальон...
 А тюрьма и этап? Это хуже, пожалуй:
 Нет возврата с дороги этапной назад.
 Положенье такое – в атаку сходи,
 Или кровью омоешь свой грех пороссячий,
 Иль зароят тебя в неглубокую яму,
 Где собратья твои спят покойно в земле.
 Поджидая, пока лет полсотни спустя
 Им с серпом, молотком водрузят обелиск,
 «Нерушимый союз» прогорланив молитвой.
 Вот такое условие: иль – или... Вперёд!
 От судьбы никуда, она будто граната,
 Ждешь её, или нет, всё равно разорвётся,
 Если брошена в цель прямиком на тебя.
 Восемь раз на броню прыгал барсом Алёха,
 А в руке у него связка мощных гранат,
 А в другой молоток с черенком деревянным.
 Постучит Закатай оным молотом в люк,
 Приоткроют танкисты узнать, что такое,
 Тут и жизни, майн готт, их конец наступал.
 Погибал экипаж. А отважный боец

Иль лежал, притаившись под грудой металла,
Иль к своим, тем из них, кого смерть пощадила,
Уползал, чтобы новый приказ получить,
Или действовать по своему усмотрению...
Смерть щадила Алёху, о нем говорили,
Что в рубашке рождён.
Выбит весь батальон.
А на нём ни царапинки, ни синяка,
Будто только что прибыл из дальнего тыла...
Не бывает, однако, на свете чудес:
Иль омыть должен был Закатаев свой грех
Кровью, или навечно исчезнуть со света.
Полз Алёха, держа в руках связку гранат,
В него выстрелил снайпер... Погиб Закатай,
Чтоб очнуться в аду на дворе капремонта.
Его душу втолкнули в железный каркас,
Омывательной трубкой его начинили,
Сухожилия ног закрепили за ним,
Не забыв ни о мышцах, ни о селезёнке,
То есть всё, что положено, дали ему.
И сказали ему: а теперь ты готов
Пройти чёртов мандат.
Батяка сам Сатана
Как важнецкого гостя принял Закатая,
Говорит: – Видел, видел, сынок мой родной,
Как пилил человека ты зубчатой сталью.
Остроумно. Смешно. Назначаю тебя
Я за твой героический подвиг, который
Занесут в сатанинскую смертную книгу,
Батальоном командовать головорезов.
В подчиненьи ты будешь у маршала Жука.
Полагаю, ему ты придёшься по нраву:
Любит он остроумных отважных ребяток.
Тех смиренных ребят, что ходили в атаки
На свои на советские минзагражденья,
Чтоб проделать проходы для танковых рот
Своим телом дешёвым.
Удобно и просто:
Тыщи сгинут на минах, беды в том ни капли,
Зато вышла броня на исходный рубеж.
В небо с шипом взлетела ракета-сигнал –
Пошли танки в атаку – окопы месить.
Понуждая фашистов спасаться убегом
Или замертво падать под шквальным огнём,
Знаю, сын мой Алёха, в штрафбате у вас

Хоть из тыщи один оставался в живых.
А у маршала Жука, архистратига,
Подрывались на минах пехоты полки,
Зато бронь оставалась боеспособной.
Сто процентов – земле, нам в аду пополнение.
Любит ад – Нижний Мир робких смирных баранов,
С распростёртыми мы их встречаем и шлём
(Не задаром, конечно) туда, где их ждут:
На Луне, в Антимире, и на Андромеде –
В грунт вгрызаться, вдыхать радиации запах.
– Значит, каторга ждёт меня?
– Нет, успокойся!
Батальон твой гвардейский, его я оставлю
В подчинении своём. Что до тела, пожалуй,
Не замедлит сыскаться ему применение...

ЗАМЯТИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (1928 - 2008)

Поэт. Член Союза писателей России.

Родился 27 октября 1928 года в селе Бондари Тамбовской области.

Начал работать с 13 лет сверловщиком на военном заводе в Тамбове. Во время службы в армии принимал участие в борьбе с националистическим подпольем и бандитизмом в Прибалтике. Более 35 лет проработал фрезеровщиком на заводе «Электроприбор». В 1980 г. начал заниматься в литературном объединении «Радуга», которым руководил Семён Милосердов. Стихи Николая Замятина публиковались в заводской многотиражке, а также в периодике области.

Николай Замятин награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями. Скончался писатель 16 декабря 2008 года в Тамбове.

Сочинения:

Замятин Н. Чёрное, красное, белое: Стихи. – Тамбов, 2001.

Замятин Н. Семь дорог: Стихи. – Тамбов, 2003.

Замятин Н. Рыжие берёзы: Стихи. – Тамбов, 2007.

Замятин Н. Избранное. – Тамбов, 2008.

Литература:

Дорожкина, В.Т. Замятин Николай Михайлович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 83.

В честь Победы

Строгие, торжественные лица...
Отражаясь на груди солдат,
В золоте заслуженных наград,
Солнышко играет и искрится.

Через шесть десятков вёсен, через годы,
Штатскими в строю они стоят –
Из гвардейской боевой пехоты
Рядовые, ротный и комбат.

Буднично и просто, без рисовки
«ФЭДовский» старинный аппарат
Тихо щёлкнул, как курок винтовки,
Занося в историю солдат.

Победа

Ты наша. Ты каждый наш дом
Лучами своими греешь.
Добытая тяжким трудом,
Ты с нами живёшь и стареешь.

Не надо, Победа, не старься,
Будь вечно, как май, молодою,
И с памятью не расставайся –
С хорошею и плохую.

Ты нас оставляла порою
Один на один с бедой
Морозною русской зимою,
Под самой столицей – Москвой.

Ты помнишь и Вязьму, и Стрельню,
Блокадных детей Ленинграда,
Победную ласточку Ельни
И сводки боёв Сталинграда.

Какой же досталась ты болью,
Безмерной народной любовью,
И молотом, и сохою,
И огненной Курской дугою...

Победа. Святая святых.
Ты светлая наша духовность
Для старых и молодых.
Ты слава России и гордость.

Тревожная ночь

Земля от солнца летнего теплела,
Не избавляла ночь от духоты.
А в цехе мы вершили своё дело,
Не зная, что полшага до беды.

Вдруг в тишину ночную сразу
Ворвались в цех тревожные гудки.
Погасли лампочки по строгому приказу,
На полузвук замерли станки.

Залаяли отчаянно зенитки,
Бил зло, остервенело пулемёт,
И тонкие прожекторные нитки
Искали в небе вражий самолёт.

И для меня, мальчишки, было важно,
Что я тогда не струсил, не сбежал...

А было страшно, было очень страшно –
Я первый раз в огонь войны попал.

В лесу под Воронежем

В лесу под Воронежем, в тёмной глуши,
Где частые гости – туманы,
Окопы, траншеи и блиндажи –
Былого тяжёлые раны.

Год сорок второй. Июль. Жара.
Солнце завесило дымом.
Ушли ненадолго за лес «мессера»,
Запахло землёй и тротилом.

И было далёко до света Победы,
До первых салютов – высших наград.
Здесь глохли от взрывов земные рассветы,
И город горел на глазах у солдат.

Всё меньше их...

Утихла боль, в душе перегорело.
И я как бы смотрю со стороны:
А сколько их осталось, уцелело
От той, всем миром проклятой войны?
Да здравствует Победа!
Но – без них...
Без генералов, офицеров, рядовых...
Всё меньше их, всё меньше остаётся:
Уже по пальцам можно посчитать...
И как тогда то время назовётся,
Когда уж некого нам будет поздравлять?

КУРБАТОВА ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА

(род. в 1954 году)

Поэт. Член Правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России.

Родилась 08 июня 1954 года в Тамбове. Окончила среднюю школу № 29 г. Тамбова, Тамбовское музыкальное училище им. С.В. Рахманинова, факультет иностранных языков Тамбовского государственного педагогического института (ныне Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина).

Татьяна Львовна возглавляет литературно-творческое объединение «Радуга» при Тамбовской областной писательской организации. Преподавала в Тамбовском государственном музыкально-педагогическом институте имени С.В. Рахманинова и в Питиримовской духовной гимназии, в Тамбовском колледже искусств. Несколько стихотворений Татьяны Курбатовой стали песнями, музыку к которым написала тамбовский композитор Ольга Егорова. В 1990-е годы Татьяна Львовна была сценаристом и ведущей хора духовной музыки «Преображение». Награждена знаком «За заслуги в культуре».

Сочинения:

Курбатова Т. Уходя – останься: Стихи. – Тамбов, 1992.

Курбатова Т. Палитра красок на холсте, палитра звуков на листе: Стихи для детей. – Тамбов, 1993.

Курбатова Т. Не надо расставаться: Стихи. – Тамбов, 1995.

Курбатова Т. Разноцветные стихи: Стихи. – Тамбов, 1995.

Курбатова Т. Радуга цветов: Стихи. – Тамбов, 1999.

Курбатова Т. За горизонтом души: Стихи. – Тамбов, 2001.

Курбатова Т. Разноцветные стихи и сказки леса: Стихи. – Тамбов, 2003.

Курбатова Т. Из бездны до неба: Стихи. – Тамбов, 2004.

Курбатова Т. Весёлая капель: Стихи и сказки. – Тамбов, 2005.

Курбатова Т. Связующая нить...: Избранные стихи. – Тамбов, 2011.

Курбатова Т. Флирт Фортуны: Стихи. – Тамбов, 2014.

Литература:

Верольский, Ю. «На шумных перекрёстках бытия» / Юрий Верольский // Верольский, Ю. На пушкинских тропах / Юрий Верольский. – Тамбов, 1999. – С. 38-41.

Жукова, Т.Е. «Не надо расставаться...» [Текст] : (об одном сборнике Т. Курбатовой) / Т.Е. Жукова // Поэтические школы Тамбова. – Тамбов, 2008. – С. 52-57. – Библиогр.: 2 назв. Об одноименном сборнике 1995 г.

Дорожкина, В.Т. Курбатова Татьяна Львовна / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 96.

Курбатова Татьяна Львовна: (к 50-летию со дня рождения) // Тамбовские даты. 2004 год. – Тамбов, 2003. – С. 67–68.

Курбатова, Т.Л. «Чувствую ответственность прожитых лет»: [беседа с Татьяной Львовной Курбатовой / вела Марина Никитина] // Тамб. жизнь. – 2009. – 28 июля.

Первова, Г.М. Жизнь и творчество Т.Л. Курбатовой / Г.М. Первова // Тамбовские писатели в детском чтении. – Тамбов, 2006. – С. 110-112 : фот. – Библиогр.: 18 назв.

Полякова, Л.В. [О Т.Л. Курбатовой] // Полякова, Л.В. Современная поэзия Тамбовского края / Л.В. Полякова. – Тамбов, 2010. – С. 52-59, 61-62.

А там война по улицам идёт.
 А там война
 из всех орудий бьёт.
 И по дороге
 алою рекой...
 И ты солдат – навеки молодой.
 Огнем пожарищ выжжена земля.
 Травую сорной заросли поля.
 Вставай, солдат!
 Не время умирать.
 Вставай, сынок!
 Тебя ждёт дома мать!

Пал в бездну край седого неба.
 Я там был и там меня не стало.
 Взорван взрывом, улетаю в небыль,
 Облако моей могилой стало.

На осколки память рассекало,
 Осыпалось пыльное стекло,
 Струйка жизни на землю стекала,
 А потом всё снегом замело.

Горы грудью ввинчивались в небо.
 Грохот взрыва эхом разметало.
 Всё как было. Но меня не стало.
 Мир забыл меня,
 как будто я и не был.

Хрупких крыл хруст,
 Пыльный путь пуст.
 Камни глаз – тлен.
 Мёртвых рук плен.

А вокруг всё кресты да кресты.
 Неживые вянут цветы.
 А вокруг вороньё, вороньё
 Охраняет царство твоё

Воскресить бы, поднять...
 Да нет сил.
 Только слышен хруст

Хрупких крыл.

* * *

Вечная память павшим.
Пусть им спокойно спится.
Время листвой опавшей
На плечи им ложится.

Время стирает даты.
Где вы, родные лица?
Братья, сыны, солдаты,
Пусть вам спокойно спится.

Прощёный день

Поклон до земли.
Тяжесть старческих рук.
И вот замыкается памяти круг.
На холмике белом – свечи огонёк.
Срок памяти нашей, должно быть, истёк.

Старушки в платочках к могилам пришли.
Поклон вам, солдаты, поклон до земли.
А завтра кто к этим могилам придёт?
Кто свечку в ладонях сюда принесёт?

Стоят обелиски, имён не прочесть...
Солдаты, солдаты...
А сколько – Бог весть!
Осыпались фото под снегом, дождём,
А мы по могилам спокойно идём.

По белому снегу, по памяти нашей,
По фотографии, наземь упавшей...
Простите в Прощёный, так нужный нам день,
Старушки из брошенных деревень,
Пшеном посыпавшие холмиков ряд.
Простите, могилы забытых солдат...
Тяжёлое небо. Зима ли, весна?
Кто вспомнит вас завтра?
В ответ – тишина.

МАКАРОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1946 году)

Поэт. Член Союза писателей России.

Родился 17 июля 1946 года в селе Еремеево Староюрьевского района.

Окончил Вишневскую среднюю школу в 1963 г. Стихи начал писать во время службы в армии на Северном флоте. Работал плотником, библиотекарем. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

В 1970-е годы Александр Макаров стал активно печататься в областных газетах, в коллективных сборниках, в журналах «Подъём», «Наш современник», не раз был лауреатом премий этих журналов. Александр Михайлович – лауреат областной премии имени Е.А. Боратынского.

Сочинения:

Макаров А. Красный мячик: Стихи. – Воронеж, 1983.

Макаров А. Излучина: Стихи. – М., 1986.

Макаров А. Светлый час: Стихи. – Воронеж, 1988.

Макаров А. Воздушный корабль: Стихи, поэмы. – Тамбов, 1996.

Макаров А. Небесный шум: Стихи, поэма. – Тамбов, 2001.

Макаров А. Избранное: Тамбов, 2002.

Макаров А. Музыка жизни: – Стихи. Тамбов, 2006.

Макаров А. Вечная жатва / Серия «Поэтический Тамбов». – Тамбов, 2010.

Литература:

Дорожкина, В.Т. Макаров Александр Михайлович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С.101–102.

Знобищева, М.И. Музыка жизни / М.И. Знобищева // Молодёжь Тамбовщины размышляет, спорит, советует. – Тамбов, 2007. – С. 108–115.

Знобищева, М.И. Русское пространство в поэзии Александра Макарова / Знобищева М.И. // Проблемы стратегии регионального развития. – Тамбов, 2008. – С. 32–35.

Александр Михайлович Макаров // Литература Тамбовского края. – Тамбов, 2006. – С. 40–42.

Александр Михайлович Макаров: (к 60-летию со дня рождения) // Тамбовские даты. 2006 год. – Тамбов, 2005. – С. 69–70: фот.

Овсянников, И. Музыка его жизни / Иван Овсянников // Тамб. жизнь. – 2006. – 23 авг.

Полякова, Л. О поэзии Александра Макарова / Лариса Полякова // Тамбовский альманах. — Тамбов, 2006. – № 2. – С. 225–232.

Родионов, И. Излучины души / Иван Родионов // Подъём. – 1987. – № 6. – С. 143–144.

Руделёв, В.Г. «Тоскую по другу — зелёному лугу...»; «А где живут стихи?» // Руделёв, В.Г. Собр. соч. в 6 т. – Тамбов, 2000. – Т. 3. – С. 59–66.

Старшинов, Н. Живёт в России поэт / Николай Старшинов // Наш современник. – 1988. – № 1. – С. 121.

Красный мячик

Из послевоенной разрухи,

Из низкой избушки я вышел.

Избушка – два синих окошка,

Прижался подсолнух к плетню.

Какой я счастливый, что вышел,

Какой я счастливый, что выжил!

Какой красный мячик красивый!
Сейчас я его догоню.

Бегу я – и смотрит деревня
Глазами спокойными окон,
Храня треугольники писем,
Молчат треугольники губ...
По травам налившимся соком,
Под песней, парящей высоко,
Из послевоенной разрухи
За мячиком красным бегу!

Невысок мой отец, да и друг его тоже.
Сединой и судьбой друг на друга похожи.
Сыновья – мы повыше, светлее лицом.
Но каким бы высоким и светлым я ни был,
Не светлей и не выше я этого неба,
Голубиногo неба, что стало отцом.

В чём-то схожие, послевоенные дети,
Мы с отцами. Хлебнули и мы в лихолетье.
Конопушки, что точки на птичьем яйце.
Я иду детской памятью. И, приближаясь
К страшным дням, ощущаю и боль я и жалость.
И молчу я в начале. И плачу в конце.

Невысок мой отец. Я плечами покруче.
Ещё миг – и руками достану до тучи.
Не мешают расти ни тоска, ни беда.
Но отцы, что живыми и мёртвыми вышли
Из огня, – выше памяти нашей и выше
Высоты, где летит за звездой звезда.

Желановка

У деревни Желановки
Песней струится река.
В синий омут без дна
Кину снасть на рыбацкое счастье.
За деревней Желановкой – поле,
А дальше – века.
Не увидеть лица,
В дверь забытую не достучаться.

Не пройти всех дорог,
 Все поля не пройти поперёк.
 Знать хочу, чтоб не мучить себя
 Запоздалою болью,
 Кто Желановкой
 Эту глухую деревню нарёк?
 А другую деревню
 С любовью назвали Любовью.

Я к избе подхожу,
 Где старуха сидит под окном.
 Вижу радость и скорбь
 На суровом лице материнском...
 В человеке чужом,
 За плечами с рыбацким мешком,
 Оживёт её сын,
 В 43-м убитый под Минском.

* * *

Выстрел услышал я и оглянулся.
 Эхо катилось, как мяч, по полям.
 Тополь увидел я и отшатнулся:
 Тополь, разрубленный пополам,

Выстоял. И под ударом мороза
 Не поклонился царю Январю.
 Вырос в глазах моих. Молча с откоса
 Я с уваженьем на тополь смотрю.

Будто бы вижу в предутренней рани:
 Тихо стоит возле стройной сосны
 Старый солдат с незажившею раной,
 Только что, только пришедший с войны.

Послевоенные годы, послевоенные годы.
 Свежей газетой рассвета оклеенная стена.
 Уходят от устья к истоку незамутнённые воды,
 Светят застенчивым светом медали и ордена.
 Это – медаль за отвагу, и за взятие Берлина,
 И за победу в Великой Отечественной войне.
 Награду отцу вручали, а он передал их сыну,
 Как говорят у нас в книгах, – преемнику, то есть мне.

Нас ещё не было в жизни, когда выдавали награды,
Но каждым атомом тела мы ощущали войну.
Военные игры детства... Мы были и сами не рады
Тому, что в войну играем, – мы защищали страну...

С братом в войну играем. Грустно, неинтересно.
Разве легко бывает, если война – беда?
Летят мои самолёты по проволоке железной,
По половицам некрашеным бегут его поезда.

Везут они пополнение, боеприпасы... фашистам.
Я поднимаюсь со стула, застёгиваю шинель.
С яростным, страшным рёвом, с невообразимым свистом,
Делая мёртвые петли, я захожу на цель.

Я опрокидывал поезд. А сердце моё кричало:
– Это за нашу Родину и за советский народ!..
После менялись местами и начинали сначала.
Брат мой кричал ещё громче: «За Родину!» и «Вперёд!».

А за окном пролетали мирные самолёты,
И поезда уходили в долгую даль без конца.
Пчёлы с цветущего клевера мёд собирали в соты...
Тихим застенчивым светом светились медали отца.

МАКАРОВ АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

(род. в 1940 году)

Поэт, прозаик. Член союза писателей России.

Родился 02 марта 1940 года в селе Бондари Тамбовской области.

Окончил Тамбовский институт химического машиностроения (ныне Тамбовский государственный технический университет). Работал монтажником, инженером, мастером в системе профтехобразования. Служил в группе Советских войск в Германии.

С июля 2007 г. Аркадий Макаров живёт в Воронеже. Он лауреат областной премии имени Е.А. Боратынского и российской премии имени В.М. Шукшина.

Сочинения:

Макаров А. Ночная смена: Стихи. – Воронеж, 1978.

Макаров А. Птица-радость: Стихи. – Воронеж, 1981.

Макаров А. Есть реки малые в России: Стихи. – Воронеж, 1987.

Макаров А. Учусь молиться в церкви Всех Скорбящих: Стихи. – Тамбов, 1992.

Макаров А. Два белых облака летели: Стихи. – Тамбов, 2000.

Макаров А. Повествования, вызванные светом непогашенной лампы. – Тамбов, 2005.

Макаров А. Догони своё время: Книга современной прозы. – Воронеж, 2009.

Литература

Голошумов, Е. Негаснущая лампа добра / Евгений Голошумов // Тамб. жизнь. – 2006. – 18 янв.

Дорожкина, В.Т. Макаров Аркадий Васильевич / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 102.

Кулин, Н. Главная тема / Николай Кулин // Подъём. – 1980. – № 5. – С. 157–158.

Аркадий Васильевич Макаров: (к 50-летию со дня рождения) // Тамбовские даты. 1990 год. – Тамбов. 1989. – С. 16.

Писарев, Е. Вторая смена / Евгений Писарев // Город на Цне. – 2005. – 2 марта.

Хворов, В. Статья о современной тамбовской литературе / Валерий Хворов // Тамб. курьер. – 2007. – 8 янв.

У могилы неизвестного солдата

*Дяде моему, Макарову Ивану,
пропавшему без вести
в Великую Отечественную войну*

Ты крепко спишь в земле столичной,
Покрытый знаменем страны,
У той, державной и кирпичной,
У красной зубчатой стены...

Был стол широкий на поминках –
От Сахалина до Карпат.
И ты лежал с ружьём в обнимку,
Не слышал почестей, солдат.

В глазах остался ужас боя,
И ты навек остался в нём...

Отдай, солдат, земле земное,
А дух смешается с огнём.

Моё поколение

Мы молоды. В крови полдневный зной.
И разум трезв. И хороша беседа.
Мы – дети, опалённые войной,
Мы – дети, озарённые победой.

В застольный час на празднике страны
Мы всё ещё глядимся молодцами.
Клянёмся быть достойными отцами
Мы – сыновья великой той войны!

Стоит солдат. Он в каменной шинели.
Перед солдатом встану на колени:
«Я кровь твою, пролитая под Курском,
В бою смертельном на равнине русской».

В руке тяжёлой – автомата ложе,
А за спиной – Родина и мать.
Стоит солдат, и он меня моложе,
Но этого никак мне не понять.

Отчизны честь, родная боль и память,
Ты всё на том, на том всё берегу...
«Клянусь, солдат, не уроню я знамя,
Фамилию твою уберегу!».

Памяти павших

Как в словах, бесконечно простых,
Отличить всё величие ваше?
...Встань на колени, мой стих,
Перед памятью павших!

Тишина над родимым порогом,
Боль набата в Хатыни скорбящей,
И шеренги в молчании строгом –
Памяти павших.

Памяти павших горит окоём,
Снегопады и дождик слепящий.

И малец, что мелькнёт за окном, –
Памяти павших.

Так живи, человек, и твори,
Поднимай жизни полную чашу...
И любимая, руки твои –
Памяти павших.

Ты трезвонь, жаворонок, трезвонь
По весне над распаханной пашней.
Солнце в небе, как Вечный огонь, –
Памяти павших.

Деревня

Ах, деревня! Денёчек солнечный,
Кошка рыжая на трубе...
По дороженьке по просёлочной
Я сегодня пришёл к тебе.

Та дорога пылила горестно
На великую всю страну...
Шли и шли по велению совести
Мужики твои на войну.

Зарастала дорожка щавелем,
Лебедою – родительский дом.
Оглянулись бы на прощание,
Только что же в огляде том?..

Отгремела война, отгрохала,
Да не все воротились домой...
И, припав к плетню, только охнула
Ты, солдатскою став вдовой.

Заглушив безнадёжные слёзы,
Поднималась ещё до зари.
И скрипели, скрипели обозы,
Как осенние журавли.

Маленькая баллада

*Пропавшим без вести
в Великой Отечественной войне*

1.

Вот и кончились сроки.
На пилотке – звезда.
Как железные строки,
Гремят поезда.

Словно строки приказа,
Который в груди,
Где каждая фраза
Набатом гудит.

«Вставай, страна огромная...».
Ах, слёзы на ветру:
«Не плачь, маманя родная,
Я вскорости вернусь!».

2.

За тихую деревню –
Горячие цветы.
Стоит старушка древняя
У мраморной плиты.

Сложила руки набожно,
Не вытирая щёк.
«О чём ты плачешь, бабушка?».
«О времени, сынок.

Годков-то мне достаточно,
Да только вот беда:
Уходит дней остаточек,
Как в решето вода.

Ах, времечко коварное!
Боюсь, что не дождусь.
Ушёл солдатик в армию,
Лишь вымолвил: «Вернусь!».

...Над тихую деревней
Плыл вечер невесом...

Как лист, опавший с дерева, –
Без адреса письмо...

Однажды днём осенним
Все вымокнут цветы.
И нету утешения
У мраморной плиты.

Рассказ о солдате

Лежал солдат израненный
На крайней той черте,
Посреди Германии
На тихой высоте.

С осколками у сердца,
С гранатой на ремне,
Лежал боец советский
На вражеской земле.

Бой откатился к городу,
Ушла вперёд война.
И окатила голову
Предсмертная волна.

Во взгляде переменчивом
Металась боль, свежа.
Неужто на неметчине
Ему лежать?..

Горят лучи косые,
И пушки не гремят.
Да только о России
Заговорил солдат.

Его слова последние
С дыханьем наравне:
«Сестричка милосердия,
Ты не поможешь мне...»

Ромашки мои скошены,
И травы отцвели.
Ты лучше на Тамбовщину
Отправь щепоть земли.

Лежит земляца вровень,
А встать не хватит сил.
Не зря живую кровью
Её я напоил...».

...На площади в Тамбове
У Вечного огня
Под мраморной плитой –
Та самая земля...

И я в солдатском звании
Служил, чеканя шаг,
Посреди Германии
На крайних рубежах.

Года проходят быстрые,
Счастливые вполне...
Как много обелисков
На этой стороне!

МАРКОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1948 году)

Поэт, журналист. Член Союза журналистов России, член Правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России.

Родился 05 июня 1948 года в селе Петровка Сампурского района тамбовской области. Окончил Сатинскую среднюю школу Сампурского района, историко-филологический факультет Тамбовского государственного педагогического института (ныне Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина), Северо-Кавказский социально-политический институт (Росто-на-Дону).

Валерий Марков служил в рядах Советской Армии; работал в школах Казахстана учителем русского языка и литературы, затем – в комсомольских органах. Валерий Александрович преподавал в тамбовской средней школе № 9, являлся сотрудником газет («Трудовая слава» Сампурского района, «Комсомольское знамя», «Тамбовская правда»), журнала «Политическая агитация», редактором «Вестника администрации Тамбовской области». Валерий Марков – государственный советник РФ 1-го класса. Был пресс-секретарём главы администрации области. Занимал другие должности в областных руководящих структурах. В настоящее время он является заместителем главного редактора газеты «Тамбовская жизнь».

Валерий Марков – заслуженный работник культуры РФ. Лауреат конкурса молодых журналистов, лауреат премии Тамбовской области им. А.К. Воронского, победитель Всероссийского конкурса на лучшее освещение жизни села и областных творческих конкурсов. Награждён знаком Союза журналистов России «За заслуги».

Сочинения:

Марков В. Очень хочется добра: Стихи. – Тамбов, 1988.

Марков В. Рябиновый свет: Стихи. – Тамбов, 2001.

Марков В. Я жить и чувствовать учусь: Стихи. – Тамбов, 2004.

Марков В. На километре нулевом: Стихи. – Тамбов, 2007.

Марков В. В ожидании чуда: Стихи. – Тамбов, 2008.

Марков В. С красной строки: Очерки, репортажи, интервью. Тамбов, 2011.

Литература:

Голошумов, Е. Чудо удивленья / Евгений Голошумов // Наедине. – 2004. – 24–30 нояб.

Григорьев, С. Поэзия искренности / С. Григорьев // Наедине. – 2005. – 23 февр.

Дорожкина, В. «Кто вместо меня в той атаке убит?» [Текст] / В. Дорожкина // Тамб. жизнь. – 2013. – 5 июня (№ 77). – С. 6.

Дорожкина, В.Т. Марков Валерий Александрович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 103.

Дорожкина, В. Поэтический автопортрет / В. Дорожкина // Тамб. жизнь. – 1999. – 12 февр.

Марков Валерий Александрович // Журналисты и журналистика Тамбовского края : крат. краевед. справ. – Тамбов, 2009. – С. 28-29.

Начас, Е. «Не повторяйте всеу: Русь...» / Е. Начас // Наедине. – 2001. – 19 июня.

Никольский, П. «Пусть пошепчет Савала» / П. Никольский // Тамб. вестн. – 2001. – 21 июня.

Овсянников, И.И. Марков Валерий Александрович // Тамбовская энциклопедия. – Тамбов, 2004. – С. 322.

Хворов, В. «На километре нулевом» / Валерий Хворов // Тамб. курьер. – 2008. – 3 марта.

Я жить и чувствовать учусь // Регион 68. – 2005. – № 1. – С. 40 : ил.

Не шёл я в атаку в цепочке бойцов,
 «Ура» не кричал я, и не был я ранен.
 Я знаю войну через память отцов,
 По взрываю на киноэкране.

Я утром весенним травой не пророс,
 Не встал, на века воплощённый в гранит.
 И мучит порой, как осколок, вопрос:
 Кто вместо меня в той атаке убит?

Не сокращайте!

*Вместо полного написания
 «Великая Отечественная война»
 всё чаще стало встречаться
 кощунственно безликое Сокращение – «ВОВ».*

Не хватает возмущенья,
 Откровенно гневных слов –
 От такого сокращенья,
 Что достойно глупых снов.

От какого бюрократа,
 Из каких пустых голов
 К светлой памяти солдата
 Приползла приписка – ВОВ?

Сократили не название
 Долголетней той войны –
 Сократили трепетанье
 Наших душ до глубины.

Сократили не три слова,
 Что волнуют и гнетут, –
 Сократили те основы,
 Что в нас сизмальства живут.

Сократили – подхватили:
 По листкам сухих анкет,
 По столбцам лихих газет, –
 Память чью-то усыпили,
 Погасили чей-то свет.

Сократили без оглядки.
 Что же, легче стало жить?
 А число смертей солдатских
 Разве можно сократить?

Разве можно так утешить
 Миллионы тихих вдов?
 Ведь для них же, как насмешка,
 Сокращенье это – ВОВ.

Пусть же будет вновь Великой,
 Всем названием слышна,
 А не краткой и безликой
 Та народная война.

Пусть волнуют наши души
 Её память и молва.
 Пусть звучит – и сердцем слушай
 Те священные слова!

Книга Памяти

У Книги этой автор страшный –
 Жестокая и долгая война.
 Её герой – сражённый в рукопашной
 Весёлый кареглазый старшина.

И тот солдат, что слыл безвестным, –
 Его в ночи старушка тихо ждёт,
 Себя считая юною невестой,
 Да вот жених всё с фронта не идёт...

У Книги этой автор вечный –
 Живущих память, что на все века.
 И болью трепетной, сердечной
 Вдруг обожжёт печатная строка.

Открою Книгу, прочитаю:
 Моя фамилия в том списке есть!
 Но я живу, люблю, мечтаю...
 А всех фамилий тут не перечить –

Имён нас защищавших близких –
 Собрал их воедино переплёт...
 А в пол-Европы – обелиски,

А сколько их ещё недостаёт!

И, чтобы всех увековечить,
Издали эти алые тома.
Читайте. Тут не к месту речи.
Читайте, чтоб до сердца и ума

Дошли тех строк печальных святцы,
Где рядом – полководец и солдат...
Под небом мирным малыши резвятся,
И памяти святой звучит набат.

Как жизнь, старина?
Лучше, чем в окопе!
Из разговора фронтовиков

Седина – как ордена,
Как тот дым Хатыни...
Значит, были времена
Погорчей полыни.

Были, точно. Но давно.
Не ломайте копий!..
Нынче трудно? Всё равно
Лучше, чем в окопе.

Седина – как ордена,
Признак оптимизма...
Но приснится вдруг война,
По погибшим призна.

Вдруг приснится страшный бой
И патрон последний...
В том бою и стал седой,
Словно свежий снег зимой,
А денёк был летний.

Седина – как ордена,
Как халат сестрицы...
Не закончилась война,
Бой тот страшный длится.

Другу из поколения детей войны

Ты старше меня и ближе к войне:
 За это тебя уважаю вдвойне.
 Отца потерял, ад бомбёжек изведаль,
 В том мае по праву кричал ты: «Победа!».

По жизни идёшь, как в атаку солдат.
 Боятся тебя казнокрад, бюрократ...
 И если я в жизни чего-то и стою,
 То лишь потому, что стремлюсь за тобою.

Он не пришёл к заветным ивам –
 Погиб в неравном он бою,
 Двадцатилетний и красивый,
 В далёком западном краю.

Оставлен он на поле брани,*
 Как и его стрелковый взвод...
 Высотку эту долго брали...
 Теперь же оторопь берёт.

Пришла простая похоронка
 В родное страдное село.
 И мама плакала негромко.
 И всё привычным ходом шло.

...Уж много лет живём счастливо,
 И горя высохла слеза.
 И парень вновь идёт красивый,
 Любовью светятся глаза...

За мир на свете всё отдам я,
 И буду рад я всей душой,
 Чтоб парень этот на свиданье
 Под ивы к девушке пришёл.

*Мой дядя по отцовской линии, командир взвода младший лейтенант Марков Виктор Емельянович, погиб во время Великой Отечественной войны в бою под Будапештом. В именном списке безвозвратных потерь офицерского состава частей 104-й стрелковой дивизии с 15 по 25 марта 1945 года в графе «Где похоронен», значится: «Оставлен на поле боя...». Ему было тогда 20 лет...

Станция Рада

*Воинам 2-й гвардейской армии
и труженикам тыла Тамбовской области
посвящается*

Станция Рада –
Созвездья рябин.
Станция Рада –
Дым скорбный седин.

Осеннее пламя –
Не пламя войны.
Но память, но память
Уносит в те дни.

...Станция Рада –
Суровый плакат:
«Фашистского гада
Повергни, солдат!».

Под станцией Рада
Той грозной порой
Рождалась армада
Гвардейской второй.

В урёмной чащобе
Ожил тот девиз:
Трудно в учёбе,
В бою – враг, держись!

Парнишка тамбовский,
Такой молодой!..
А рядом – ростовский,
Рязанский, орловский,
Владивостокский...
И сам Малиновский
Готовил их в бой...

Стальные машины
(Почин земляков,
Об этом картину
Напишет Краснов)

Получат на Раде
Танкисты-сынки:

«Сражайтесь, как надо,
Дни мести близки».

От чистого сердца –
Махорка, носки...
Душою б согреться,
И фрицев – в тиски!

Станция Рада,
Прощальный гудок...
– Мамочка, мама!
– Сыночек, сынок!..

От станции Рада –
До самого ада,
В огонь Сталинграда,
Из-под Сталинграда,
Сметая преграды,
До логова гада...
И мир всем – награда.

...На станции Рада –
Пора листопада.
На станции Рада –
В объятьях друзья.
Сражались, как надо,
Сражались не зря.

Станция Рада –
Горечь утрат.
Станция Рада –
Ты тоже солдат.

Станция Рада –
Оплот тишины.
И зори – как раны,
Прошедшей войны.

Станция Рада –
Волнения встреч.
Станция Рада –
Мир будем беречь.

Станция Рада –

Колёс перестук.
Станция Рада,
Ты – подвигу друг.

НАЧАС ЕВСТАХИЙ ЯРОСЛАВОВИЧ

(род. в 1940 году)

Поэт, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родился 20 июня 1940 году в селе Ярчевцы Зборовского района Тернопольской области (Украина).

После окончания школы в Украине, Евстахий Ярославович работал заведующим клубом, бетонщиком, служил в армии. После демобилизации с 1961 он живёт в Тамбове. Евстахий Начас окончил филологический факультет Тамбовского государственного педагогического института (ныне Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина). Работал учителем в Красноярском крае. В 1979 он окончил отделение журналистики Ростовской высшей партийной школы. С 1967 Евстахий Начас работал в тамбовских средствах массовой информации, руководил литературным клубом «Свеча» в Тамбовской центральной библиотеке им. Н.К. Крупской.

Евстахий Ярославович Начас – заслуженный работник культуры России, лауреат областных литературных премий имени Е.А. Боратынского и В.А. Богданова. Награждён медалью «К 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова».

Сочинения:

- Начас Е. Солнечные ветры: Стихи. – Воронеж, 1976.
 Начас Е. Зимний листопад: Стихи. – Воронеж, 1981.
 Начас Е. Я в России прописан... : Стихи. – Тамбов, 1993.
 Начас Е. Именины жаворонка. Стихи. Тамбов, 1995.
 Начас Е. Притяжение травы: Стихи. – Тамбов, 1997.
 Начас Е. И есть любовь – желанье чуда: Стихи. – Тамбов, 2000.
 Начас Е. Обед на крыше: Стихи для детей. – Тамбов, 2004.
 Начас Е. Избранное: Стихи. – Тамбов, 2005.
 Начас Е. Снегопад / Серия «Поэтический Тамбов». – Тамбов, 2010.

Литература:

- Голошумов, Е. Активная сопричастность / Евгений Голошумов // Тамб. жизнь. – 2005. – 25 нояб.
 Дорожкина, В.Т. Любовь во спасение [Текст] / Валентина Дорожкина // Тамб. жизнь. – 2010. – 25 июня (№ 88). – С. 4.
 Дорожкина, В.Т. Начас Евстахий Ярославович / В.Т. Дорожкина // Тамб. энцикл. – Тамбов, 2004. – С. 388.
 Дорожкина, В. Начас Евстахий Ярославович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В.Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 106.
 Дорожкина, В.Т. Поэты [Текст] : Начас Евстахий Ярославович / Валентина Дорожкина // Дорожкина, В. Дорога жизни / Валентина Дорожкина. – Тамбов, 2009. – С. 475–479.
 Загороднева, Н. Евстахий Начас: «Пока дышу – за Русь держаться буду» // Регион 68. – 2010. – № 5-6. – С. 36-37.
 Евстахий Ярославович Начас // Литература Тамбовского края. – Тамбов, 2006. – С. 50–51.
 Начас Евстахий Ярославович // Родной мой край литературный : рек. библиогр. указ. – Тамбов, 1996. – Вып. 2. – С. 29–31.
 Полякова, Л.В. [О Е.Я. Начасе] Современная поэзия Тамбовского края / Л.В. Полякова. – Тамбов, 2010. – С. 23–27.

Землянка

В сороковом, в июне, в полдень тихий,
 Мой детский крик сорвался в вышину.
 А через год пришло лихое лихо
 И привело великую войну.

Жила семья в землянке. Лиловато
 Таилась в ней сырая тишина.
 Глядела мать в глаза мне виновато.
 О, как понятна мне её вина!

От взрыва мины яшень сизокорый
 Упал плашмя на вдовый тот приют.
 Не с тех ли пор мне все страшны затворы?
 Они дышать легко мне не дают...

Была землянка низкой и холодной,
 А по углам – не лужи, бочаги.
 Не с тех ли пор, военных и голодных,
 На левом лёгком стынут очаги?..

Землянка детства скрылась под травую,
 Но мне она по-прежнему видна.
 А мать моя состарилась вдовою,
 И у меня, как иней, – седина.

С тревожным сердцем, как в глухую заводь,
 В рентгеновский вхожу я кабинет...
 В сороковом, в июне, ровно за год
 Перед войной родился я на свет.

Баллада о каше

Землянка, страх, тревожная дремота,
 Свечи оплившей зыбкий полумрак...
 Всё позади – в село вошла пехота,
 Над сельсоветом вьётся алый флаг.

И во дворе, на выцветшем пригорке,
 Сидят бойцы усталые кружком,
 И повар синеглазый в гимнастёрке
 Над кухнею колдует с черпаком.

Но подойти поближе мы не смеем
 И робко прячем миски за спиной.

«А ну, давай, ребята, посмелее!
Отведаете-ка каши фронтовой...».

А мы так с 41-го не ели,
Мы обжигали губы второпях.
И все бойцы и матери глядели,
Как тает эта каша на губах.

Из котелков, боями опалённых,
Мы ели кашу – детвора войны,
Ещё опухшая от слёз солёных.
Оглохшая от первой тишины.

Такой запомнили победу нашу
Мальчишки из волынского села...
Всю жизнь я вспоминаю эту кашу
Из жаркого солдатского котла.

Тополь

Дымился камень, корчился металл,
Кипела Волга от снарядов,
И молчаливый прах витал
Над площадями Сталинграда.

Но, потрясённые, как чудом,
Ещё в тисках былых тревог,
Друг другу улыбнулись люди,
Заметив хрупкий тополёк.

Среди горящего металла,
Как перед смертью жизнь – права,
На лёгком ветре трепетала
Его зелёная листва.

И память вдруг разворошило,
Как угольки в костре забытом,
И сталинградцы заспешили
К домам, по горло в землю вбитым.

...Проходим возрождённым городом
Вдоль башен танковых гурьбою,
Глядит распахнуто и молодо
Он в небо ясно-голубое.

И посреди аллеи гулкой,
 Как берег мартовской реки,
 Раскинул тополь ветки-руки
 И ловит с Волги ветерки.

Стоит, как посреди планеты. –
 Уже морщины на стволе –
 Как первый памятник на этой
 Зарубцевавшейся земле.

Баллада о вдове

Вдову не надо путать с вдовушкой:
 Вдова – она с войны вдова.
 Её бедовая головушка
 Светла, как в иное трава.

Её печаль – неизлечима,
 И разве в том её вина:
 Её с любовью разлучила
 Война, великая война.

Но по осенним стылým лужам
 К вдове спешили мужики,
 А вот она любила мужа,
 Ждала, рассудку вопреки.

Тряслась на тракторе колёсном
 С трубой короткой, словно гвоздь,
 И шорох вызревших колосьев
 Напоминал весенний дождь.

И всё чего-то ожидала,
 Хоть знала – чуда в жизни нет.
 И рушниками украшала
 Солдатский выцветший портрет.

А жизнь бежала, шли годочки,
 Сгорали листья и трава,
 Но поднимала двух сыночков
 И дочку Лидочку вдова...

Я знаю: много есть названий,
 Хитра на выдумки молва.
 Но, точно воинское званье,

Произношу всегда: «Вдова».

В полях зола – войны полова,
Металл горелый, лебеда...
Но привозила из Черткова
Нам мама хлебушек всегда.

Светилась рыжая буханка
Кусочком солнца на столе.
Дороже не было подарка
На той измученной земле.

О, вдовый хлеб! Мы крошки малой
Не уронили со стола.
И часто нам шептала мама:
«Вы ешьте, дети, я пошла...».

Не дождались мои два брата,
Когда войну погонят вспять...
А мать в печи гремит ухватом,
Она опять хлопочет, мать.

В глазах тревога, как когда-то,
В глазах бессильная вина.
Но я-то знаю: виновата
Во всём последняя война.

Плясовая

*«Метнулся музыке навстречу
Один чубатый без ноги...».
Владимир Гордейчев.*

Он инвалидную машиной
Гоняет утреннюю пыль,
И рядом с правою штаниной
Лежит ореховый костыль.

Фронтовику несладко дома,
Спешит на вахту, на завод...
Судьба солдатская знакома:
Повестка, сбор, пехотный взвод,

Шрапнель, студёные окопы
Над Волгой, Доном и Невой.

Он – ветеран, он пол-Европы
Прошёл с пехотой боевой.

Был артналёт... До медсанбата
Дорога длилась, словно век.
А после – тыл, и нет солдата.
Но остаётся человек:

С душою русской, нараспашку,
До жизни жадный, до трудов.
И если смерть дала промашку,
То будет жить до ста годов.

И будет петь на тонкой нотке,
А в День Победы за столом
Сосед безногий рюмку водки
Заест солёненьким грибком.

И вдруг костыль поставит к стенке
И, крикну хрипло: «Шире круг!»,
Пойдёт «отламывать коленки»
При помощи не ног, а... рук.

Мы не глядим в глаза друг другу –
Вот-вот споткнётся, упадёт.
А он с приплясочкой по кругу,
Руками машет и поёт:

«Хорошо тому живётся,
У кого одна нога –
Много обуви не рвётся
И портяночка одна...».

От этой песенки по коже
Пойдёт ознобистый мороз.
И под конец никто не сможет
Сдержать невыплаканных слёз.

Память детства

Смуглые, горластые ребята
К поездам бежали поутру –
Возвращались с Запада солдаты,
Задыхались песни на ветру.
Пламенели, разгорались маки,
К горизонту синему брели...

Ночью мы ходили в контраки.
Как отцы, себя не берегли.

Но врывались, словно на экраны,
В наши сны, что тоньше паутин,
Топот банды, тусклые наганы
И в полнеба факелы осин.

И теперь на новых параллелях
Я влюблён в живые голоса,
Понимаю: рано повзрослели
У моих ровесников глаза.

ПЕРЦЕВА ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

(род. в 1942 году)

Поэт. Член Союза писателей России.

Родилась 03 августа 1942 года в городе Йошкар-Ола. Выросла в Ленинграде. В школьные годы Лидия Перцева начала писать стихи. Окончила Воронежский государственный университет, став физиком-оптиком и спектроскопистом. Работала на Ленинградском оптико-механическом объединении, в астрономическом конструкторском бюро.

С 1978 г. Лидия Александровна живёт в Тамбове. Она занималась в литературно-творческом объединении «Радуга» под руководством Семёна Милосердова. В настоящее время поэтесса – ветеран труда. Лидия Перцева работала заместителем председателя областного отраслевого правления Союза научно-инженерных обществ. Избиралась депутатом Тамбовской городской Думы.

Сочинения:

Перцева Л. И горечь, и истома: Стихи. – Воронеж, 1992.

Перцева Л. Таинство: Стихи. – Тамбов, 1995.

Перцева Л. Семиречение: Стихи. – Тамбов, 1997.

Перцева Л. Не отрекайтесь от креста: Стихи. – Тамбов, 2003.

Перцева Л. Держаю воспевати: Стихи. – Калуга, 2007.

Перцева Л. Избранное: Стихи. – Тамбов, 2007.

Перцева Л. Благодарение за всё: Стихи (Аудиокнига). – Козельск, 2000.

Перцева Л. Очи в небо: Стихи (Аудиокнига на DVD). – Оптина пустынь, 2007.

Перцева Л. Детства утро золотое: Стихи для детей. – Москва, 2011.

Перцева Л. В горнице моей души: Стихи. – Тамбов, 2011.

Литература:

Дорожкина, В.Т. Перцева Лидия Александровна / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 113.

Курбатская, О. Слова высокого регистра // Тамб. правда. – 1990. – 7 апр. – С. 4.

Львова, А. Поэзия света / Алёна Львова // Наедине. – 2005. 16-22 февр.

Милосердов, С. Стихи и звёзды // Тамб. правда. – 1982. – 29 сент.

Нарбекова, О.В. «Господи, дай силы быть высокой даже в час, когда впадаю в грех» - «высокое» и «земное» в поэзии Лидии Перцевой [Текст] / О.В. Нарбекова // Поэтические школы Тамбова. – Тамбов, 2008. – С. 57-63.

Ненмасова, Э. «И горечь и истома» // Тамб. жизнь. – 1992. – 1 окт.

Овсянников, И. Из новой книги стихов // Тамб. правда. – 1995. – 23 сент.

Полякова, Л.В. [О Л.А. Перцевой] // Полякова, Л. В. Современная поэзия Тамбовского края / Л.В. Полякова. – Тамбов, 2010. – С. 50-52, 55.

Решетова, С. «И глубока, как человек» // Тамб. вестн. – 1996. – 7 марта.

Дитя войны

Гул самолёта, захватив пространство,
Сжал воздух неба будто жёстким прессом.
С деревьев сбил их зимнее убранство
И растворился на плацу за лесом.

Мне отчего-то стало очень жутко...
Дитя войны её совсем не знало
Непостижимость лет как злая шутка? –
Я в памяти воскресшей воевала

На фронт сражаться я, обрезав косы,
В военкомат примчалась добровольно.
Пускала поезда вниз, под откосы
Метала скрежет оглушал невольно.

И будто вьявь кормила вшей в окопе,
Со связкою гранат ползла под танки,
Тонула под огнём в болотной топи,
Лежала раненой в сырой землянке.

Под лай овчарок в лагере фашистском
Во тьме барака ожидала смерти,
Из окруженья путь пройдя неблизкий,
В НКВД-шной гнила круговерти.

В штрафбате безоружной шла в атаку,
По полю минному ползла к воронке,
В разведке с «языком» вступала в драку
В ночные рейды партизанской гонки

На минах подрывалась на подлодке,
Шла на таран врага в бою воздушном
Информбюро записывала сводки,
В подбитом задыхалась танке душном...

С детьми горела в деревенской хате,
В полях без лошадей сохой пахала,
Бойцов от ран лечила в медсанбате,
В снегу в шинельке тонкой замерзала...

На плащ-палатке раненых тащила,
В тылу по суткам у станка стояла.
Откуда только находилась сила...
Как похоронки с фронта получала...

Потом салюту радуясь победы,
С слезами обнимала я солдата
Не ощутив – закончились все беды,
Не осознав величья этой даты...

Ещё кормила мама немцев пленных,
И молоком поила их из кружки
За то, что делали тогда отменно
Нам детям деревянные игрушки...

На набережной Ждановки в каптёрке
По карточкам нам смалец выдавали
На хлеб ржаной, намазав, солью тёртый –
За лакомство в ту пору почитали.

Не поняла где явь, а что – виденья,
Сознание пропиталось всё войною
Мы – дети Господа тех лет творенья
И нашей жизни уж не быть иною...

Знать, до рожденья, с кровью материнской,
Иль с молоком грудным, довольно скудным,
Впитался с болью дух святой единства,
Хотя я детство не считала трудным.

Но этот страх внезапный, леденящий душу,
Что возродил картин военных муку
Так, словно ничего и не нарушил,
Но через годы протянул мне руку.

Дитя военных лет моей Отчизны
Послеблокадной Питерской весной
Гул самолётов мирной братской тризны
Всё оглашает небо надо мною.

* * *

Сейчас опять война идёт – другая
Безумной гонки бешеной наживы,
Хотя звучит с амвона весть благая,
И, Слава Богу, корни веры живы...

О прошлом в будущее песнь слагаем.
Уроков скорбных мир не позабудет...
Да с нами Бог, и он непоругаем...
А Мать-Россия есть, была и будет!!!

Небесный десант

*«Пятьдесят четыре танка, колонны бронемашин
и грузовики с солдатами идут прямым ходом на Москву.
Есть бомбардировщики, но израсходованы бомбы...»*

– *Готовить десант!*
– *Нет парашютов.*
– *Готовить десант, – повторил Жуков.*
Из документов Великой Отечественной войны.

Помолившись, маршал Жуков
Об одном спросил ребят:
«Кто живот готов за други
Положити? Станьте в ряд...».

И шагнули богатыри
Три шага полком вперёд,
Новобранцы из Сибири –
Постоять за свой народ...

Средь фашистов вышла смута.
Воздух в ужасе стал бел:
Без крыла, без парашюта
Вместо бомб десант летел...

Словно голуби-подранки,
Слёта падали в снега,
Их расстреливали танки,
Танки злобного врага.

Чрево вражеской колонны,
Начинённое свинцом,
Изрыгало смерть и стоны,
Усыпляя вечным сном.

Добровольцев, паче снега, –
Очищал расправой бес,
Чтоб взойти душе на небо,
Души падали с небес,

Истекая алой кровью,
Опалённые огнём.
Подвиг их крестил любовью
Под Можайском зимним днём.

Полегли на поле сечи,
Вражью технику круша,
Догорали, словно свечи,
Ликовала лишь душа,

Плоть покинув, убиенну
Взрывом связанных гранат.

Через муку незабвенну
Устремляли к Богу взгляд.

Их питала вышней силой
Подмосковная земля.
Снег стал братскою могилой,
Упокоили поля

Наших ангелов бескрылых,
Научившихся летать.
Русский Дух Святой дал силы?
Чтоб бессмертием венчать.

Очи в небо

Прохоровка порохом пропахла,
Что сейчас – цветы там да поля?
А тогда горело всё и чахло,
Пропиталась кровушкой земля.

Отгремело и отголосило,
Огнедышащий пейзаж храня,
Полегли, кого огнём скосило...
Собирали их четыре дня.

Хоронили в братские могилы
Что осталось в битве от ребят,
Поражаясь диву: чьей же силой
В небо все соколики глядят?

А танкисты, что пришли незвано
Над чужой глумиться стороной,
Вниз лицом лежали, как ни странно,
Словно призывались сатаной...

И, ползя дорогой в ад кромешный,
Прятали от Господа свой взгляд...
В ров сносили местные, конечно,
И фашистских сгинувших солдат.

Только наши мальчишки упрямо –
Очи в небо: Господи, прими...

На губах застыло стоном: «Мама...».
До конца остались вы людьми.

Покоя нет поныне

Война копала ямы,
Воронки да могилы,
Война писала драмы
Нечеловечьей силы.

Окопы да траншеи
Живот земли вспороли,
А смерть косила шеи
Рождавшимся героям.

Война копила горе.
Уродовала души,
Накатывало море
Слёз матерей на сушу;

Простреленною грудью
Бросала нас на дзоты
И залпами орудий
С врагом сводила счёты.

Войны металл усеял
Угодья, нивы, поле.
А шквал огня развеял –
И вырос колос боли.

Во мне пророс корнями –
Осколком злым во плоти,
И зёрнами-слезами
Он голосит в работе...

Покоя нет поныне
Простреленным войною.
А ордена-святыни
В строю стоят стеною...

В День Победы Пискарёвский чистый
От салюта небосвод дрожит.
На могиле у цветов душистых
Ломтик хлеба чёрного лежит.

Приходила дочь к погибшей маме.
От цветов ложился алый цвет
На кладбищенский холодный камень,
Воскрешая боль военных лет.

И смотрели люди, цепenea,
На кусочек хлеба, на цветок.
Сердце билось чаще и больнее.
Словно метроном стучал в висок.

ПОПОВ ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1940 – 1997)

Поэт, прозаик, автор стихов, рассказов, сказок, пьес для детей. Член Союза писателей России.

Родился 3 февраля 1940 года в городе Россошь Воронежской области. С 1962 года жил и работал в Тамбовской области, куда его распределили как молодого специалиста – выпускника Воронежского сельскохозяйственного института. Был главным зоотехником в Кирсановском районе, в областном управлении сельского хозяйства; с 1975 по 1987 год работал заведующим отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности Тамбовского обкома КПСС.

Литературным творчеством Геннадий Попов занимался с детства. Печататься начал поздно. Первая публикация сатирических стихотворений Геннадия Попова появилась в 1988 году в коллективном сборнике «Омлет из шампиньонов. Вскоре одна за другой стали выходить поэтические и прозаические книги, в том числе и книги для детей: «Размышления», «Улыбнитесь, пожалуйста!», «Бывали дни весёлые», «Рассказы и сказки», «Ребячьи заботы» и другие.

Понимая, как нужна хорошая литература вообще, а для детей – в особенности, Геннадий Александрович много времени отдавал работе над произведениями для малышей. О них и для них он писал стихи, рассказы, пьесы, которые сами же дети исполняли на утренниках, часто в присутствии автора. На приглашения встретиться с маленькими читателями Геннадий Попов всегда отвечал согласием. И получал от таких встреч, по его словам, огромное удовольствие. А как радовались дети книгам, которые привозил им Геннадий Александрович, красочной газете «Малышок», несколько лет выходившей в Тамбове под его редакцией! Он признавался, что именно на детях, в том числе и на своих, проверял, хорошие получились стихи или нет. Иногда ребёнок с первого же прочтения запоминал несколько строк, и это радовало автора. Он сам был в какой-то степени ребёнком – искренний, добрый, иногда наивный...

Разностороннее дарование Геннадия Попова отмечали все, кто с ним общался. Наряду с книгами для детей у него выходили лирические сборники со стихами о любви и о природе, публицистические статьи, очерки; он вступал в полемику по всем вопросам, которые поднимали на своих страницах областные и городские газеты.

При жизни у Геннадия Попова вышло несколько книг в Тамбове и Воронеже – в основном малоформатных и малообъёмных. В 2000 – 2001 годах в Тамбове усилиями родных и друзей в Книжной лавке писателя Александра Акулинина был издан двухтомник избранных произведений рано ушедшего из жизни автора. Скончался Геннадий Александрович Попов 22 апреля 1997 года в Тамбове, похоронен на Воздвиженском кладбище.

В 2013 году на доме № 6 по улице 60 лет Октября, где с 1976 по 1989 год жил Геннадий Попов, установлена мемориальная доска. В Тамбове проводятся футбольные турниры памяти Геннадия Александровича Попова.

Сочинения:

Попов Г.А. Размышления: Иронические строфы. – Воронеж, 1990.

Попов Г.А. Улыбнитесь, пожалуйста!: Сатирические стихи и миниатюры. – Тамбов, 1991.

Попов Г.А. Бывали дни весёлые: Юмористические рассказы. – Тамбов, 1992.

Попов Г.А. Осенняя грусть: Стихи. – Тамбов, 1993.

Попов Г.А. Рассказы и сказки. – Тамбов, 1994.

Попов Г.А. Любимой женщине: Стихи. – Тамбов, 1997.

Попов Г.А. Что ты в жизни видел? Избр. произв. Том 1-й. – Тамбов, 2000.

Попов Г.А. Дела и годы: Избр. произв. Том 2-й. – Тамбов, 2001.

Литература:

Тамбовские даты-2000: Библиографический календарь-справочник. – Тамбов, 1999. – С. 21 – 22.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 117.

Героям

Стонет, стонет донская природа.
Сколько скорбных в степи бугорков...
По весне сорок третьего года
Возле Чира был сбит «Петляков».

Прервалась боевая работа –
Мост бомбили на этой реке,
Но огонь был с земли очень плотным,
И не вышел П-2 из пике...

Может, думали в эту минуту
Разнести мост горящим крестом.
Но, видать, сманеврировать трудно
Грозной «пешке» с разбитым хвостом.

И таран огневой не случился,
И героями парням не быть...
Что поделаешь, так получилось –
Не смогли этот мост разбомбить...

Винт погнутый на холмике скорбном,
И на лопасти видны слова:
«Здесь лежат парни в ранге Героев,
Поклонись им, страна и Москва!».

Может быть, этот пафос излишен?
Кто писал самочинный указ?
Кто б он ни был – указ тот подпишем
За Россию, за мир и за нас!

Послание отцу

В неведомые, неземные дали
Я шлю тебе свой фронтовой привет.
Да, мой отец, мы вместе воевали,
Хотя тогда мне было восемь лет.

Твоя в атаку поднималась рота,
Редела цепь от жуткого огня.
А здесь фашистский ас из пулемёта
На бреющем расстреливал меня.

Стоял ты насмерть в крымских катакомбах,
Сильнее жизни Родину любя,
А на меня с небес летели бомбы,
Что Гитлер приготовил для тебя.

Когда в обмотках, в старенькой шинели
Ты шёл вперёд среди других солдат,
Мы лебеду с крапивой дома ели,
Чтоб ты был сыт, чтоб бил твой автомат.

В жару, ненастье, в лютые морозы,
Когда от дома был ты так далёк,
Я за тебя нечаянные слёзы
У мамы вытирал со впалых щёк...

Всё выдержали, всё стерпеть сумели,
Но недобитым был ползучий гад.
«Уж лучше бы нас немцы одолели!», —
Сказал мне бородатый «демократ».

Читая нашу прессу, нашим внукам
Не разобраться, не понять порой:
Так кто же всё же — Власов или Жуков —
Освободитель русский и герой?

И жалкой кучкой, вопреки народу,
Разрушена могучая страна.
Дельцам, хапугам и другому сброду
Москва-столица ныне отдана.

Для многих жизнь сегодня стала адом —
Вновь гибнут люди и дома горят.
Сыны тех, что тогда сражались рядом,
Друг в друга ныне яростно палят...

Россия в шоке, вороньё над нею.
Оно всё пакостней, жаднее и наглей.
Возможно, были времена труднее,
Но не припомнят времени подлей...

Когда я прихожу к твоей могиле,
Всем сердцем чувствую свою вину...
Да, мой отец, мы вместе победили,
Но без тебя я проиграл войну.

Минимальные потери

Ещё стучали эхом горы...
Довольный ротой и собой,
Комроты говорил майору:
– Ну, дали им! Вот это бой!

Сюда не сунуться теперь им!..
– Что ж, молодцы, – сказал комбат. –
Ну, а твои, твои потери?
– Да ерунда – один солдат...

...В селе далёком на Кубани
Мать, не стирая слёз со щёк,
Шепнула серыми губами:
– Всё, всё потеряно, сынок...

РУМЯНЦЕВА МАЙЯ АЛЕКСАНДРОВНА (1928 – 1980)

Поэт. Член Союза писателей России.

Родилась 27 декабря 1928 года в Москве. Училась в Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева и Литературном институте имени А.М. Горького. Работала грузчицей, лаборантом, агролесомелиоратором.

С середины 1960-х годов Майя Александровна жила на Тамбовщине в Токарёвке, с 1967 г. – в Тамбове. С 1969 по 1980 годы она возглавляла областную писательскую организацию. Стихотворение «Баллада о седых» принесло Майе Румянцевой всесоюзную известность. Поэтесса занималась большой просветительской работой. Её стихи печатались в журналах «Смена», «Крестьянка», «Подъём» и других изданиях. Майя Румянцева награждена орденами Дружбы народов, «Знак Почёта». Она – лауреат областной комсомольской премии имени Зои Космодемьянской.

Скончалась Майя Александровна Румянцева 21 марта 1980 года.

Сочинения:

Румянцева М. Грузчица: Стихи, 1962.

Румянцева М. Чайка: Стихи, 1965.

Румянцева М. Твоё имя: Стихи, 1969.

Румянцева М. Характеры: Стихи, 1977.

Румянцева М. Дорога, встречи, любовь: Стихи, 1978.

Румянцева М. Избранное: Стихи, 1980.

Румянцева М. Встречи и разлуки: Стихи, 1991.

Румянцева М. Раскрепощённость: Стихи, 2002.

Литература:

Баранов, В.П. «Давайте молча посидим...» // Баранов, В.П. Люди и память / В.П. Баранов. – Тамбов, 2001. – С. 633–637.

Дорожкина, В. Поэты уходят – стихи остаются // Литературно-краеведческий сборник. – Тамбов, 1999. – С. 32–34.

Дорожкина, В.Т. Поэты [Текст] : Румянцева Майя Александровна / Валентина Дорожкина // Дорожкина, В. Дорога жизни / Валентина Дорожкина. – Тамбов, 2009. – С. 479–486.

Елегечев, И.З. Памяти Майи Румянцевой : (Двадцать третья годовщина её исхода) // Книга записная: альманах. – Тамбов., 2003. – № 3. – С. 3–11 : фот.

Матюшина, М. Неоткрытая как глубина / М. Матюшина, В. Степанова // Тамб. курьер. – 2006. – 3 апр.

Полякова, Л.В. Талант её принадлежит России: (М.А. Румянцева) // Полякова, Л.В. Выбор / Л.В. Полякова. – Тамбов, 1996. – С. 11–19.

Майя Александровна Румянцева: (к 70-летию со дня рождения) // Тамбовские даты. 1998 год. – Тамбов, 1998. – С. 92–93.

Протест

...Сирены с гарью доносил мне ветер,

Качало от бомбёжки фотографии.

Война – со стен смеялись дети.

Война – живые дети плакали...

А где-то фрау по мужьям томились,

Надев трофейные надушенные кофты.

И девочка печальная из Витебска
Им молча подносила чёрный кофе.

И фрау говорили о России
И становились и надменнее и злее,
Перчатки на руках своих носили
Из кожи русских, украинцев и евреев...

Ходили фрау часто на спектакли,
В антрактах шоколад лениво ели,
И об актёрах спорили в антрактах,
И сумасшедшую Офелию жалели.

А мне в то время – трудная Россия,
И от трагедий по спине – мурашки.
И рядом сумасшедшая Мария
Хочет над могилою так страшно...

И мне смотреть невыносимо просто,
Как с костылями он идёт вагоном тесным.
И даже ночью он приснится после,
Весь из бинтов, из дерева и песни...

А эшелоны всё идут на Запад,
И сёла всё горят, горят, горят...
И города огнём и дымом пахнут,
Как руки и шинели у солдат.

Мне видеть, как под балками качаются,
И слышать мне, как падают убитые...
К нам до сих пор с расстрелов возвращаются,
Но только не живые, а гранитные.

Стоят не горькие, а гордые и сильные.
Нам целый век ещё с войны встречать их...
Я нынче протестую от России
Всей силою её и всей печалью.

Я к ним иду, чтобы склониться ниц,
Чтоб положить цветы у ног гранитных...
Я приговариваю к смерти
всех убийц!
Я приговариваю к жизни
всех убитых!

Обелиски

Тихо в степи травы скорбят.
Птицы по ветру, по небу летят.
Вечный огонь в том краю поседел,
Глядя в седые глаза матерей.

Как шинель над ними – степь
Столько зим и столько лет!
Встретишь в поле обелиск –
Поклонись! До земли поклонись...

Степи заснут, травы заснут.
Снеги по ветру, по небу пройдут.
Вдовы к солдатам идут по ночам,
Чёрные шали скользят по плечам.

Как шинель над ними – степь
Столько зим и столько лет!
Тихо в степи солнце взойдёт.
Детство солдатам цветы принесёт.

Слышите шаг по степям там и тут?
Это солдаты в бессмертье идут...
Как шинель над ними – степь
Столько зим и столько лет...

Встретишь в поле обелиск –
Поклонись!
До земли поклонись...

Зоя

*Зоя Космодемьянская родилась
на Тамбовщине. Памятник ей стоит
в центре города. У ног её всегда цветы.*

Что такое подвиг?
Прощанье или встреча?
Что такое подвиг?
Секунда или вечность?
Шла она неслышно
От школьного порога,
Уходила девочка
В бессмертную дорогу.

Зимы пройдут, вёсны пройдут –
 Дорога не кончится эта.
 Лунного, зимнего,
 красного цвета –
 Дорога не кончится эта...

А слова в тетрадках
 В линейчку косую
 По спине, по сердцу
 Плетью полосуют.
 Красно бились банты
 У школьного порога.
 Алая, как лента,
 В бессмертие дорога...

Закричать бы надо
 Те слова, что знаются,
 Знак-вопрос петлёю
 Под метелью ладится.
 Точки, запятые –
 У школьного порога.
 Крики-восклицания –
 В бессмертие дорога.

Кто придумал петли
 Высоко над бедами,
 У снегов России,
 Над детьми и дедами?..
 Улыбнись с портрета
 У школьного порога,
 Станет белоснежной
 В бессмертие дорога...

Зимы пройдут,
 Вёсны пройдут –
 Дорога не кончится эта.
 Лунного, зимнего,
 красного цвета –
 Дорога не кончится эта...

Шла она неслышно
 От школьного порога.
 Уходила девочка
 В бессмертную дорогу...

Почтальону сорок первого года

Тётя Варечка, тётя Варя,
 Не носи похоронки в хаты.
 В каждом доме, за каждой дверью
 С фотографий глядят солдаты.

Лучше спрячь ты бумагу белую,
 За порог не надо носить...
 Говорят, что сейчас на базаре
 Трудно чёрный платок купить...

И в селе у нас через хату
 Ходят женщины в чёрном трауре.
 И в селе у нас через хату
 На портретах – ленточки алые.

Бабы бойкие, бабы тихие,
 Дашь листок – и в голос заплачут.
 Не носи похоронки в хаты,
 Ты под чёрным платком
 припрячь их...

...Подходила к крылечку тихому,
 У порога долго стояла.
 – Тётя Варечка, тётя Варя,
 Отчего ты белой стала?..

В войну

Не со школьным фартучком,
 С взрослыми обидами...
 Словно бы по карточкам
 Детство было выдано.

Радость пересчитана
 Каждой новой книжкой.
 Даже небо дразнится
 Лунною коврижкой.

Маленькие, маленькие,
 Не могли знать боя мы.
 Но тогда за партами
 Были мы героями.

На пустой желудок
 (Лишь герой так сможет)
 Апельсины с яблоками
 Складывать да множить.

Да ещё и правильно,
 Да ещё и *на* «пять»,
 Да ещё при этом
 Даже... не заплакать.

Когда кровавым было небо синее,
 Когда гремел на наших пашнях бой,
 Не дом один, а целая Россия
 Лежала у солдата за спиной.

В откосы где-то падали берёзы,
 Дома огромные, припав к земле, легли...
 Шёл в бой солдат, и относил он грозы
 Всё дальше от родной своей земли...

Сейчас опять моторы в небе синем,
 Опять грозят нам новой войной...
 Не дом один и не одна Россия,
 А целый мир лёг у солдата за спиной...

Баллада о седине

Говорят, нынче в моде
 седые волосы.
 И «седеет» бездумно молодость.
 И девчонка лет двадцати
 Может гордо седою пройти...

И какому кощунству в угоду?
 И кому это ставить в вину?
 Как нельзя вводить
 горе в моду,
 Так нельзя вводить седину.

Память, стой, замри...
 Это надо.
 То из жизни моей – не из книжки:
 Из блокадного Ленинграда
 Привезли седого мальчишку.

Я смотрела на чуб с перламутром
И в глаза его очень взрослые.
Среди нас он был самым мудрым,
Поседевший от горя подросток...

А ещё я помню солдата,
Он контужен был взрывом гранаты
И оглох и навек онемел.
Вот тогда, говорят, поседел...

О, седая мудрая старость!
О, седины неравных боёв!
Сколько людям седин досталось
От не отданных городов!

А от тех,
что пришлось отдать,
Поседевших – не сосчитать...

Говорят, нынче в моде – седины.
Нет, не мода была тогда,
В городах – седые дымины.
И седая в селе лебеда,

И седые бабы-вдовицы,
И глаза, седые от слёз.
И от пепла – седые лица
Над холмом
у седых берёз...

Пусть сейчас – не война.
Не война,
Но от горя растёт седина.

Эх ты, модница, злая молодость,
Над улыбкой – седая прядь.
Это даже похоже на подлость –
За полтинник – седую стать!

Я не против дерзости в моде.
Я за то, чтобы модною слыть.
Но седины,
как славу, как орден,
Надо, выстрадав, заслужить...

ХВОРОВ ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1957 году)

Поэт. Член Союза писателей России.

Родился 13 июня 1957 года в селе Беломестная Криуша Тамбовского района Тамбовской области. Окончил 8-летнюю школу в с. Беломестная Криуша, Тамбовское профессионально-техническое училище № 7. Служил в армии (войска связи) в Прибалтике. Работал электриком и учился в вечернем Московском химико-механическом техникуме, затем на историческом факультете Тамбовского государственного педагогического института (ныне Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина). Дальнейшая работа связана с педагогической деятельностью: мастер производственного обучения в Тамбовском профессионально-техническом училище № 8, учитель истории в школе № 19. В настоящее время преподаёт историю и ОБЖ в школе г. Тамбова.

Первая публикация – стихи в областной молодёжной газете «Комсомольское знамя» в 1983 г. В дальнейшем последовали подборки стихов на страницах районных, областных газет, в воронежском журналах: «Подъём», «Губернский стиль», «Литературный Тамбов», «Наш современник». Первая книга увидела свет в Тамбове в 2000 г. — «Затихает эхо за спиной». За ней вышли поэтические сборники «Мерцает даль звездой ясной» (2001), «Я привязан к звёздному свеченью» (2002), «Прозреваю душой понемногу» (2004), «Всё былое становится былью» (2007). В 2007 г. в Тамбове издано «Избранное».

В 2008 г. вышла книга стихов и поэм «Тень судьбы». В 2010 г. вышел сборник стихов и поэм «Легенды Лысых гор». В 2013 г. Хворов публикует свой новый сборник стихов (Хворов, В. Игра жизни : стихи, баллады, поэма / Валерий Хворов. – Тамбов : ЗНАК, 2013. – 191 с.). Одновременно он сотрудничает с изданием «Наш современник», в одном из номеров которого выходит подборка его произведений «Восторгом полнится душа ...» (2013. – № 4. – С. 29–31.). Очередная книга поэта увидела свет в 2014 г. (Хворов, В.М. Духовная жажда: стихи / Валерий Хворов. – Тамбов : ОАО «Издательский дом "Мичуринск"», 2014. – 216 с.).

Сочинения:

Хворов В. Затихает эхо за спиной: Стихи. – Тамбов, 2000.

Хворов В. Мерцает даль звездой ясной: Стихи. – Тамбов, 2001.

Хворов В. Я привязан к звёздному свеченью: Стихи. – Тамбов, 2002.

Хворов В. Прозреваю душой понемногу: Стихи. – Тамбов, 2004.

Хворов В. Всё былое становится былью: Стихи. – Тамбов, 2007.

Хворов В. Избранное: Стихи. – Тамбов, 2007.

Хворов В. Тень судьбы: Стихи. – Тамбов, 2008.

Хворов В. Легенды лысых гор: Стихи, поэмы. – Тамбов, 2010 г.

Хворов В. Игра жизни: Стихи, поэмы, баллады. – Тамбов, 2013 г.

Хворов В. Духовная жажда: Стихи, поэмы. – Тамбов, 2014 г.

Литература:

Дорожкина, В.Т. Хворов Валерий Михайлович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 131.

Исаев, Д. «Останется мост над рекою» / Денис Исаев // Тамб. курьер. – 2006. – 30 янв.

Макаров, А. «Пролегла тропинка в травах...» / Аркадий Макаров // Тамб. жизнь. – 2001. – 25 апр.

Макаров, А. И шум дождя, и лепет ветра / Аркадий Макаров // Наедине. – 2007. – 11 апр. – С. 12.

Полякова, Л.В. [О В.М. Хворове] // Полякова, Л. В. Современная поэзия Тамбовского края / Л.В. Полякова. – Тамбов, 2010. – С. 62–63.

Огни сияют городов
От ига Родины свободной.
Немало минуло годов
С войны воистину народной.

Мы не забудем той войны,
Когда Отчизна выживала.
Нам голоса солдат слышны
Под скрежет буйного металла.

Горели травы и жнивье,
Горели люди, но не вера:
– Чужое, значит, не твоё,
Как не твоя, иная мера.

Она незыблема в веках,
Та мера жизни и свободы,
Когда младенец на руках
Свободен, как и все народы.

Бои гремели и росли,
И всё попутно сокрушали,
Родную житницу земли
С могильной кладезью мешали.

Но тополей спасённый строй
Стоял на сопке обгоревшей,
Где пал за Родину герой
От пули на смерть одуревшей.

Он пал за вольные поля,
Сражаясь с гидрою блицкрига,
За то, чтоб люди и земля
Не знали гибельного ига.

Святая сила

Была война, ещё какая!
Огонь до неба полыхал...
И, искры смерти высекая,
Конь бледный бешено скакал.

Казалось, не было спасенья
Ни вехам жизни, никому.
Кружились чёрные мгновенья
В сплошном клубящемся дыму.

И силы тьмы, и силы света
В людей вонзали весь порыв...
Зияла ранами планета,
И клочкотал за взрывом взрыв.

Вскипали встречные атаки
В потоке лавы боевой.
И все знамения, и знаки
Вздымались на передовой.

Солдаты гибли обоюдно
Под вой и грохот канонад.
И русским было всюду трудно,
И немец был судьбе не рад.

В молитвах женщины зывали
К прозренью Господа Отца.
Солдаты света побеждали
Всю вражью нечисть до конца.

Молились женщины о многом,
И отступила вновь беда.
И бледный конь, сражённный Богом,
Во прахе канул навсегда.

И враг отринул жесты Рима
Без гула Марсовой трубы.
Была купина опалима
Фашизма проклятой судьбы.

Бои прошли, война остыла
В гнездовьях адова огня.
Взошла небес святая сила,
Живой всю землю сохраняя.

Есть даты светлые навечно,
когда Россией правит Бог.
И в День Победы ставят свечи

тому, кто Родину сберёг.

Несовместимое совместно,
когда опасность у дверей.
Когда смертям и пулям тесно
вокруг распятых лагерей.

Штрафные гибли батальоны
и в городах, и на полях.
Лишь одиночкам опалённым
спасали жизнь в госпиталях.

Солдат заплачет в День Победы,
ему позволено судьбой.
И водки выпьет за беседой
из старой фляжки фронтовой.

И скажет: «Господи, помилуй
за то, что фрицев убивал.
За то, что водку с русской силой
трофейным шнапсом запивал».

Штрафные гибли батальоны
В сплошном безжалостном бою.
И заслужил солдат «погоны»,
Спасая Родину свою.

Высший свет

Люди жили во мраке,
Керосин берегли,
А другие в бараке
Жили так, как могли.

Ели хлеб и картошку
И любили страну,
Знали с Бронной Серёжку,
Что ушёл на войну.

Вид в Москве мавзолея
Не смущал никого.
Люди жили, лелея
Мысль о свете всего.

Свет в ученье и в доме,
Где ты бытом учён.
Свет в заботах и кроме,
В чём судьбой завлечён.

Свет в победах народа,
На войне и в трудах,

Свет небесного свода
В полевых бороздах.

Только в это же время,
Приглушённо, чуть ниц,
Сеял истины семя
Свет лампаду божниц.

Свет духовного мира
Был не ярост в стране,
Где боялись кумира
Наяву и во сне.

Жизнь венчала идея
С пролетарским штырём.
И, предметом владея,
Был Иосиф-царём!

Титул – проще простого:
Вождь – народов Отец!
Уравнять надо строго
Всем биенье сердец.

Но сияла дорога
Вне мирских перемог...
Кто-то веровал в Бога,
Кто не верить не мог.

Не ворон летает по небу,
А голубь по небу летит.
Душа моя тянется к хлебу,
Он духом мечту золотит.
Ржаной, испечённый с любовью,
Хлеб светел любой стороной.
Из пашен пропитанных кровью,
С полей оглушённых войной.

Хлеб русский и тёплый, и мягкий,
Как руки родных матерей.
Хлеба защищали казаки
От красных и белых зверей.
Хлеба защищали от зверя
Со свастикой на рукавах...
Забьта людская потеря,
Забьт красный рай в головах.
Хлеба за околицей зреют,
С землёй неразрывная связь.
И флаги трёхцветные реют,
И с прежних смывается грязь.

ЦУРИКОВА НИНА ПЕТРОВНА (род. в 1945 году)

Поэт. Член союза писателей России.

Родилась 25 января 1945 года в селе Подгорное Староюрьевского района Тамбовской области. Окончила Погореловскую начальную школу, Староюрьевскую среднюю школу, Тамбовское музыкальное училище (ныне Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С.В. Рахманинова), Тамбовский филиал Московского государственного института культуры (ныне Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина).

В юношеские годы Нина Цурикова начала писать стихи, во время учёбы в музучилище – песни. Первые публикации Нины Петровны появились в 1970-е годы в Староюрьевской районной газете, затем в областных газетах и сборниках. В 1980-х годах она была членом литературной студии «Лира» при областном управлении культуры под руководством Александра Михайловича Белкина. Долгое время Нина Цурикова работала в Новиковской средней школе, Староюрьевской детской музыкальной школе, где продолжает преподавать и в настоящее время.

Сочинения:

Цурикова Н. Останется память: Стихи, песни, поэма. – Тамбов, 2000.

Цурикова Н. Быстроное время: Стихи. – Тамбов, 2005.

Цурикова Н. Закат над полем: Стихи. – Тамбов, 2005.

Цурикова Н. Меж землёю и небом: Стихи. – Тамбов, 2006.

Цурикова Н. Странная птица: Стихи. – Тамбов, 2007.

Цурикова Н. Из тамбовской земли мои корни: Стихи. – Тамбов, 2008.

Цурикова Н. Счастье быть любимой: Стихи. – Тамбов, 2009.

Цурикова Н. Выбор: Стихи. – Тамбов, 2010.

Цурикова Н. Случайно живая: Стихи. – Тамбов, 2011.

Литература:

Белкин, А.И горизонты впереди... / Андрей Белкин // Тамб. жизнь. – 2005. – 27 дек.

Белкин, А. Песни Нины Цуриковой / Андрей Белкин // Тамб. правда. – 1981. – 14 окт.

Матюшина, М. Закат над полем / Маргарита Матюшина // Тамб. курьер. – 2006. – 6 февр.

Матюшина, М. Полку писателей прибыло / Маргарита Матюшина // Тамб. жизнь. – 2012. – 17 янв.

Стребкова, Е.А. К юбилею Нины Петровны Цуриковой [Буклет] / Е.А. Стребкова. – Староюрьево : [б. и.], 2010. – 1 с.

Июньская память

Века ушедшего – остов стальной.

Чья-то в архивах укрылась вина...

Белые платья, и бал выпускной,

Звёзды в ночи. А наутро – война!..

Утро июньское грянет грозой,

Взрывы войны разобьют тишину.

С маршем Агапкина, с женской слезой

Время отправит солдат на войну.

... Может быть, кто-то не помнит уже
 Дрожь похоронок и плачи навзрыд...
 Вновь открываются раны в душе –
 Молнией боль от июньской грозы.

Всех, кто отрёкся от этой войны,
 Кто искажил её подвиг и суть,
 Дети и внуки великой страны
 В это июньское утро клянут!

К тем возвращается в клятвы словах
 Ненависть жён, матерей и невест.
 Кто оскорбил победителей прах –
 Прокляты временем будут навек!

Вдовья память

Вот и кончилась война.
 Ушли бои.
 День Победы
 Ярким пламенем зари
 В сорок пятом
 Загорелся над страной.
 Возвращаются
 Защитники домой.

Как орлы,
 Из поредевших сильно стай,
 Торопились все
 К родным своим местам,
 Все, кто живы,
 Хоть изранены – ну, что ж:
 Для родных – без слов –
 Любим был и пригож.

После зимних холодов
 Военных стуж,
 К Катерине не вернулся
 Её муж.
 Похоронку не вручал
 Ей почтальон,
 И надеялась, что жив,
 Вернётся он!

Той надеждою жила,
Его ждала...
Шла дорога полевая
Вдоль села.
Замолчит, на чей-то
Глядя силуэт,
И бежит к окну –
Не он ли это? – Нет!

За весной вдогонку –
Новая весна.
Катерина всё
По-прежнему одна.
Уж промчался
Не один десяток лет,
Поседела. А вестей
О муже нет.

Сколько их,
Пропавших без вести солдат?
Всё разносит эхо
Той войны набат.
Ищут юные
Могильные холмы
В Белоруссии –
Кровавый след войны!

Следопыты раскопали
Под холмом
Потемневший проржавевший
Медальон,
Каску с пулей,
Котелок и автомат...
Здесь в сраженьи
Смертью храбрых пал солдат.
И фамилия
Начертана была:
«Из Сосновки,
Веретенников Илья...».

Сколько здесь в бою
Погибло молодых?
Книга Памяти
Не всех вместила их.
В эпосе не окончена

Глава.
Получила извещение
Вдова.

Со свечою припадает
К алтарю:
«Помяни, Господь,
Убитого Илью...».
Заневестятся весною
Вновь сады,
И ещё белее –
Косы у вдовы.

Где прощались,
Когда грянула беда,
Помнит сердце
Как любимого ждала.
Осыпается метелью
Белый цвет,
Годы – горем пролетели,
Счастья – нет!

Прокричит совой
Ночная тишина,
Вдовья память
Нескончаемо длинна.
И земля всё носит
В сердце ту войну!
Рвёт на части ветер
Мира тишину...

Отшумела, ушла эпоха...
Хорошо было в ней иль плохо?
Залп салютами ночь разбудит,
Двадцать первый потом рассудит,
Как с фашизма чумой сражались,
Жизнь отстаивая, мужали,
И летели с полей сраженья
Обгоревшие стихотворенья.
Рвали сердце и душу в клочья
Обагрённые кровью строчки!
И – застыли, но – не убиты.
Берегут их гранита плиты.

Руки прочь!

Видишь, Время, – нашлись недоноски,
Осквернители памяти той!
По-хозяйски, настырно, жёстко
Шаг чеканит эсэсовский строй.

И эмблему войны нацепили –
С чёрной свастикой на рукавах
Маршируют. Что ж, все забыли
Саласпилса, Освенцима страх?

Время, будто бы успокоясь,
Не предчувствует близость зла...
Разбудите людскую совесть,
Скорбной Памяти Колокола!

Разливайся, набат! Помином
Столько раз тишину нарушь,
Столько раз пронесись над миром,
Сколько было погибших душ!

Пусть восстанут отцы и деды,
Крикнут: «Вон, нацизм, остынь!
Руки прочь от Великой Победы!
Руки прочь от великих святынь!»

Память вечно жива

Пускай говорят: отгремела война,
И новой эпохой забыта она.
И лязганье «тигров», и «мессеров» вой –
В утиль атрибуты второй мировой!
Таким горлопанам нелишне сказать:
Историю заново не написать,
Не вычеркнуть радость победной весны,
Ведь живы свидетели страшной войны!

Пусть, как снег побелели
Ветеранов виски,
Ордена потускнели,
Но, как прежде, близки
Май, победное солнце
И салют небесам.

И слезой радость льётся
По солдатским щекам.

На кровью политой земле расцвели
Поля и сады. Это внуки земли –
Горячие руки, большие сердца –
Поставили памятники жизни отцам
Отцов своих, дедам. Волнуется рожь.
Ты память, как хлеб, злою искрой не трожь!
Она загорится – и вспыхнет земля,
Останется пепел – забвенья зола!

Завещаю вам, люди,
На граните слова:
Пусть в сердцах ваших будет
Память вечно жива!
Золотят постаменты
Списки. Серый гранит
Этот подвиг бессмертный
На века сохранит.

Солдаты бессмертья

Красный полощется флаг,
Кровью окрасив дату.
Слышишь, чеканя шаг,
Строим идут солдаты?

Не разрушается строй
Диким бомбежки гулом,
Залпом не оглушён
Траурных караулов.

Холод не страшен, зной –
Только забвенья ранит.
Этот бессмертный строй
В вечность шаг чеканит!

В прошлом – была война,
Взрывы, окопы, танки,
Братских могил стена,
Звёздных крестов останки.

Долгими были сны,
Тяжкими были мысли.

И – поднялись они,
Встали у обелисков!

Слышишь, стучат сердца,
Павших в кровавых битвах,
Дедушки и отца,
С нами сливаясь в ритмах?

Будто бы говорят:
Помните нас, ребята!
Наши сердца горят
Болью земной утраты.

Мы ведь для вас зажгли
Солнце Победы ясной.
Надо, чтоб знали мы:
Это всё – не напрасно!..

...Красный полощется флаг,
И не тускнеют даты.
Слышишь, чеканя шаг,
В вечность идут солдаты!

Салют Победы

Над майскими цветами и травой
Теплом ветра весенние согреты,
И, раздвигая горизонт ночной,
Салютом поднимаются рассветы.

Салют Победы над землей горит
Огнём сердец, расстрелянных войною,
Салют Победы двери отворил
В счастливый мир победною весною.

Сверкает, как алмаз, в лучах зари
Земля, забыв все горести и беды,
Великий праздник миру подарив,
Который раз отпразднует Победу.

Салют Победы над землей горит!
Мы той войны не видели с тобою.
Салют Победы двери отворил
В счастливый мир победною весною.

Дают обет защитники страны:
Пусть спят в земле спокойно наши деды.
Мы будем светлой памяти верны,
Храня в веках бессмертный флаг Победы.

Опять заря над Родиной встаёт,
И подвиг время не сотрёт бесследно.
В сердцах людей и памяти живёт,
В лучах зари горит Салют Победы!

СТИХИ ВНУКОВ И ПРАВНУКОВ ВОЙНЫ

АЛЁШИН ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ

(род. в 1964 году)

Поэт, журналист. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Родился 18 апреля 1964 года в Тамбове. Окончил среднюю школу № 24 г. Тамбова, Тамбовский железнодорожный техникум, филологический факультет Тамбовского государственного педагогического института (ныне Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина), Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького в Москве.

Олег Валентинович работал в профессионально-техническом училище № 12, железнодорожном техникуме в Тамбове.

Поэт печатался в журналах «Москва», «Подъём», альманахе «День поэзии – 2012», Литературной газете и других периодических изданиях Москвы, Воронежа, Тамбова. Вёл занятия в литературном объединении «Радуга».

В настоящее время Олег Алёшин – главный редактор газеты «Аргументы и Факты – Тамбов».

Сочинения:

Алёшин О. Русские фрески: Стихи, 1997.

Алёшин О. Случайный взгляд: Стихи, 1998.

Алёшин О. Купила девочка обновку: Стихи, 1999.

Алёшин О. Антоновы песни: Стихи, 2006.

Алёшин О. Сад камней: Стихи, 2014.

Литература:

Акулинин, А.М. За вехой – веха / Александр Акулинин / Тамб. жизнь. – 2009. – 18 апр.

Дорожкина, В.Т. Алёшин Олег Валентинович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова //

Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 50.

Иванов, О. Не только об Антонове // Тамб. жизнь. – 2005. – 12 авг.

Луканкина, Е. «Антоновы песни» / Елена Луканкина // Новая Тамбовщина. – 2005. – 24 авг.

Матюшина, М. Антоновы песни / Маргарита Матюшина // Тамб. курьер. – 2006. – 6 февр.

Донских степей печальный сон

Последним криком не нарушу.

А ветер, словно бесогон,

Врачует раненую душу.

Что грезится стране моей

В лучах тревожного заката?

Быть может, череп снится ей

Непогребённого солдата

Растет цикорий из глазниц

А мне всё кажется, что это

Глаза славянских мудрых лиц,

На нас смотрящих с того света.

Печальней этих синих глаз

Нет ничего на белом свете.
Так смотрят пристально на нас
Старухи и больные дети.

Русский солдат

*Богоборчество живёт в русском человеке с языческих времён.
История, рассказанная мне поэтом Валентином Сорокиным, сыном
солдата, поразила моё воображение.*

*Он рос в многодетной семье. Шла Великая Отечественная война. Его
отец понимал, что если его мобилизуют, то семья обречена на голодную
смерть... Когда «атеисту» Василию пришла повестка, он вдруг ощутил
«чудовищную несправедливость» этого мира. От отчаяния первое, что он
сделал, – разбил кулаком стекло иконы Богородицы...*

...Ты прежде «расправился» с Богом
В неравном кулачном бою.
Снаружи война у порога,
Лицом к ней солдат – на краю!
Разбито стекло у иконы –
Взыскал справедливость солдат?
– Оставь, мать, земные поклоны,
– Не будет дороги назад!
Но каждый твой шаг сосчитала
В поклонах смиренная мать.
А рядом незримо шагала
К Берлину небесная рать.
На Запад ушёл от порога,
Как дым от пожара войны.
На Запад ушёл ты от Бога,
С Восточной пришёл стороны!
По кругу идёт возвращенье
Вся слава досталась живым.
А Бог вместо лютого мщенья
Учил оправданьем своим...

Сон солдата

Я нашёл на развалах гранату,
Смерти не было в ней – пустота.
(Неизвестному снится солдату
В пожелтевшем бреду высота).
Ядохнул обречённо в «лимонку»,
Как в гранёный стакан боевой.
И взметнулась земля! И вдогонку
Вдруг услышал сирену и вой!
Дух войны шевельнулся тревожно

В горловине Великой войны.
Я стоял – и такое возможно?!
Посреди обгоревшей страны.
Рвутся рядом пустые снаряды,
Холостыми работает дот.
Только враг боевые отряды
На высотке таинственной ждёт
Я кричал: «Всё неправда! Неправда!»—
Зажимая гранату в горсти.
И услышал из дымного ада
Командирский приказ – доползти.
Вот ползёт моя тень затаённо,
Огибая высотку, как дым.
Вот поднялся мой дух опалённый,
Чтоб покончить с кошмаром своим.
Крик «За Родину!» – вдруг оборвался.
Я очнулся. Страны больше нет.
За какую страну я сражался
В пожелтевшем бреду столько лет?

БАГРЕЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(род. в 1979 г.)

Поэт. Член Союза писателей России.

Родился 14 марта 1979 года в Санкт-Петербурге. Через год после его рождения семья переехала в Инжавино Тамбовской области. Алексей Багреев – член местного литературного объединения «Откровение». Поэт окончил Инжавинскую среднюю школу № 1.

Первые стихи Алексея Багреева были опубликованы в районной газете «Инжавинский вестник». Поэт публиковался в газете «Наедине», в коллективных сборниках «Не бывает несчастной любви» (2004), «Глаза в глаза» (2005), «Тамбовский альманах» (2005, 2007), «Откровение» (2006). В 2005 г. Алексей Багреев прошёл конкурсный отбор на участие в 3-м слёте молодых писателей в Москве «Дети Солнца». В 2010 г. его стихи вошли в книгу Л.В. Поляковой «Современная поэзия Тамбовского края» (Тамбов, 2010). В настоящее время Алексей Александрович Багреев живёт и работает в Инжавино.

Сочинения:

Багреев А. Сломанные крылья: Стихи. – Тамбов, 2004.

Багреев А. Чужие лица: Стихи. – Тамбов, 2005.

Багреев А. Последний бой: Стихи. – Тамбов, 2008.

Литература:

Луканкина, Е. Алексеево поле / Елена Луканкина // Новая Тамбовщина. – 2008. – 24 дек.

Гущина, И. Расправленные крылья / Ирина Гущина // Инжавин. вестн. – 2004. – 22 марта.

Полякова, Л.В. [Об А.А. Багрееве] // Полякова, Л. В. Современная поэзия Тамбовского края / Л. В. Полякова. – Тамбов, 2010. – С. 65–66.

Я был не первым,
В сплочённом встав строю.
Трещали нервы,
Терзая плоть мою.

Но радость боя
Убила страх пустой.
Передо мною
Чужой сомкнулся строй.

Я рвался в битву,
Я знал – я был готов.
Мой строй молитву
Шептал, не помня слов.

Сигнал к атаке.
И солнце на щитах.
Я жаждал драки,
Но всё пошло не так.

И в холод бросив,
В душе раздался крик,
Что в тех, напротив,
Я узнаю своих.

Заржали кони,
И захрипел металл.
А я вдруг понял –
Не в том строю я встал.

Не говорите мне, что поднялась с колен,
Воспрянула великая Россия.
Да, было всё: и боль, и мрак, и тлен,
И воронье кружило в небе синем.

Да, было так: солдатским сапогом
Враги топтали русские просторы,
Но было так: ползком или бегом
Они, как крысы, прятались по норам.

И пусть кликуши, честь свою продав,
Смущают ложью смены поколений.
Пускай запомнят то, что никогда
Моя страна не становилась на колени.

Последний раз рука сжимает меч,
Последний раз кипит в душе отвага.
И вот уже себя не убережь,
И до конца осталось меньше шага.

Последний раз бросаюсь на врага,
Последний раз кричу, не слыша крика.
И горизонт – как алая дуга,
И смерть стоит, прекрасна и безлика.

Последний раз ударил в грудь металл,
Последний раз я пал не на колени.
И я теперь лишь ясно осознал,
Что этот бой и вправду был последний.

ГОНЧАР АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ (род. в 1965 году)

Поэт, прозаик. Член союза писателей России.

Родился 06 января 1965 г. в селе Хорошавка Инжавинского района Тамбовской области. В 1980 г. окончил Хорошавскую восьмилетнюю школу, учёбу продолжил в Красивской средней школе Инжавинского района Тамбовской области, которую окончил в 1982 г.

С апреля 1983 г. по май 1985 г. Анатолий Михайлович проходил службу в Вооружённых Силах СССР на территории Республики Афганистан.

С декабря 1986 г. по май 1987 г. Анатолий Гончар – курсант Школы прапорщиков. С июля 1987 г. по февраль 1989 г. писатель проходил службу в 201-й мотострелковой дивизии на территории Республики Афганистан. После вывода войск из Афганистана продолжал службу.

Уволившись из Вооружённых сил, Анатолий Гончар работал фермером в Инжавинском районе Тамбовской области.

С ноября 2003 г. Анатолий Михайлович – военнослужащий. Принимал участие в контртеррористической операции на территории Чеченской республики в должности командира разведывательной группы специального назначения. В настоящее время он продолжает службу в Вооружённых силах РФ.

Анатолий Гончар награждён орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», медалью «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (с изображением мечей), медалью «За боевые заслуги», медалью «70 лет Вооружённых сил СССР», медалью «От благодарного афганского народа», высшей наградой ЦК ВЛКСМ знаком «Воинская доблесть», знаком «Воину-интернационалисту» и другими медалями.

Стихи и прозу Анатолий Михайлович пишет с 1989 года. Под псевдонимом Александр Скиф он выпустил несколько поэтических сборников. В последние годы пишет остросюжетную прозу и издаёт под псевдонимом Анатолий Гончар.

Анатолий Гончар – победитель литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (диплом имени генерала М. Скобелева). Лауреат премии «Во славу Отечества» – за выдающийся вклад в дело пропаганды военно-художественной литературы, лауреат специальной премии литературного конкурса «Щит и меч Отечества».

Сочинения:

Скиф А. Я ночь, я день: Стихи. – Тамбов, 2001.

Скиф А. Моей жизни серые полосы: Стихи. – Тамбов, 2001.

Скиф А. Ловлю лучи стареющей луны: Стихи. – Тамбов, 2001.

Скиф А. Свадьбы в январе: Стихи. – Тамбов, 2002.

Скиф А. Только дайте мне точку опоры: Стихи. – Тамбов, 2003.

Гончар А. Черновая работа. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2010.

Гончар А. Приказ – погибнуть. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2010.

Гончар А. Последняя обойма. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2010.

Гончар А. Прапор и его группа. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2010.

Гончар А. Разведчик Соколов – переиздание книги «Черновая работа», г. Москва, 2011.

Гончар А. Боевой выход. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2011.

Гончар А. База икс. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2011.

Гончар А. Смертники. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2011.

Гончар А. Заложник должен молчать. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2011.

Гончар А. Ангел-хранитель – переиздание книги «Последняя обойма». – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2011.

Гончар А. Сержантский трофей – переиздание книги «Приказ – погибнуть». – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2011.

- Гончар А. Пуля – дура – переиздание книги «Боевой выход. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2012.
- Гончар А. Пятый квадрат. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2012.
- Гончар А. Ключ к смерти – переиздание книги «База икс» . – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2012.
- Гончар А. Отборные силы – переиздание книги «Смертники». – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2012.
- Гончар А. Рискованный рейд. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2012.
- Гончар А. Однокурсник президента. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2012.
- Гончар А. Атомный спецназ. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2013.
- Гончар А. Пепел победы. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2013.
- Гончар А. «Рейд в ад. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2013.
- Гончар А. Мы восстанем завтра. – Издательство ЭКСМО, г. Москва, 2015.

Связной

Поэма

*Сложить никак не мог строки,
Глаза застилала муть,
Отца хвалили мужики
И боль давила грудь.
Хотелось плакать... нет, рыдать,
Кричать, бросаясь в гроб.
В слезах стоит родная мать
И братьев бьёт озноб.
Нет, не могу поверить я,
Что он ушёл навек.
– Кузьмич, – твердят его друзья,
– Хороший ЧЕЛОВЕК.*

1

Гул моторов, в синеве кресты,
С воем сыплются с неба бомбы,
То пикируют с высоты
Самолёты на наши кровли.
Чёрной гарью дохнул разрыв,
Полдеревни за миг не стало.
Мать, детишек собой накрыв,
Слёзы горькие утирала.

– Немцы! – поздно уже бежать.
– Немцы! – кровью кипят границы.
– Немцы! – плачет, стонет мать.
– Немцы! – крик по вселенной мчится.

И мальчишка, тринадцать лет,
В партизаны.

Пусть мать не плачет!
 Когда чёрным подёрнут свет
 Он не мог поступить иначе.
 Братья, батя на фронт ушли,
 Лишь малые остались в доме.
 Горсть родной зачерпнул земли
 И в платок завернул.
 В уреме
 Партизанский нашёл отряд
 И упрямо сказал: – Я с вами.
 Командир улыбнулся: – Рад.
 Ну, не гнать же?! – развёл руками.
 – Нужен нам позарез связной,
 Смелый, быстрый,
 и... осторожный.
 – Я как раз, – говорит, такой.
 И поправился: – Ну... возможно...
 – Значит так: зачисляю в штат,
 На довольствие ставлю тоже.
 Руку подал: – Служи, солдат!
 И добавил немного строже:
 – За проступки спрошу с лихвой!
 Возраст здесь – не мерило чести.
 Что ж, посмотрим, ты, брат, какой...
 Нам теперь до победы вместе...

2

Слезилась осень. Опадали
 С деревьев поздние листья.
 Связного нашего послали
 За тридцать три лесных версты.
 – Найдёшь, –
 твердил партторг отряда, –
 От редколесья первый двор.
 Входить туда спешить не надо.
 Заглянь украдкой за забор.
 Коль тихо всё – закрыты ставни –
 Спокойно в двери заходи.
 Запомнил? Точно? Вот и славно.
 Шифровку спрячешь на груди...

3

Бежал связной, сбивая ноги,
 ТТ оттягивал карман,
 По бурелому, без дороги,

К тому же дождь, густой туман...
 Когда добрался – уж смеркалось.
 Закрыто ль ставнями окно?
 Клонила до земли усталость.
 Не видно ставен!
 Всё равно
 Идти придётся,
 донесенье
 Приказ был «срочно передать».
 Но, не надеясь на везенье,
 Он пистолет спешит достать.

Дверь приоткрыта. Тихо входит.
 Широкий стол, горит свеча.
 Три человека. «Наши вроде», –
 Связной решает сгоряча.
 ТТ в карман.
 Но вдруг: «О, Боже!» –
 В углу с повязкой – полицай!!!
 ТТ в руке: –Коль жизнь дороже,
 Оружие... на стол... бросай!
 Но «полицай» лишь рассмеялся,
 Кивнул с ленцой на автомат.
 – Что ж, молодец, не растерялся.
 Я СВОЙ.
 Прости, коль виноват.

Пароль и отзыв – без ошибки.
 Шифровка в «Центр» тотчас ушла.
 И этот случай лишь с улыбкой
 Припоминал «мой старшина».*
 Затем была зима лихая,
 Подрывы рельсов и мостов.
 Война гремела не стихая,
 Людей Косая гнала в ров...

4

Но вот опять весна настала,
 Водюю наполнились ручьи,
 Уж стая чибисов летала,
 Крича извечное: – Вы чьи?
 – Связного живо к командиру, –
 Раздался крик, – скорей, скорей!
 А в небесах парил лениво
 Клин «уходящих»* журавлей.

– Где Михаил? Давай, ищите, –
Он нужен срочно, вот дела!
Да вы к ручью за ним бегите,
Там черемша уже взошла.

– Товарищ...
– Вольно, вижу, вижу,
Не до докладов нынче нам.
Вчера дотла посёлок выжжен...
...беги в деревню... по дворам.
Пускай уходят, все уходят,
Каратели туда идут.
Пускай уходят, все уходят...
...кто не уйдёт – те пропадут.

5

Бежал мальчишка, что есть силы
И кашлем разрывало грудь,
И сердце било ветром стылым.
Петлёю вился торный путь.
Но он успел. Хрипя, с надрывом
Кричал: – Спасайтесь, враг идёт!
В лес уходите, быстро...живо!
Кто не уйдёт... тот пропадёт!

Стучался в двери. Мать, братишек
Слезами к лесу проводил.
А вот родного дядю Гришу
Он так и не уговорил...

Семь человек в селе осталось
Когда каратели пришли.
Лысуха в озере плескалась...
А их сожгли... их всех... сожгли!

Мальчишка видел, как сгоняли
Людей прикладами в избу,
Как дядю Гришу расстреляли,
Как задыхаются в дыму
Соседка Рая, бабка Глаша,
И как орёт надрывно кот.
Наверно кровью горя чаша
Уж переполнилась в тот год...

Ему в «зверьё» стрелять не дали, –

Легли на плечи мужики.
А души к Богу улетали,
Стекаясь в роты и полки...

6

И снова дни текли привычно –
Разведка, яростный налёт.
– Состав подорван!
– Что ж, отлично!
Тебя награда, парень, ждёт.

За жарким летом осень мчится,
Зима метелями кружит,
Уже январский наст ложится
И из-под крыш капель звенит.

В штабной землянке места нету,
Толпится, хмурится народ.
Приказ пришёл (чур, по секрету!!!),
Переходить отряду фронт.
Что? Как? Зачем? Никто не знает.
А командир весь день молчит.
Собака где-то в поле лает.
И пулемёт вдали строчит.

7

Три дня шли к фронту.
Вечерело.
Дано на отдых полчаса.
Венера в небесах горела.
И каждый, веря в чудеса,
Молился Богу или маме.
Молился так, как только мог.
А на снегу, как на бумаге,
Чертил судьбу Кровавый Бог.

8

Земля истерзана. Траншеи
Меж клякс разрывных пролегли.
Бежит связной – ремень на шее,
Ствол карабина до земли...
Стучат сердца бегущих рядом.
(Снег белый глушит топот ног).
А за редяющим отрядом,
Идёт неспешно хмурый Бог.

9

Всё озарилось, света вспышки,
 Визжанье пуль и крик: – Вперёд!
 (Навек запомнится мальчишке
 Как трассер в чью-то грудь войдёт).

Бежал, стрелял по вспышкам света.
 (То бил фашистский пулемёт).
 В зените плавилась ракета
 И тяжело ухал миномёт.

10

Прорыва фронта НАШИ ждали –
 Навстречу грянуло: –Ура!
 И небо от калёной стали
 Светилось красным до утра.

Закончен бой. Смеялся, плакал.
 Потоки чувств сливались в вал.
 И командир сказал: – Однако,
 Ты, брат, своё повоевал.
 Теперь тебе учиться надо!
 Не спорь! И слышать не хочу.
 Коль заслужил в войне награды,
 То и ученье по плечу.

11

И в тот же день, ревя мотором
 Их в небо поднял самолёт.
 Не думал парень, что так скоро
 Его Москва-столица ждёт.

Его ждала Москва-столица,
 Его ждала большая жизнь...
 ...он каждый день мне ночью снится
 И всё твердит: – Держись, держись...

**мой папа уволился из рядов Советской Армии в звании старшина.
 *стая журавлей, в которую превратились наши погибшие солдаты, поэтому
 они не улетают, а уходят.*

P.S. Все описываемые события имели место в действительности.

ЗНОБИЩЕВА МАРИЯ ИГОРЕВНА (род. в 1987 году)

Поэт, прозаик. Член Правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России.

Родилась 25 мая 1987 года в Тамбове. Окончила школу № 24 г. Тамбова, Институт филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат филологических наук. Занималась в литературно-творческом объединении «Тропинка» при Областной детской библиотеке (руководитель – В.Т. Дорожжина).

В 2001 г. в Рязани Мария Знобищева заняла первое место в номинации «Поэзия» на Межрегиональном конкурсе-фестивале «Начало». В 2002 г. она стала лауреатом премии Комитета природных ресурсов по Тамбовской области за лучшее произведение о природе родного края, в 2003 г. – лауреатом Первого Всероссийского конкурса юных поэтов «Моя мечта – моя Россия» и дипломантом Всероссийского открытого конкурса «Моя любимая бабушка» (номинация «Литературное творчество»). Мария Знобищева – лауреат военно-патриотического фестиваля народного творчества «Салют Победы» (Смоленск, 2004), международного Интернет-конкурса, посвящённого 60-летию Победы. В 2005 г. она заняла первое место в областном литературном конкурсе «Мы не забудем той войны...», посвящённом 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 годов) за цикл стихотворений «Молитва матери». В октябре 2005 г. Мария Знобищева стала стипендиатом V Форума молодых писателей России (семинар журнала «Наш современник»), участницей слёта молодых талантов «Дети Солнца». В 2007 г. стала лауреатом Всероссийского фестиваля «Есенинская весна».

Мария Знобищева печаталась в журналах «Наш современник», «Российский колокол», «Подъём», «Волга-XXI век», в «Тамбовском альманахе» и др.

В настоящее время Мария Игоревна преподаёт на кафедре русского языка Института филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Является Президентом литературного клуба «Свеча» при Центральной детской библиотеке имени Н.К. Крупской г. Тамбова, руководителем детской поэтической студии «Ступени» при Центральной детской библиотеке имени С.Я. Маршака.

Мария Знобищева – лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова и областной премии имени Зои Космодемьянской.

Сочинения:

Знобищева М. На свете есть синяя птица: Стихи. – Тамбов, 2000.

Знобищева М. Ландыша хрустальная слеза: Стихи. – Тамбов, 2001.

Знобищева М. В гармонии с природой: Стихи. – Тамбов, 2001.

Знобищева М. Черёмуховый вздох: Стихи. – Тамбов, 2004.

Знобищева М. Зелёная волна: Стихи. – Тамбов, 2006.

Знобищева М. Майский снег / Серия «Поэтический Тамбов». – Тамбов, 2007.

Знобищева М. День радости: Поэзия и проза. – Тамбов, 2009.

Мария Знобищева – автор ряда литературоведческих статей, в том числе о творчестве поэта А.М. Макарова. Её стихи о Тамбове включены в фотоальбом С. Рудакова «Свет родного города» (Тамбов, 2009).

Литература:

Алёшин, О. «Но судьбы не хватило для слёз...» / Олег Алёшин // Тамб. жизнь. – 2006. – 20 сент.

Веселовский, А. ...И мы стали «детьми Солнца» / Антон Веселовский // Новая Тамбовщина. – 2005. – 23 нояб.

Дорожжина, В. Синяя птица Маши Знобищевой / В. Дорожжина // Из опыта программы «Большие братья» / «Большие сестры» в России. – М., Рязань, 2001. – С. 56–61.

- Знобищева, М. [Биогр. справка]; Исповедь [и др. стихи] / Мария Знобищева // Дети Солнца. – Тамбов, 2006. – С. 183–225: фот.
- Казанок, Г. Пишите хорошие книжки, поэты! / Галина Казанок // Ровесник. – 2006. – 30 авг. – 5 сент.
- Кулькова, О. Кто такие «Дети Солнца»? / Ольга Кулькова // Тамб. жизнь. – 2005. – 21 дек.
- Луканкина, Е. «На свете есть синяя птица...» / Елена Луканкина // Наедине. – 2003. – 6–12 авг.
- Матюшина, М. Дети Ра / М. Матюшина, В. Степанова // Тамб. курьер. – 2006. – 3 апр.
- Руделёв, В. «Я пришла сдавать экзамен По печали и весне...» / Владимир Руделёв // Наедине. – 2008. – 16 янв.

Кукушка

1.

Под горой
В зелёной роще
Белый камень.
Там кукует на суку
Птица-память.
По заре да по весне:
Коля! Паша! –
Выкликает имена
Павших.

И три тени там живут,
Три скиталицы,
И три женщины
Над камнем склоняются.
По весне да по заре –
Беспокойные –
Успокоившегося
Кличут воина.

2.

– Сынок, сынок!
Отзовись!
Ты ли это?
Ты вернуться обещал –
Снегом, светом?
Может звёздной вышиной,
Может, небом?
Может, небом, мой родной,
Может, хлебом?

В землю пальцами вращу –
До тебя дотянуться.

Ветром по полю пойду –
 Твои волосы гладить.
 Уста криком растворю –
 Роженица!
 Нового тебя в муке выношу!

Ты ли луч, ты ли ключ,
 Ты ли жёлт – песок?
 Ты ли в поле золотой колосок?
 Над холодной скалой
 Ты ли – птенчиком?
 ...Убран каменный лоб
 Росным венчиком.

Я сама – земля.
 Вот и вернулся ты.
 Поле я –
 Вот и встретились.
 А под сердцем у меня
 Спит мой маленький сынок.
 Не отдам его тебе, ветер!

3.

– Отзовись, мой недолюбленный!
 Где ты?
 Мой невстреченный,
 Небывший,
 Неспетый?

Дремлет дворик наш с тобой
 Белой дремою,
 А под окнами твоими
 Черёмуха.
 Сколько раз цветёт весна,
 Мой хорошенький,
 Столько жизней я одна –
 Одинёшенька.

Всё сию –
 не отхожу
 от ручья:
 Всё мне чудится улыбка твоя.
 И смеются, и лучатся
 Очи синие!
 Всё мне кажется,

Зовёшь меня по имени.

Солнце крутится кольцом
Обручальным.

Ты придёшь ли?

Поведёшь ли

На венчанье?

...Толи ветер меня обнял за плечи,
Толи ты позвал...далече...
далече...

4.

– Здравствуй, папа!

Я к тебе.

Только – где же ты?

Папа, помнишь ли меня,

Свою девочку?

Помнишь, рвали васильки –

Звёзды синие?

Помнишь, папа, на руках

Ты носил меня?

Быстро игры я забыла,

Быстро выросла,

На своих уже руках

Брата выносила.

Улыбался мне, крикун,

Ненасытным ртом...

Ты не знаешь: он родился потом...

Я в любви была горда –

Ты приказывал,

И про детство никогда

Не рассказывала.

Я друзей не предавала,

Птиц – не мучила.

Я во всём старалась быть

Самой лучшей!

Вот пришла к тебе,

Нашла...

Как устала я!

Ты под камнем – молодой,

А я – старая.

Внука именем твоим назвала...

Папа, я тебя всегда

Так ждала!

5.

И цветут у камня девичьи слёзы.
 И качаются от ветра берёзы.
 Солнце яростное крутится и вертится.
 И не верится кукушке, не верится...

Сколько лет, сколько зим
 Сыновьям твоим,
 Женихам твоим,
 И отцам твоим?
 Сколько здесь, на земле,
 Остаётся им?

Или скоро белый камень
 Обернётся песком?
 Или скоро, птица-память,
 Не заплачешь ни о ком?

...Или скоро, разомлевшие от скуки,
 Сумасшедшей
 назовут
 тебя внуки?

Солдату

Та же росная дрожь и синь,
 Что была до войны, до боли...
 Но сегодня ты брат и сын –
 Завтра – дым над сгоревшим полем.

Там, где маки сердца цвели, –
 Бытие или сразу небыль.
 Только если не встать с земли,
 Остаётся дорога – в небо.

Вон как смотрит оно: в тебя –
 Огневое, в седых разрывах!
 Расколосось, всю жизнь скорбя
 О хороших и о красивых.

А над миром – жасминный май,
 И не в пору дымят черешни!
 – Горемычное, принимай –
Идет ангел двадцативешний!

...И когда, попрощавшись с ним,
 В очи мира посмотришь прямо,
 Разорвётся снаряд сплошным,
 Раскалённым, исконным:
 «Ма-ма-а-а!»

Не погибла!

Сероглазый сентябрь, разгораясь,
 Дарит миру рассветы свои.
 И, как осень и небо, живая,
 В сквере праздничном Зоя стоит.

Лист багряный ей под ноги ляжет,
 Дождь слезинкой скользнёт по щекам.
 Не погибла – смотрите! и даже
 Улыбается, юная, нам.

Эшафот стал её пьедесталом,
 А теперь за спиной её – храм...
 Ты врагам ничего не сказала,
 Всё сказав тем молчанием нам.

Танк «Тамбовский колхозник»

Зачем под гладью неба голубого,
 Где тонко тают тучи в вышине,
 Стоит на мирной улочке Тамбова
 Огромный танк, как память о войне?

Навеки он застыл на пьедестале –
 Суровый и холодный, но родной,
 Как будто просит, чтоб не забывали,
 Что сросся он с Тамбовскою землёй...

Шёл год сорок второй – жестокий, грозный.
 Беду в ту пору каждый сознавал,
 И всё, чем мог помочь стране колхозник,
 Он без остатка фронту отдавал.

Измученный, но в Родину влюблённый,
 Народ старался из последних сил
 И танковую мощную колонну
 В священный путь кровавый снарядил.

И – до непобедимости отважный,
В тылу ль, на фронте, в час свой роковой
С войной лицом к лицу столкнулся каждый –
Не каждый был помилован войной...

Почин тот первый славен был и честен,
Но не об этом думали тогда.
В огне былой войны стояли вместе
Деревни сёла, люди, города,

Колхозники, рабочие, солдаты,
И жёны и мужья, и стар и млад,
Чтоб слышать, как торжественно и свято
Колокола победы зазвонят.

Тамбовская безудержная сила
И воли несгибаемая власть,
Как маленькая капелька России,
В большом огне победы разлилась!

...Затем под гладью неба голубого,
В вечернем полумраке тишины
Стоит наш танк, что фронту дан Тамбовом,
Чтоб вечно помнить: мы сильнее войны!

ЛУКАНКИНА ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
(род. в 1981 году)

Прозаик, поэт, драматург, критик, журналист, член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родилась 15 июля 1981 года в Тамбове. В 2003 году окончила факультет журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Десять лет работает в тамбовской журналистике: пять лет – обозревателем в областном еженедельнике «Наедине», пять – в должности корреспондента 1-й категории газеты Тамбовского района «Притамбовье». Несколько лет являлась внештатным литературным сотрудником московского журнала «Российский колокол».

Елена Львовна – автор пяти книг: стихотворных сборников и романа.

В 2003 году на региональном фестивале прессы Тамбовским областным отделением Союза журналистов России Елена Луканкина признана лучшим молодым журналистом Тамбовщины. А в 2012 году – лучшим журналистом года в Тамбовской области.

В 2005 году Елена Луканкина была участником Первого слёта молодых российских писателей «Дети Солнца» и выездного семинара Союза писателей России.

Осенью 2011 года Елена Львовна была награждена литературно-общественной премией «Светить всегда» имени Владимира Маяковского с вручением диплома и ордена «В.В. Маяковский» за верное служение художественному слову, за подвижническую деятельность на ниве отечественной литературы.

В конце 2011 года Елена Луканкина стала победителем конкурса журналистских работ Центрального Черноземья «Бал прессы» в номинации «Персона года», которая присуждается работнику средств массовой информации, чья профессиональная и общественная деятельность оценивается как наиболее значимая и яркая на протяжении года.

Сочинения:

Луканкина Е. Маленькие жизни: Стихи. – Тамбов, 2002.

Луканкина Е. Полуангелы: Рассказы. – Тамбов, 2002.

Луканкина Е. Искусство крика: Стихи. – Тамбов, 2004.

Луканкина Е. P. S. (Post scriptum): Стихи. – Тамбов, 2007.

Луканкина Е. Когда мы стали животными. История болезни. – Москва, 2009.

Литература:

Замшев, М. От крика к свету / Максим Замшев // Наедине. – 2007. – 14 марта.

Искусство крика // Регион 68. – 2005. – № 3. – С. 41 : ил.

Ишин, А. Стихи, как неба точки / А. Ишин // Город на Цне. – 18–24 авг.

Наседкин, Н. Елена Луканкина / Николай Наседкин // Тамбовский альманах. – Тамбов, 2006. – № 2. – С. 182 : фот.

Полякова, Л.В. [О Е.Л. Луканкиной] // Полякова, Л.В. Современная поэзия Тамбовского края / Л.В. Полякова. – Тамбов, 2010. – С. 67–69.

Руделёв, В. «Я была в прошлой жизни дождём...»: творчество Елены Луканкиной в парадигме поэтической школы Евгения Харланова / Владимир Руделёв // Наедине. – 2008. – 5 марта.

Я на землю ложусь – на отеческий щит,

и глаза закрываю и падаю...

Тёплый пар от дождя, холод каменных плит,

воздух пахнет бинтами и ватой.

Сколько в этой земле неотпетых лежит,

её тело навеки горбатое.

Громыхали бои, разрывался снаряд,
но глаза оставались озёрными...
В этой чёрной горсти – и костей и наград
вперемешку с корнями и зёрнами.
Здесь сражался и пал безымянный солдат,
его подвиг и кровь – чернозёмные...

Старушка ива

Здравствуй, кудрявая ива,
сверстница старых дубов!
Ты, как и раньше, красива,
сколько не скажешь годков!

Названа ивой плакучей,
будто бы кличкой-судьбой,
только сильней и живучей
стала от жизни такой.

Пыльно-зелёные кудри
свесила ты до земли,
бременем серую пудру
грубо года нанесли.

Ночью свет фар с позолотой
кудри ласкает твои,
а из приёмника кто-то
грустно поёт о любви.

Рядом роскошные сосны,
белых берёз хоровод,
клён молодой, грациозный
с дубом беседу ведёт.

Ты же стоишь одиноко
и на дорогу глядишь,
кланяясь Господу Богу,
землю целуешь, молчишь.

«Раньше бывало и хуже, –
тихо шепнёшь мне листвой, –
ты не держала оружие,
ты не встречалась с войной!

Помню я год сорок третий:
солнце пекло, как в аду,
будто бы раненый ветер
спал, задыхаясь в бреду.

Выстрелов страшные звуки
громом гремели вдали,
слабые, тонкие руки
тело худое несли.

«Друг умирает, старушка!
кончились детские дни!
Вражеский штаб за опушкой,
Боже, спаси, сохрани!» –

голос мальчишеский, детский
Звонко и грустно сказал.
Друга укрыв свежей веткой,
в пыльном тумане пропал.

Юный солдат-пацанёнок
веткою перетянул
рану и, словно ребёнок,
сжавшись от боли, заснул.

Так и заснул, не проснувшись,
крепко держа автомат.
Стала тогда я старушкой,
словно бездетная мать...

Раньше бывало и хуже, –
тихо шепнёшь мне листвой, –
лучше не видеть оружие
и не встречаться с войной!».

Некрасивые руки

Некрасивые руки закрыли лицо,
искажённое в вечной печали,
но ведь это они у парнишек-бойцов
пули вражеских войск извлекали.

А ещё до войны им хотелось любить,
рисовать небо звёздного мая

и во имя искусства и жизни творить,
карандаш непослушный сжимая.

Но июнь всё унёс: от мечты до любви,
и принёс нищету и утраты.

И сжимают дрожащие руки твои
карандаш? Нет, – затвор автомата...

Некрасивые руки, разбитые сны,
грязь, разруха, замёрзшие лужи —
это страшные годы прошедшей войны
некрасивыми сделали души.

До и после

Не верил в Бога никогда
и не было причин:
желудок сыт, душа сыта,
семья – жена и сын.

В деревне рай – скворцы поют
под звонкий лай собак,
мы верили в рабочий труд,
как верили в себя.

Ласкала руки мать-земля,
чуть отдохнём – пора
на златовласые поля
пшеницу собирать.

И вера крепла в нас сильней,
как зёрнышко пшена,
до ядовитых серых дней,
когда пришла война,

что быстрым взмахом всё сожгла,
как огненным крылом...
Покрылись чёрным мхом дела,
и опустел наш дом.

Из всей семьи одна жена,
и та почти седа,
а с сыном развела война,
мы в разных городах.

Меж нами нить лишь письмецо –
отрада для души,
от слёз туманилось лицо –
всего строка: «Я жив...».

Виски мне снегом замело,
но каждый сон, как явь:
мне снится милое село,
погибшие друзья,

моя любимая, мой сын,
пшеничные поля...
От бесконечности причин
поверил в Бога я.

Поверил, что живёт зерно,
что вырастит посев,
что каждому своё дано –
под Богом ходим все.

И веря сердцем и душой,
разрушилась стена,
вернулись сын с отцом домой,
закончилась война...

Зажглись вечерние огни
в воде у камышей,
прошли те призрачные дни,
да прямо по душе!

Томилась в свастиках беда,
но умер тот Берлин.
Не верил в Бога никогда,
а он ведь есть. Да, сын?

Без названия

Река в берегах тесных плещется,
улыбки ей дарят прохожие,
и только печальная женщина
бредёт на других непохожая.

День майский, приветливый, солнечный,
с газонов цветы улыбаются,

и ей улыбнуться так хочется,
но только вот не получается –

уста не идут на предательство,
все мысли одним только заняты,
ведь сердце дало обязательство
любить. А сегодня – День Памяти,

и в скорби нет общего правила,
слеза – частый гость и непрошенный.
Война от семьи ей оставила,
лишь день, как страницу из прошлого.

МАЛИКОВА ТАТЬЯНА ОЛЕГОВНА
(род. в 1980 году)

Поэт. Председатель Правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России.

Родилась 19 ноября 1980 года в Тамбове. Окончила Авторскую школу Н.А. Рябова, занималась в литературно-творческом объединении «Тропинка» при Областной детской библиотеке (руководитель – В.Т. Дорожкина).

В 2003 году Татьяна Маликова окончила Тамбовский государственный технический университет по специальности «Связи с общественностью». С 2003 по 2005 год по направлению Тамбовской областной писательской организации она обучалась на Высших литературных курсах Литературного института имени А.М. Горького (семинар поэзии Ю.П. Кузнецова – В.В. Сорокина). Татьяна Олеговна Маликова – кандидат филологических наук, с 2008 по 2013 годы преподавала на кафедре связей с общественностью Тамбовского государственного технического университета.

Татьяна Маликова печаталась в журналах «Подъём», «Российский колокол», «Юность», «Юность плюс», «Вестник Международного сообщества писательских союзов», «В литературном кругу», в «Тамбовском альманахе», в сборниках «Золотая строка Московии», «Антология одного стихотворения» и др.

В настоящее время преподаёт на кафедре рекламы и связей с общественностью института филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Является креативным директором Музыкального театра Владислава Юрьева.

Лауреат премии В. Богданова.

Сочинения:

Маликова Т. Лица, маски...: Стихи. – Тамбов, 2001.

Маликова Т. Шарманщик: Стихи. – Тамбов, 2003.

Маликова Т. Перекати-Небо: Стихи, либретто, переводы. – Тамбов, 2010.

Автор либретто и песенных текстов к мюзиклам и музыкальным спектаклям: «Рукопись Мастера» по черновикам романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (постановка на сцене ТОГУК Тамбовконцерт, 2010 г.)

«Я всегда буду с тобой» (постановка на сцене Учебного театра ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010 г.)

«Мери Поппинс с Вишнёвой улицы» (постановка на сцене Тамбовского государственного драматического театра, 2012 г.)

«Антигона. Next edition» (постановка на сцене Тамбовского государственного драматического театра, 2012 г.)

«Цирк Судьбы» по новелле популярного российского писателя Олега Роя (постановка Музыкального театра Владислава Юрьева на сцене учебного театра ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014 г.)

Минута молчания

Дочерей рожать – матерей растить.

Сыновей рожать – на войну крестить.

Руки сеют смерть – губы дарят жизнь.

Дочерям – рожать. Сыновьям – служить.

Учим – не убей! Молим – за убийц!

Материнский крест – под иконой ниц!

Поминальная

Положил Господь – службу нести.
 Голову сложить – мне во степи.
 Кому крест – на грудь, а кому – на погост...
 Мать в дому ослепла от слёз.

Ты не жди меня да не зови! –
 Казаку красна смерть во степи!
 Поседел ковыль над моей головой...
 Мне же не ходить с сединой.

Стелется туман – да над рекой,
 Белый саван треплет ветер злой.
 Вороньё кружит – кличет Смерть да Беду –
 Две сестры-вдовы в степь идут.

Не ищи меня да не зови!
 Больше мне не петь да не любить!
 И мой путь дождями-ветрами размыт...
 Мак цветёт – то степь скорбит.

Скорбит Господь – по павшим, неотмоленным.
 Скорбит Земля – по сыновьям, по воинам.
 Где кровь упала – там маки алы,
 А мы в бессмертье идём устало...

Скорбит Господь – по павшим, неотмоленным.
 Скорбит Земля – по сыновьям, по воинам.
 А нам в бессмертье – не много надо...
 Идут в бессмертье... Идут солдаты...

Письмо с фронта

Я не верю, что стихнет огонь окровавленных маков,
 Я не верю, что кончится песня осенних дождей.
 Будет жизнь, будет вьюга, капель будет плакать,
 Будет вечно мигать свет ночных фонарей.

Ну, и пусть мы уйдём, но ведь нами не кончится время.
 Наши сны оживут в переливах вечерней зари.
 Будут вечны слова, пережитые в горьких потерях.
 Будет вечен восход, я не верю, что он догорит.

Наше сердце – земля, наша крыша – вечернее небо,
Уходящее вдаль серебристыми вспышками звёзд.
Ну, и пусть мы уйдём, запорошены завтрашним снегом.
Но ведь с нами в безмолвие мир не уйдёт.

Будут вечно шептать бирюзовые волны морские.
Будет вечно ронять солнце свет сквозь туман облаков.
Будет вечно любовь, будет вечно Россия.
И сегодня, и завтра, и во веки веков...

НИКОЛАЕВА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА
(род. в 1988 году)

Поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей России.

Родилась 09 марта 1988 года в Тамбове. Окончила гимназию № 12 имени Г.Р. Державина г. Тамбова, музыкальную школу № 1 по классу гитары, занималась в литературно-творческом объединении «Тропинка» при Областной детской библиотеке (руководитель – В.Т. Дорожкина).

Александра Николаева – лауреат областного творческого конкурса на лучшее стихотворение о Великой Отечественной войне, дипломант Всероссийского конкурса «Письмо ветерану». Публиковалась в газетах «Ровесник», «Московский вестник», «Новая Тамбовщина»; в коллективных сборниках «Он наше сердце не покинет» (Тамбов, 1998), «Смотри на жизнь позитивно» (Липецк, 2003), «Тамбовский альманах» (2006, 2007), «Дети Солнца» (Тамбов, 2006), «Люблю тебя, Тамбов!» (2007). Осенью 2005 г. Александра Николаева стала участником 3-го слёта молодых авторов в Москве «Дети Солнца».

В настоящее время Александра Николаевна работает старшим корректором в редакции научного журнала «Вестник Тамбовского государственного университета» при издательстве ТГУ имени Г.Р. Державина.

Сочинения:

Николаева А. Что о себе могу я рассказать: Стихи. – Тамбов, 2003.

Николаева А. А на душе покойней и светлей: Стихи. Поэма. Переводы. – Тамбов, 2006.

Николаева А. Осенний дневник: Стихотворения. Поэмы. Переводы. – Тамбов, 2009.

Литература:

Веселовский, А. ...И мы стали «детьми Солнца» / Антон Веселовский // Новая Тамбовщина. – 2005. – 23 нояб.

Дорожкина, В. Александра Николаева / Валентина Дорожкина // Тамбовский альманах. – Тамбов, 2006. – № 2. – С. 191: Фот.

Кулькова, О. Кто такие «Дети Солнца»? / Ольга Кулькова // Тамб. жизнь. – 2005. – 21 дек.

Матюшина, М. Дети Ра / М. Матюшина // Тамб. курьер. – 2006. – 3 апр.

Николаева, А. [Биогр. справка]; 1812 год: поэма; Заключение [и др. стихи] / Александра Николаева // Дети Солнца. – Тамбов, 2006. – С. 409–452: фот.

Ночи майские в Москве долги,
И бомбёжек пострашней – старость.
Ненавижу тишину в доме!..
Ты войдёшь и у стола встанешь.

Не убит, не тяжело ранен,
Только взгляд костром войны тронут.
– Долго я тебя ждала, Ваня...
– Здравствуй, Маша, я пришёл с фронта.

Не печалься, что седой, Маша,
Я душою молодой, гордый.
А война-то полземли вспашет,
Но растёт на пашне той горе...

А Танюша подросла. Сколько?
 Восемь... И глаза мои – небо!
 Для неё глотал я пуд соли...
 В первый класс её вести мне бы.

Я сегодня закурю, ладно?
 Без махорки не могу просто.
 Я писал поэму про ландыш,
 А теперь вокруг – одна проза...

Ты всегда ложишься так поздно?
 За Неглинкою кричат утки...
 Под Бобруйском взорван мой поезд
 Васильковым золотым утром.

А потом... Изба. Старик с крынкой...
 Древний сад и тусклый лик в ризах,
 И погост, среди берёз скрытый,
 Понял, Маша: не отдам фрицам!..

Я шагал к тебе и полз мили.
 Было... Не было войны разве?..
 – Ваня, Ванечка! Живой! Милый!
 Не погиб в густых лесах Вязьмы...

Помнишь запах диких груш в детстве,
 Симферополь. Корабли, вечер?
 Ваня! Ванечка! Иван! Где ты?..
 Ночь глуха к слезам вдовы вечно.

Мне не увидеться с тобой,
 Моею юностью беспечной,
 Напившись горькой, бесконечной,
 Войной изломанной судьбой.

Мне больше запах не вдохнуть
 Прозрачный – Финского залива,
 Не улыбнуться той счастливой
 Улыбкой, глядя на жену

И дочку... Больше не мечтать,
 Как в детстве, о далёких странах,
 Дюма, Жюль Верна и романов
 Запоем ночью не читать.

Мне больше с другом не лететь
Стрелой Озёрного проулка,
Не вслушиваться в ропот гулкий
Трамваев, города, людей.

Мне больше не припасть к рукам,
Таким измученным и тонким,
И к пепельным от похоронки
Усталой матери глазам.

Мне никогда не позабыть
Ушедших, дорогих и близких,
Могил солдатских, обелисков...
И траурных бескрайних списков
Мне этой жизни не простить!

Письмо отцу

Папа, у нас, говорят,
Очень плохая почта...
Правда, до декабря
Эту войну закончат?

А на войне гроза
С бомбовыми громами...
Можно мне рассказать,
Как умирала мама?

Мёртво легли на постель
Руки безмерной ласки...
Папочка, в тот же день
Я разучилась плакать.

Стёрли с земли наш дом
Залпом безумно длинным,
Где до войны втроём
Ели пирог с малиной,

Где были рояль и свет
Простенького уюта...
Я положу в кiset
Запахи трав июня...

Папа, ты мне приснись

Самой бессонной ночью...
Если же до весны
Эту войну закончат

И расцветёт резеда,
Стану я сильной, мудрой...
...Просто мне иногда
Надо писать кому-то.

Памяти Зои Космодемьянской

Памятью наполнен до краёв,
Маятник качнулся и разбился.
В тишине Осиновых Гаёв
Лучик света в этот день родился...

Утреннего солнца поцелуй
На груди израненной – как орден.
Девочка по битому стеклу
К своему бессмертию восходит.

Руки, ноги – месиво и кровь,
Но душа трепещет птицей белой...
Черноглазый, тоненький герой,
Жизнью ты напитаться не успела...

Белые хрустальные снега
Её тело вечностью омоют...
Мама? Брат?.. Но встреча далека,
Как заря Победы над войною.

САШИН ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ
(род. в 1972 году)

Поэт, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родился 17 января 1972 года в селе Берёзовка Токарёвского района Тамбовской области. Окончил Берёзовскую восьмилетнюю школу, Центр образования молодёжи в Тамбове, факультет журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина в 2002 г.

Владимир Сашин публикуется на страницах газет Мордовского и Тамбовского районов, в областной печати: «Тамбовской жизни», «Рассказ-газете», «Новой Тамбовщине», «Городе на Цне», «Тамбовском курьере».

Владимир Алексеевич работает тележурналистом в Токарёвской телерадиокомпании «Новый век». Дипломант областного конкурса за лучшую книгу о природе в 2004 г. Победитель Всероссийского конкурса журналистов по проблемам мигрантов в 2005 г. Стихи Владимира Сашина вошли в учебное пособие Л.В. Поляковой «Современная поэзия Тамбовского края» (2010).

Сочинения:

Сашин В. От Крещения до полой воды: Стихи. – Тамбов, 1999.

Сашин В. Я пошлю тебе песен: Стихи. – Тамбов, 2000.

Сашин В. Январский дождь: Стихи. – Тамбов, 2003.

Литература:

Зверев, А. [О творчестве В. А. Сашина] / Альберт Зверев. Ярко отражая жизнь такой, какая она есть / А. Носов // Сашин, В. Январский дождь / Владимир Сашин. – Тамбов, 2003. – С. 5–8.

Полякова, Л.В. [О В.А. Сашине] // Полякова, Л.В. Современная поэзия Тамбовского края. – Тамбов, 2010. – С. 66–67.

Здесь живут ветераны войны

Свежий ветер смахнёт паутинку
С твоих окон, заброшенный дом,
И почудится, будто слезинку
Ты столетним смахнул рукавом.

Дверь открыта, входите же, гости,
Только тишь над деревней звенит,
Словно старые белые кости,
Солнце вырвет из мрака в зенит.

Поднимаясь над вымершим краем,
То не кости белеют – дрова,
Их хозяин сложил за сараем,
Бирюзой их накрыла трава.

Нету птичьего бойкого гама
Среди жуткой такой тишины,
Лишь табличка вещает упрямо:
«Здесь живут ветераны войны».

На двери покосилась табличка,
Покосилась иконка в углу:
– Проходите же, гости, к столу –
Заскрипит лишь в сенях половичка.

Приглашая стыдливо к столу,
Зашуршат из чулана газеты,
Много их на дощатом полу,
Все лежат в пыльный саван одеты.

Прошлой жизни лежат очевидцы
Из ушедшей эпохи газеты,
Пожелтели, помялись страницы
Прошлой жизни, а нынешней нету.

Я вижу, как ложится свежий снег,
На улицы дороги, переулки,
Струится дым над старой караулкой,
И время словно тормозит свой бег.
Какая-то далёкая печаль,
Лежит над оснежёнными домами,
Как будто те, что нынче уж не с нами,
Пришли через неведомую даль,
Глядят они нездешними глазами,
Сквозь толщу туч и падающий снег,
И видят, слышат, ощущают тех,
Кто здесь ещё и держит свой экзамен.

ПОЛЯКОВА ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА
(род. в 1942 году)

Филолог, литературовед, литературный критик, педагог высшей школы, краевед. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, член Союза писателей России.

Родилась 10 февраля 1942 года в деревне Редькино Староюрьевского района. Окончила начальную школу в д. Редькино, семилетнюю в с. Подгорное и среднюю школу в с. Староюрьево; филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и аспирантуру при нём.

Лариса Васильевна Полякова – автор более 400 научных работ, в том числе десяти монографий: «Поэзия рабочего мая» (1977), «Поэзия и современность: «за» и «против» (1989), «Выбор: страницы литературно-краеведческой критики» (1996), «Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи» (2000), «Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX–XXI веков» (2007) и др.; соавтор справочника «Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XX веков» и хрестоматий по тамбовскому литературному краеведению (2006).

Лариса Полякова – основатель тамбовской литературоведческой школы. Создатель и куратор Международного научного центра изучения наследия Е.И. Замятина. Член комиссии по литературному наследию С.Н. Сергеева-Ценского при Союзе писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени С.Н. Сергеева-Ценского, областных литературных премий имени А.К. Воронского, имени И.Г. Рахманинова. В 2010 г. вышло учебное пособие Ларисы Поляковой «Современная поэзия Тамбовского края». В настоящее время Лариса Васильевна является профессором Института филологии ТГУ имени Г.Р. Державина. Живёт и работает в Тамбове.

Сочинения:

Полякова Л. Поэзия рабочего мая. Очерк творчества Василия Казина. – Москва, 1977.

Полякова Л. Поэзия и современность: «за» и «против». – Москва, 1989.

Полякова Л. Цена битв. Из истории литературной борьбы советской эпохи. – Воронеж, 1991.

Полякова Л. Выбор. Страницы литературно-краеведческой критики. – Тамбов, 1996.

Полякова Л. Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи. – Тамбов, 2000.

Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков. Компендиум. – Тамбов, 2004.

Полякова Л., Дорожкина В. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков. Справочник. – Тамбов, 2006.

Полякова Л., Дорожкина В. Литературное краеведение. Хрестоматия для 8 класса. – Тамбов, 2006.

Полякова Л. Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX века. – Тамбов, 2007.

Полякова Л. Тамбовская магистраль русской литературы. – Тамбов, 2011.

Литература:

Гудошников, Я. Пути поэзии / Я. Гудошников // Подъём. – 1986. – № 1. – С.131–132.

Дорожкина, В.Т. Полякова Лариса Васильевна. В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С.115–116.

Дорожкина, В.Т. Прозаики и критики [Текст] : Полякова Лариса Васильевна / Валентина Дорожкина // Дорожкина, В. Дорога жизни / Валентина Дорожкина. – Тамбов, 2009. – С. 441-446.

Желтова, Н.Ю. «Жизнь как мера любви...»: штрихи к портрету профессора Л.В. Поляковой / Н.Ю. Желтова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 26 с.
 Л. В. Полякова: Материалы к творческой биографии. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 76 с.
 Полякова Лариса Васильевна // Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина: слов.-справ. – 2-е изд., испр. и доп. – Тамбов, 2004. – С. 381–382 : фот.

К портрету современной тамбовской поэзии о великой войне

Литературно-критическая мозаика¹

В многочисленных стихотворных сборниках тамбовских авторов последних лет создан коллективный портрет поэзии нашего края. Он почти зеркально отражает характер поэтического творчества современной России. Поэты старательно пишут свою индивидуальную биографию, она достаточно выразительна и запечатлевает схожие черты коллективного поэтического лика: поиски, удачи, ухабы, просёлки и исхоженные тропы – всё стягивается к большой дороге русской поэзии XXI века. И каждый автор по этой дороге идёт своим шагом, имеет свою походку и скорость передвижения. Кто-то идёт уверенно, кто-то пока не вышел из просёлков, а кто-то откровенно застрял в ухабе. Но так или иначе портрет узнаваем, черты не смазаны, выпукло прорисованы. Есть стихи, стихотворные сборники, но есть и поэзия, в которой не только автор настраивает свою личную спасительную лиру, но, как в зеркале, отражена жизнь Тамбовского края, «тамбовского человека» (А.П. Платонов), среднерусской провинции начала третьего тысячелетия.

У старшего поколения тамбовских поэтов – свои биографии, темы, ассоциации, своё место на тамбовском Парнасе. Из советского времени они перенесли колоссальный опыт общения с читательской аудиторией, их имена знают в школах области не только по перечислительному ряду, включённому в учебник для 8–9-го классов «Литературное краеведение» (Тамбов, 2007), на страницах которого представлены и почти все другие имена тамбовских авторов, не имеющих отношения к Союзу писателей России. При вступлении в Союз писателей старшие поэты прошли жесточайший отбор, который неизвестен современным молодым авторам. Их биографии связаны с Великой Отечественной войной, потому тема войны доминирует в творчестве. На страницах их поэтических сборников отражена биография России последнего полувека.

Более сорока лет назад в связи с выходом в «Советской России» книги поэта-фронтовика **Ивана Кучина** «На том стою» (это была десятая книга поэта, первая – в столичном издательстве) В. Котов цитировал короткое стихотворение, открывающее сборник:

¹ Фрагменты из монографии: *Полякова Л.В.* Тамбовская магистраль русской литературы. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения ООП «Литфонд России», 2011. С. 269-292.

Если стоять –
 то скалой,
 Если упасть –
 то в бою,
 Если лететь –
 то звездой,
 Веря в орбиту свою.

Каждый писавший и пишущий ныне о поэте обязательно обращается к его биографии. И это закономерно: творчество Кучина самым непосредственным образом связано с линией жизни, а биография поэтически воскрешена, обобщена в стихах. «Мне делать биографию не надо. / Она, пожалуй, сделала меня», – скажет Кучин в стихотворении «Разговор с другом». Военная биография поэта отражена не только в содержании, но и в поэтике, доминирующих ассоциациях, художественной образности, в названиях его стихотворных сборников: «Цветы и порох», «На том стою», «Поэма Победы», «Именем жизни», «Моя передовая», «Линия жизни», «Чтобы жить».

На фронте в стихи Кучина вливалась из самой жизни красота и яростная борьба за неё. Уже тогда его поэзия была отмечена страстной, истовой гражданственностью. Она и осталась его поэтической «передовой».

В ряду мировых катаклизмов Великая Отечественная война стала событием, изменившим сам характер художественного видения. Поэту-фронтовику был чужд душевный комфорт. Его поэзия, поэзия Победы, оставалась поэзией борьбы. Память о войне стала частью мироощущения. И на мирную жизнь такой лирический герой смотрел и смотрит глазами солдата, глазами человека, от которого зависит всё.

В наше быстро меняющееся время непросто сохранить свои привязанности. Для поэтов-фронтовиков не существовало и не существует вопроса о возможности крупных творческих перемен: тема войны и мира у них была и осталась ведущей. Они писали и пишут ныне, говоря словами Кучина, не только «по закону сердца и строки», но и «по мандату памяти и долга». И сегодня их лирический герой смотрит на мир глазами солдата, от которого зависит всё, для которого не было и быть не может уклончивости в принимаемых решениях: «И в жизни всё – от крупного до малого – сверял с тобой, мой вечный Сталинград».

И мы не только кумачовой датой
 Нацелены
 и, как стволы, прямы, –
 Мы каждый день
 встречаем как солдаты,
 К любым боям
 всегда готовы мы.

«Служба памяти», противостоящая уничтожающей силе «бега времени», несёт ежедневную вахту в жизни и творчестве фронтовиков. Она, эта «служба», особенно бдительна сегодня, когда основные противоречия XX столетия не только не исчезли, а приняли угрожающе-трагический характер. Актуален призыв поэта: «Подумаем о слове, не о славе...». Так обращался поэт к своим собратьям по перу и написал произведение, принесшее автору пачки писем из разных городов нашей страны, поэму «Тысяча белых журавликов». Школьники присылали Кучину бумажных журавлей, на раскрытых крыльях которых написано: «Мир мне нужен, чтобы исследовать Землю, открыть неизвестное и полететь в космос», «...чтобы было счастье на всей земле», «...пусть нигде не льются слёзы», «Сасаки Садако любила жизнь, и мы любим жизнь. Мы должны жить, а не погибнуть!»...

В поэме «Тысяча белых журавликов» использована японская легенда-быль о том, как в городе Хиросиме от лучевой болезни умирает маленькая девочка Сасаки Садако и перед смертью делает из бумаги журавликов – символ радости и счастья: ей приснился сон, что она для выздоровления должна сделать тысячу таких птиц.

Но только чудес не бывает:
 Так атомный гриб ядовит!..
 – Кто строил памятник? –
 У города спросили.
 И он ответил:
 – Дети Хиросимы.
 – А в честь кого?
 Чей образ он хранит –
 В сердца людские
 Врезанный гранит?
 Чем дорог он народу,
 Чем приметен? –
 – Здесь памятник
 Погибшим нашим детям...

Один журавлик «долетел» до московского Дворца пионеров и с утра до вечера глядел на весёлых ребят, глядит и сейчас, «глядит тепло и доверчиво – как на друзей глядят».

Интернациональная лирика – составная часть темы борьбы за мир – широко представлена в творчестве Ивана Кучина. В критике отмечалось лучшее стихотворение этого ряда – «О моём имени». Не только в годы войны имя Иван считалось символом стойкости, непобедимости русского народа. И сила – её обобщает поэт в гиперболическом образе гудящей Земли – в единении с Иоганнами, Гуанами, Джованни, с Джонами и Янами: «Сыны рабочих и сыны крестьян, сыны германцев, римлян и славян. Земля гудит под нашими ногами. И с вами вместе я – простой Иван». Обращаясь к кубинскому поэту Индио Навори в стихотворении «Патриа о муэрте!»

(«Родина или смерть!»), поэт снова говорил от имени горевших в пламени Великой Отечественной войны:

Я ведь тоже – солдат бывалый,
 В небывалой горел грозе.
 Наши руки
 врагов убивали
 И умеют
 обнять друзей...

О стремлении к дружбе между народами, к миру говорят и многочисленные переводы И.С. Кучина с немецкого, французского, болгарского, сербского. В свою очередь и стихи Кучина переведены на некоторые языки мира.

По-разному вели себя люди на фронте. Человек, поставленный в экстремальные условия, наиболее полно раскрывал свои нравственные качества. Кучин воспел «мальчика – солдата», которого от смерти спасла санинструктор Вера, а через некоторое время, когда мальчик с букетом цветов пришёл в санбат, увидел бугорок и дощечку с надписью: «Лежит здесь санинструктор Вера. Ей было восемнадцать лет». Лучшие строки поэта посвящены однополчанам, воинам бывшей 35-й Гвардейской стрелковой дивизии. Поэтичен рассказ о «непогибшем герое» «пехотинце морском» Михаиле Паникахе. И сколько таких сюжетов хранила память поэта-фронтовика!

...Есть у Ивана Кучина стихотворение, лирико-драматической коллизии которого хватило бы на целую повесть, – «Кони». Это поэтический рассказ о том, как однажды дедушка взял мальчика в ночное, посадил его на коня-трёхлетку, мальчик не удержался, не выдержал скорости бешеного бега и упал прямо под копыта мчавшегося табуна. Но кони не тронули мальчика, перескакивали через него, и он остался жив. Остался жить. А конь-трёхлетка терпеливо стоял в стороне и ждал своего маленького друга. «Кони» – повествование о человечности нашего бытия, каким бы грозным оно ни было, о силе и победе добра, о торжестве жизни. И это программный мотив творчества поэтов-фронтовиков, мотив магистральный, оптимистический. Это апофеоз всей творческой биографии Ивана Кучина. Это мощный музыкальный аккорд, прозвучавший в конце земного пути нашего замечательного современника.

Тема войны – неотъемлемая часть творчества поэта-фронтовика **Семёна Милосердова**. Во сне и наяву ему постоянно слышался «отзвук раскалённого набата»:

Стоны, грохот, пепел, дым и прах...
 Я бегу... Мне слышится комбата
 Голос, огрубевший на ветрах...
 Проплывают выжженные лица,

И развёрсты огненные рты...
 Сколько ж будут сны такие длиться?
 До моей последней, знать, черты.

Во всём хорошем, с чем сталкивался поэт в мирной жизни, он видел своеобразный памятник павшим:

Эти мосты и ангары,
 Эти дворцы, телебашни,
 Эти сады и бульвары –
 Памятник павшим.

Главный мотив поэзии Семёна Милосердова, по его собственному признанию, – мотив «восхищения и света»; это поле утренней чистоты, которой наполнены стихотворные строки, несмотря на поистине трагическую судьбу, выпавшую на долю этого человека. И, тем не менее, поэт всегда находился «во власти стихии солнца и стиха». Вот что особенно выделено мною в «Слове о друге», предваряющем сборник «Белые колокола» (1991): «Земля и корень. Это, пожалуй, одна из объёмных метафор поэзии Милосердова. Земля с постоянно звучащей симфонией жизни, земля, прислушивающаяся к скрипу колёс и жужжанию шмеля, к гудению трактора и к пению старинных народных песен. Земля в разноцветии красок и запахов... Природа и человек, природа и работа. Какая-то щемящая русская грусть, какое-то постоянное присутствие ощущения невосполнимости, Но эта печаль не разрушающая, не испепеляющая душу. Она очищает, идёт в корень, насыщает его живительной силой, накапливается в народе, передаётся от поколения к поколению...».

О чём бы ни писал поэт – о весне или лете, об уборке урожая или рощах Притамбовья, о зимовщиках или переселенцах, – везде чувствуется «земное притяженье»: не созерцание людского труда, а участие в нём, не взгляд со стороны, а глубокий интерес ко всему, чем живёт человек. Поэту дороги «косцов запотевшие лица», «облака над головой», потому что «всё это вместе – частица России моей луговой...».

И на войне поэт защищал прежде всего эту бескрайнюю красоту родной земли. Сколько душевной боли автора вобрали в себя строки стихотворения «Зерна»:

Я помню: был смертельным грузом
 Взрыт косогор; как близ реки
 Дымясь, на поле кукурузном
 Светились зёрен угольки.

Бой отгремел. Пожар потушен.
 И мы ушли за косогор...
 А эти зёрна жгли нам души
 И обжигают до сих пор.

Стихи Семёна Милосердова проникнуты ощущением неразрывной связи человека с землёй, на которой он трудится. И оттого, что сам поэт близок к этой земле, что он свой в любом селе, в любой деревне, стихи читаются легко. Они даже не читаются, а льются, как золотое зерно на большом току. И так просторно и светло становится на душе, словно ты сам приобщаешься к добрым делам, которые творит человек. Простота и образность – вот что свойственно поэзии Милосердова. У него не найдёшь таких «сверхоригинальных» рифм и выражений, когда, прочитав написанное, долго думаешь: а что же всё это означает? И уж, конечно, нет той избитости, какая даёт пищу для многих пародий. Кажется, поэт вовсе и не подбирает рифму, не придумывает образные выражения – они сами приходят в стихи, делая их запоминающимися, а главное – заставляющими по-новому, глазами поэта, посмотреть вокруг себя и увидеть, что «березняка светящаяся кромка дыханьем сентября обожжена», услышать, как звучит осенняя тишина, и в этой прозрачности, в этой лёгкости уловить «черты моцартианства, гармонии сияющей красу».

Волшебством веет от лирики поэта, его стихи завораживают, и неохотно выходишь из этого мира – берёзового, грачиного, листопадного, пронизанного светом нежной, ранимой, вечно влюблённой души. Он порой и сам удивлялся, откуда появлялось такое, – вроде бы ничего волшебного, а душа трепещет:

Ты говоришь: бессонница...
 Всё бросить и забыть...
 Но разве можно солнце
 В самих себе гасить?

Валентина Дорожкина обладает редким и удивительным талантом быть всегда влюблённой – в жизнь, природу, людей, в свой дом и город. Эта влюблённость, не иссякаемая ни при каких обстоятельствах, служит тем камертоном, по которому настраивается всё лирическое пространство поэзии автора, отмеченной мудростью влюблённого сердца. И, как правило, мудрость концентрируется в концовках стихотворений, которые становятся афоризмами. Их хочется не просто запомнить, осмыслить, но принять в качестве жизненного ориентира:

Душа и разум вечно в споре:
 Душа мечтает о просторе,
 Стремится птицею в полёт,
 Но разум крыльев не даёт...

Душе так хочется полёта –
 Хотя б на несколько минут!
 Но разум прыгнул с самолёта,
 И – не раскрылся парашют.

Поэзия Валентины Дорожкиной – скромная, тихая, добродушная и предельно честная, очень нужная современному человеку, продолжающему активно терять представления об истинных ценностях. И в жизни, и в творчестве Дорожкина едина. Это очень существенно для творческого результата. Особое место в её творческой программе занимает тема Великой Отечественной войны. Последовательна она в памяти об отце-воине, которому посвятила своё первое, самое удачное стихотворение «Моя причастность к войне», открывшее в 1978 году первую книжку автора, «Причастность», вышедшую в Воронеже. Активная гражданственность и интерес к остро социальным проблемам – выразительная линия творчества тамбовской поэтессы, обеспеченная ресурсами её личности. И не игра, не поза, а желание быть похожей на отца, погибшего в Великую Отечественную, желание оправдать гражданскую миссию дочери фронтовика диктует поэтессе вот эти строчки:

Если б видел меня отец,
То сказал бы:
«В меня уродилась».
И добавил бы: «Молодец!»

По общему пафосу и творческим поискам ближе всего к Валентине Дорожкиной стоит, пожалуй, **Евстахий Начас**. Неслучайно издательским рецензентом одной из его книг («Зимний листопад», 1981) стал поэт-фронтовик Иван Кучин. Неслучайно и то, что открывается сборник стихотворением, эпиграфом к которому стоят слова поэта-фронтовика Сергея Орлова «Я не помню, кто мне о России сказал...». Начас родился «в сороковом, в июне, ровно за год перед войной». Война и стала лейтмотивом творчества поэта.

В поэзии Евстахия Начаса меня привлекает её социальный, гражданский нерв, широта тематики, открытый лик лирического героя, отсутствие всякой позы. Поэт пишет о том, что хорошо знает, что пережил сам, что интересно другим. Он чувствует читателя, умеет его заинтересовать, не переутомить однообразием.

Есть у поэта своя «Землянка»:
Жила семья в землянке лиловатой,
таилась в ней сырая тишина.
Глядела мать в глаза мне виновато,
о, как понятна мне её вина!

Но тема военного голодного детства представлена сдержанно, она не перегружает страницы книги. Военные мотивы поэт предельно разнообразит: то покажет нам обелиски с именами погибших, то пригласит прочитать триптих о военно-спортивной игре «Зарница», то уведёт читателя во времена Куликовской битвы, поведаёт балладу о вдове, расскажет о том, как погиб мальчишка, тракторист, взорвавшийся вместе с трактором на «мирной» mine.

Но, пожалуй, самый интересный поворот патриотической темы находим мы в стихотворении «Сад».

В истории русской поэзии XX века есть шедевр безысходно трагического мотива сада, в особом темпо-ритме передающий напор, каскад чувств и страсти поэта. Это «Сад» (1934) М.И. Цветаевой:

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...

На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет –
Прохладный сад...

Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? –
На старость лет моих пошли –
На отпущение души.

Стихотворение Марины Цветаевой – ключ к мирочувствованию поэта, к великой тайне её страдающей души. И вот сад Евстахия Начаса, с его интонацией, с его метафорами и художественными параллелями:

Наш старый сад стоит, светлей зари,
и яблоки, срываясь, в травах тонут.
И кажется, что это – снегири,
и чудится – деревья стонут.
И собираю спящих снегирей
в постиранную майку, я спросонок,
и, как всегда, в потрёпанной коре
я замечаю дымчатый осколок...
Он, сад, живой,
и, словно люди, помнит
разрывы мин, запёкшиеся раны.
Как у солдат, к дождю всё кости ломит,
так и у яблонь – ветки утром рано...

Образ сада вписан Евстахием Начасом, поэтом с гражданственно-патриотической доминантой своего творчества, не только в память автора, но и в историю страны.

В современных условиях всеобщего апокалипсиса, социально-нравственного тупика жизнелюбие и жизнестойкость лирического героя нелегко завоёвываются. Они защищаются как самая неприступная крепость: если её сдать, погибнешь. И здесь показательно и значительно творчество Александра Макарова. В его поэзии есть распространённый для современной литературы образ «малой родины». Когда поэт говорит «вся земля», мы понимаем, что речь идёт прежде всего о крае, где он родился и живёт сейчас:

К заре в родных полях
Притронувшись дыханьем,
Я понял, вся земля
Наполнена стихами.
(«А где живут стихи...»).

И всё-таки «малая родина» – одновременно и окно в огромный мир, и звено в этом мире. «Ладонь прижав к земле, я слушаю движенье времён и поездов, движенья звёздных сфер», «ладонь прижав к земле единственного дома, я слушаю шаги родившегося дня» – так поэт по пульсу и сердцебиению родного края узнаёт, чувствует состояние родины, вселенной, истории и современности. Весь огромный мир перекрещивается во внутреннем мире автора. Исследование собственного «я» становится путём к постижению великих человеческих тайн и главных нравственных заповедей. Одна из таких заповедей, чутко и бережно осваиваемая Макаровым, – память, память-наказ.

Через все стихи, по крайней мере лучшие, в творчестве Макарова проходит тема послевоенного детства. Память поэта хранит картины, жуткие в своих контрастах. Широкое хлебное поле, залитое солнцем, васильки приветливо улыбаются голубыми глазами, жаворонки поют то ли грустную, то ли весёлую свою песню, в тихой избушке с двумя голубыми окошками мама сидит за прялкой и рассказывает сказку:

Слово за словом. И слово
Зёрнышком в сердце ляжет.
В памяти колосом зрелым,
Голосом звонким всходить.
Бег колеса – продолжайся,
И не кончайся, пряжа,
Будь подлиннее, подольше
Не обрывайся, нить...
(«Нить»)

А из одной деревни в соседнюю долго идут голодные пары: потерявшие на фронте глаза, руки, ноги взрослые в сопровождении прежде времени постаревших детей. Эти картины никогда не станут прошлым, они стали историей родины, страницами родиноведения как самой нестареющей

науки. В поисках современного глагола поэт обращается к этим страницам: «Сон иль чудесное действо: послевоенное детство, / Мальчик стоит под окном. / Жизнь подаёт ему небо. / Солнце. А хочется хлеба! / Всё остальное потом» («Изба»). «Глаголы: строить – жить во имя мира» – это наказ детства, это требование современности.

Послевоенное детство и – шире – Великая Отечественная война для Макарова – не только тема или лейтмотив, но и угол поэтического зрения, та сторожевая вышка творчества, с которой далеко видно во все стороны света, как на заставе русских богатырей.

«По голосам колосья различаю», «весь на миру. И миру отвечаю» – вот какая сила осознания своей причастности ко всему, что делается на земле, сила ответственности! Поэма «Отчий дом» написана в форме венка сонетов и потому звучит особенно торжественно и вдохновенно. Она – образец удачного использования венка сонетов в освещении исторической темы. Явление не распространённое в истории литературы. Ведущая мелодия, лейтмотив поэмы – образ русского хлебного поля, воплощённый в сонетную форму, получает лирически-державное звучание. Поле – это и малая родина, и поле жизни, и причал для долго странствующего корабля, и национальные корни, и прочные фундаментальные патриотические основания. Обращаясь к погибшим, поэт докладывает, что их корни, их зёрна дали хорошие всходы. От имени своего поколения говорит:

Мы все на этом поле рождены.
Мы стали колосками. И корнями,
Как пальцами, разламываем камни.
Светлы. И радостны. И влюблены.
Мы поднимаемся из тишины
Глубокой борозды
Встать рядом с вами
Под небом с ястребиными кругами,
Под песней соловьиной глубины...

Поэма Макарова как талантливая скульптура героической России с её героическими отцами и сыновьями.

Тамбовская земля дышит даже в творчестве тех авторов, кто рождён на ней или прожил целый жизненный этап, но в тамбовской писательской организации лишь состоит на учёте, проживая в Москве, Санкт-Петербурге или в Германии. Речь должна идти о почве, корнях, материнском начале творчества, и их авторы не прячут от читателя. Например, **Марина Струкова** – одно из самых ярких имён на скромных страницах тамбовской поэтической книги, Марфа Посадница современной русской поэзии. Её имя стоит в первом ряду поэтов наших дней, оно на устах литературных критиков разных направлений и эстетических вкусов. Родилась в крестьянской семье в Саратовской области, в семилетнем возрасте вместе с родителями переехала

в село 1-я Берёзовка Мучкапского района Тамбовской области. Здесь окончила среднюю школу, здесь на страницах районной, а потом областных газет были опубликованы её первые стихи. Позже её охотно начнёт печатать журнал «Наш современник». Выйдут сборники «Чертополох» (1996), «Солнце войны» (1998), «Серебряная пуля» (2003). Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Живёт в Москве, однако исповедуется в стихах о среднерусской степи.

Если искать историко-литературные аналогии, то Марина Струкова бесспорно продолжает традиции А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой, но лишь в одной их ипостаси – гражданственно-патриотической лирики. На страницах струковских сборников услышан голос Ахматовой, прозвучавший в блокадном Ленинграде («Мужество»):

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Или цветаевское:
Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь:
Челюскинцы – русские!

Марина Струкова работает уверенным и бесстрашным пером. Кажется, невозможно найти изъяны в поэтике её стихотворных жанров, в структурных характеристиках, в ритмике или рифме. Культура стиха, можно сказать, безукоризненна. Всё продумано до деталей. Всё выдаёт высокий профессионализм автора, её булатную стилистику:

...Вы – на жаргоне, на иврите,
вы – так, что я не повторю,
вы – по-английски говорите...
А я по-русски говорю.

Или исповедальное:
Я люблю тебя, степь,
словно жизнь, словно смерть,
золотая и знойная твердь.
Ты мне мать, ты мне дом
и курган со крестом,
и рубеж с богатырским постом.

Неслучайно книги Марины Струковой сопровождаются предисловиями или послесловиями её коллег, которые пишутся не для «отписки». И уже в этих разделах струковских изданий читатель попадает в энергетическое поле, на которое он, читатель, не может не отреагировать.

Сборник стихов «Серебряная пуля» (М.: Наш современник, 2003) открывается предисловием Сергея Яшина, где он называет это издание «книгой о Войне. О Войне тотальной. О Войне, которая пронизывает весь мир своей огненной стихией. О Войне, которая требует полной безоговорочной мобилизации. При этом мобилизованным оказывается каждый...». И далее автор предисловия заключает: «Ведь сам мир соткан из сражающихся друг с другом противоречий», «только Война является самым глубоким архетипическим проявлением, ведущим по инициатическому пути, на котором неважно – убил ты или убили тебя. Именно этот путь выбран поэтом Мариной Струковой в качестве абсолютного самоопределения.

Марина – поэт Войны». Думаю, автор предисловия не точен в характеристике основного пафоса стихотворной работы Струковой. Да, она поэт с устойчивой творческой программой, она – певец русской судьбы, русского человека, русского долготерпения. Именно поэтому она взывает к активности и героизму, к историческому созиданию:

Мало тех, кто выйдет вон из строя,
всей эпохи искупив вину...
Спите, трусы, вас спасут герои –
человека три на всю страну...

Борьба – это поэтическая страсть и стихотворный призыв поэтессы. Всё же бесконечность и время находятся в причинно-следственном соответствии: подлинная бесконечность есть преодоление времени. Это философия. В предисловии к сборнику «Серебряная пуля» совершенно не мотивированно отождествлены два разных понятия, два разных смысла, два разных уровня и масштаба – борьба и война. Именно борьба имеет созидательную функцию. Именно о борьбе говорил Гераклит: она – «отец всех вещей» (здесь возможен и вариант перевода, который приводит С. Яшин: «борьба – отец всего»). Именно борьба у Гегеля осмыслена как сущность диалектического движения. Речь идёт о борьбе противоречий, а не о войне. Например, о борьбе двух начал – дионисийском, разрушающем и аполлоническом, гармонизирующем. Быть в одно и то же время опьяненным и трезвым – в этом и есть тайна всякой серьёзной поэтической работы. А война как мировое явление имеет совсем иную философию. И здесь понятна Марина Струкова, написавшая своё четверостишие «Поэт»:

Мне всё равно, где буду прав –
в войне умов? В войне держав?
Ведь всех полей страшней, гляди,
то поле боя, что в груди.

Очень уместной воспринимаю публикацию в сборнике «Серебряная пуля» своеобразной рецензии С. Куняева «Приближается звук» (Читая рукопись новых стихотворений Марины Струковой)), где поэт, критик и редактор журнала «Наш современник» пишет: «Надо правду сказать: редко, но рождалась в России порода людей, которые запредельным усилием души увязывали православное смирение с героической волей самопожертвования». Здесь приведены прекрасные слова русского философа А.Ф. Лосева: «Я многие годы провёл в заточении, гонении, удушении; и я, быть может, умру никем не признанный и никому не нужный. Это – жертва... В самом понятии и названии «жертва» слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое... Жертва в честь и славу Матери-Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственное только и осмысливает жизнь...». Эти мысли великого философа XX столетия рождены в 1941 году.

Думаю, и автор предисловия С. Яшин, и сама Марина Струкова в своём обращении к чрезвычайно сложному закону бытия – единства и борьбы противоположностей, в процессе осмысления категории «война» кое-что не расчлениют... Без послесловия С. Куняева позиционная книга Марины Струковой «Серебряная пуля», спорная в своей философии борьбы, могла бы сыграть свою деконструктивную роль. Думаю, что в общей концепции поэтессы не столько представлена идеология борьбы (не войны) противоречий, сколько присутствует нечёткость, непрояснённая (нет, не противоречивость) авторской позиции. Я склонна воспринимать метафору «серебряной пули» (сама книга, названная так, словно серебряная пуля для читателя) в прямом её мифологическом смысле: борьба с оборотнями, с Тьмой, средоточием зла и лжи, с нечистой силой, воплощённой, как пишет С. Яшин, «в живой плоти врага». Но собственный народ – не враг.

Поэзия Марины Струковой многотемна, многопроблемна, многожанрова и многофункциональна, однако поэтическим апофеозом звучит мелодия доверия России, веры в неё:

Россия... Ей горе не ново,
и тем удивительней ей,
что только последнее слово
опять остаётся за ней.

Под этими словами мог бы подписаться каждый из тамбовских поэтов.

СОДЕРЖАНИЕ

Валентина Дорожкина. Они приближали нашу победу... Вступительная статья

ПОЭЗИЯ

СТИХИ ПОЭТОВ, ПОГИБШИХ НА ФРОНТЕ

Афанасьев Вячеслав Николаевич

«Застигнутый последней метой...»

«В час, когда на каменных накатах...»

«За чёрной горой...»

Котов Борис Александрович

Когда нагрянет враг

Могила лётчика

Звезда на эстакаде

За Победу!

28. VIII. 43 г.

Шульчев Валентин Иванович

Песня курских партизан

Партизанская

Дорога на запад

Мужество

Орловщина, *отрывок из поэмы*

СТИХИ ПОЭТОВ, ВЕРНУВШИХСЯ С ВОЙНЫ, НО В РАЗНОЕ ВРЕМЯ УШЕДШИХ ИЗ ЖИЗНИ

Голованов Сергей Иванович

Наступает пехота

В одном ряду

«Ещё в селе струится чад...»

«Вьюга, набиваясь в буераки...»

Мать

Пехотинец

Дорошин Павел Алексеевич

Уходя на фронт

Чтобы боль не повторилась...

Сердце

Чтобы сын не воевал

Баллада о земляках

Из писем к тебе
Двое
«Сейчас бы подснежникам цвести...»

Журавлёв Василий Андреевич

Во время боя
«Ранен я, и поседела...»
Мать
«Боюсь не смертного удела...»

Кубанёв Василий Михайлович

К ногтю!
Мы не одни

Кучин Иван Сергеевич

Перед боем
Уходим в разведку
Незабываемое
Далека моя река...
Соловьи сорок пятого года
В день Победы
Победа
Мамаев курган
Зоя

Милосердов Семён Семёнович

Мы уходим на северо-запад...
Мать-Россия
Зёрна
У подножья высоты
Всё помнят дороги
Огненные сны
Память о войне
Памятник павшим

Стрыгин Александр Васильевич

Фронтная память
Рассказ солдата
Поэту-фронтовику Ивану Кучину
Письмо-треугольник
В Музее обороны Ленинграда

Шамов Иван Васильевич

Гибель сокола
Подвиг техника Конилова

Ночной таран
 Полёт Девятаева
 Надпись к картине «Письмо с фронта»

СТИХИ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Акулов Иван Иванович
 Герой Советского Союза
 Три песни об отце – плотнике и бойце
 Дети войны

Герасимов Пётр Сергеевич
 Медицинская сестра
 Деревенские учителя
 Землякам, погибшим...
 В войну
 Смерть для Победы
 Бабушкина любовь

Герасин Виктор Иванович
 Песнь о полуторке
 Горсть земли
 Конь
 Я помню
 Вечный огонь

Дорожкина Валентина Тихоновна
 Однофамилец
 Маме
 9 мая 1945 года
 Милосердные сёстры
 У памятника Зое
 Горький июнь
 Чтоб не забылись имена...
 Обелиски белые, обелиски чёрные...

Елегечев Иван Захарович
 Штрафбат, *трагедия, фрагмент*

Замятин Николай Михайлович
 В честь Победы
 Победа
 Тревожная ночь
 В лесу под Воронежем
 Всё меньше их...

Курбатова Татьяна Львовна

«Сорок первый и сорок пятый...»
 «Сквозь пробитую каску у сонной реки...»
 «Не заживают раны ветеранов...»
 Ночной таран
 Встреча
 «В лесу прифронтовом – дыхание весны...»
 Салют, Победа!
 «А там война по улицам идёт...»
 «Падал в бездну край седого неба...»
 «Хрупких крыл хруст...»
 «Вечная память павшим...»
 Прощёный день

Макаров Александр Михайлович

Красный мячик
 «Невысок мой отец...»
 Желановка
 «Выстрел услышал я и оглянулся...»
 «Послевоенные годы...»

Макаров Аркадий Васильевич

У могилы неизвестного солдата
 Моё поколение
 Памяти павших
 Деревня
 Маленькая баллада
 Рассказ о солдате

Марков Валерий Александрович

«Не шёл я в атаку в цепочке бойцов...»
 Не сокращайте!
 Книга памяти
 «Седина – как ордена...»
 Другу из поколения детей войны
 «Он не пришёл к заветным ивам...»
 Станция Рада

Начас Евстахий Ярославович

Землянка
 Баллада о каше
 Тополь
 Баллада о вдове
 «В полях зола – войны полова...»

Плясовая
Память детства

Перцева Лидия Александровна

Дитя войны
Небесный десант
Очи в небо
Покоя нет поныне
«В день Победы Пискарёвский чистый...»

Попов Геннадий Александрович

Героям
Послание отцу
Минимальные потери

Румянцева Майя Александровна

Протест
Обелиски
Зоя
Почтальону сорок первого года
В войну
«Когда кровавым было небо синее...»
Баллада о седине

Хворов Валерий Михайлович

«Огни сияют городов...»
Святая сила
«Есть даты светлые навечно...»
Высший свет
«Не ворон летает по небу...»

Цурикова Нина Петровна

Июньская память
Вдовья память
«Отшумела, ушла эпоха...»
Руки прочь!
Память вечно жива
Солдаты бессмертья
Салют Победы

СТИХИ ВНУКОВ И ПРАВНУКОВ ВОЙНЫ

Алёшин Олег Валентинович

«Донских степей печальный сон...»
Русский солдат

Сон солдата

Багреев Алексей Александрович

«Я был не первым...»

«Не говорите мне, что поднялась с колен...»

«Последний раз рука сжимает меч...»

Гончар Анатолий Михайлович

Связной, *поэма*

Знобищева Мария Игоревна

Кукушка

Солдату

Не погибла!

Танк «Тамбовский колхозник»

Луканкина Елена Львовна

«Я на землю ложусь – на отеческий щит...»

Старушка ива

Некрасивые руки

До и после

Без названия

Маликова Татьяна Олеговна

Минута молчания

Слава героям!

Знаменосец

Письмо с фронта

Николаева Александра Николаевна

«Ночи майские в Москве долги...»

«Мне не увидеться с тобой...»

Письмо отцу

Памяти Зои Космодемьянской

Сашин Владимир Алексеевич

Здесь живут ветераны войны

«Я вижу, как ложится свежий снег...»

Полякова Лариса Васильевна

К портрету современной тамбовской поэзии о великой войне,
литературно-критическая мозаика